

ВИКИНГИ и СЛАВЯНЕ

УЧЕННЫЕ, ПОЛИТИКИ, ДИПЛОМАТЫ
О РУССКО - СКАНДИНАВСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ

СОВЕТ МИНИСТРОВ СЕВЕРНЫХ СТРАН
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

ВИКИНГИ И СЛАВЯНЕ

Ученые, политики, дипломаты
о русско-скандинавских отношениях

С.-ПЕТЕРБУРГ

1998

Ответственные редакторы
АНДЕРС ХЕДМАН и АНАТОЛИЙ КИРПИЧНИКОВ

ISBN 5-86007-095-0

© Коллектив авторов, 1998
© Пиотровская Т. А., перевод, 1998
© Совет министров Северных стран.
Информационный центр
в Санкт-Петербурге, 1998
© «Дмитрий Буланин», 1998

А. Хедман

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой читателю книге «Викинги и славяне» рассказывается о славяно-скандинавских отношениях, которые с особой силой проявились в эпоху викингов IX—XI вв. В составе авторов издания ученые — специалисты в области археологии и политики, рассматривающие прошлое в зеркале настоящего. Еще несколько лет тому назад вряд ли мы могли бы собрать такой коллектив. Времена изменились. Выступления представителей разных общественных кругов отражают важные перемены относительно оценки не только давних, но и современных событий.

Избранная тема не случайна. Здесь мы сразу вспоминаем так называемый норманнский вопрос, который заключается в различных, порой диаметрально противоположных оценках роли норманнов на Руси. Этот вопрос, долгое время трудный для русской науки, ныне стал рассматриваться с новых беспристрастных, объективных позиций. Это долгожданное свидетельство нормального развития научной и общественной мысли, не разделенной более железным занавесом и пытающейся объяснить феномен славяно-скандинавского взаимодействия в эпоху викингов и в более поздний период.

A. Hedman

INTRODUCTION

The book «Vikings and Slavs» offered to the reader deals with Slavonic and Scandinavian relations especially strong in the Viking time of the 9—11 centuries.

Among the authors of this edition there are specialists in the sphere of archaeology and politics who consider the past reflected in by the present like by a mirror. Several years ago we would not have been able to unite such people together. But the time has changed. The articles of the representatives of various social spheres reflect important changes concerning the evaluation not only of the events of those far off times but of modern ones as well.

The chosen subject is not a chance one. Here the so called «Normanist Controversy» presents different sometimes diametrically different evaluations of the Norsemen role in the history of Rus' comes into mind. This subject considered for such a long time difficult for Russian scholars, is now treated in a more objective, unbiased way. It is a long awaited evidence of normal development of scientific and social thought not separated any longer by the iron curtain and trying to explain the phenomenon of Slavic and Scandinavian relations during the Viking Age and later.

The authors of this book are not in complete accord with each other concerning the interpretation of separate

Авторы данной книги не во всем согласны друг с другом в интерпретации отдельных фактов, но сходятся в главном. Историческая встреча славян-русских и скандинавов обогатила оба крупнейших европейских этноса рядом существенных культурных и экономических достижений. В жизни упомянутых народов были войны и разрушения, но прогресс обществ Восточной и Северной Европы, как верно отмечают авторы, опережал потери и движение вспять. Культурно-экономическое сообщество стран и народов региона Балтики, сложившееся, как считают участники книги, в IX—X вв., — прекрасный пример общеевропейской интеграции, к которой мы вновь стремимся и в наши дни. Строительство современной объединенной Европы имеет, как оказалось, более чем тысячелетнюю традицию.

Идеи, изложенные в книге, соответствуют культурной деятельности Совета министров Северных стран (далее СМСС). Этот Совет создан в 1965 г. как исполнительный орган Северного Совета — правительственного органа, учрежденного в 1952 г. В Совет министров Северных стран входят: Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Исландия, Фарерские острова, Гренландия и остров Оланд. Задача СМСС — укрепление и развитие сотрудничества в северной части Европы. Начиная с 1990 г. все большее внимание СМСС стал уделять соседним государствам. В связи с этим в 1995 г. в Санкт-Петербурге был открыт Информационный центр СМСС, распространяющий свою деятельность на Северо-Запад России, включая Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую области, а также Карелию.

Этот центр — не коммерческая организация, его цель — расширение сотрудничества между Северными стра-

facts but they agree on the major points. Historically the meetings of the Slavs-Russians and the Scandinavians enriched both European ethnoses with a number of important cultural and economic achievements. The mentioned above people suffered wars and destruction, the progress of the societies of Eastern and Northern Europe, as it is pointed out by the authors of this book, left behind all losses and regress. The cultural and economic fellowship of the countries and nations of the Baltic region formed, by the opinion of the authors of the book, by the 9—10 centuries, is an excellent example of all European integration we are again striving to nowadays. The construction of modern united Europe has, as it appears, a more than thousand years tradition.

The ideas set forth in this book are in complete accordance with the cultural activity of the Nordic Council of Ministers (hereinafter NCM). The Council was organised in 1965 as an executive body of the Nordic Council—the governmental body established in 1952. The members of the Nordic Council of Ministers are: Sweden, Norway, Denmark, Finland, Iceland, the Faeroes, Greenland and the island of Åland. The NCM objective is to reinforce and develop co-operation in the northern part of Europe. That is why in 1995 the Information Centre of NCM was opened in Saint Petersburg. The sphere of its activity covers the north-western region of Russia, including Leningrad, Novgorod and Pskov regions as well as Karelia.

This centre is not a commercial organisation, its aim is to extend co-operation between the Nordic countries and Russia in the sphere of culture, arts, literature, science and education.

During the short period of its existence in St. Petersburg the Information Office managed together with other interested

нами и Россией в области культуры, искусства, литературы, науки и образования.

За короткое время своего существования в Санкт-Петербурге Информационному центру удалось совместно с заинтересованными организациями и при нашем финансовом участии провести ряд семинаров, конференций, выставок, помочь в публикации некоторых изданий и производстве фильмов. Организованы курсы по изучению языков Северных стран. Оказана поддержка российским художникам, показавшим свои произведения на выставке в Копенгагене по программе «Искусство в современной жизни». При содействии Информационного центра Институт социологии Академии наук издал справочник «Благотворительные организации России в Санкт-Петербурге».

Не стану перечислять всего сделанного нами. Впереди много замыслов.

Публикация этой книги обращена к большой разноязычной читательской среде. Вновь вспоминаем о путях между Россией и Северной Европой, проложенных нашими далекими предками более чем 1000 лет тому назад, и мечтаем о свободном общении наших народов в наступающем XXI в.

Статьи, составляющие настоящий сборник, собраны мной и профессором Анатолием Кирпичниковым, вложившим немало сил и упорства в реализацию данного издания, идея которого была задумана вместе с послом Российской Федерации в Швеции Олегом Гриневским. Издание осуществляется на средства СМСС на русском и английском языках. Информационный центр СМСС в Санкт-Петербурге и впредь будет откликаться печатным словом на злободневные темы, интересующие Россию и Северные страны.

organisations and with our financial support to hold a number of seminars, conferences, exhibitions, to help in publishing some editions and making films. The Nordic countries language teaching courses have been organised. Besides, support has been granted to some Russian artists exhibiting their works in Copenhagen at the exhibition organised in accordance with the programme «Art in Modern Life». With the assistance of the Information Office the Institute of Sociology at the Academy of Science published the reference book «Charity Organisations of Russia in St. Petersburg».

I'll not be enumerating everything we have done. There are many projects ahead.

This book is addressed to a great number of multilingual readers. Again the routes between Russia and Northern Europe built up by our ancestors more than 1000 years ago come to our mind, and again we dream about free communication of our people in the coming 21 century.

The articles published in this book have been collected by me and professor Anatoly Kirpichnikov who has put much effort and persistence into realisation of this publication the idea of which was shared by Oleg Grinevsky, the Ambassador of the Russian Federation in Sweden. The publication is carried out financially by NCM in the Russian and English languages. The Information Centre of NCM in St. Petersburg is further going to respond to the burning topics interesting for both Russia and the Northern Countries.

О. А. Гриневский

**РОССИЯ И ШВЕЦИЯ. БЕЗ ПРОШЛОГО
НЕТ БУДУЩЕГО**

Весной 1994 г. в российском посольстве в Стокгольме собрались ученые, работники музеев, издатели, писатели и просто любители истории на необычный вечер — «Викинги за самоваром». Откровенно и без предвзятости они спорили об эпохе викингов и русско-шведских исторических связях. Одни характеризовали викингов как разбойников и пиратов, другие — как купцов, смелых путешественников и даже основателей правящей на Руси династии Рюриковичей. Эти выступления публикуются в настоящем издании, они дополнены заметками К. Бильдта и А. А. Собчака. Таков первый опыт совместной историко-культурной оценки начального этапа русско-шведских контактов, адресованный широкому читателю. Почему была избрана именно такая тема?

Прежде всего потому, что это наше общее прошлое. Эпоха викингов привлекает многих своей романтикой, дальними отважными походами, подвигами бойцов, блестящим, богатым скандинавским искусством. Дать однозначную характеристику скандинавов, которые в VIII—X вв. были известны во всей Европе, невозможно. Их боялись, пугали ими детей и одновремен-

O. A. Grinevsky

**RUSSIA AND SWEDEN. THERE IS NO
FUTURE WITHOUT PAST**

In spring of 1994 scholars, museum curators, publishers, writers and just lovers of history came to the Russian Embassy in Stockholm for an unusual party — «The Vikings at the Samovar». Quite sincerely and without prejudice they disputed about the Viking Age and about Russian and Swedish historic links. Some of them characterised the Vikings as robbers and pirates, others — as merchants, brave travellers and even as founders of the ruling in Russia dynasty of the Rurikids. Those speeches are published in this book, with the notes by Carl Bildt and A.A.Sobchak added. Such was the first attempt of the joint historic and cultural evaluation of the initial stage of the Russian-Swedish contacts addressed to general reading public. Why was it this subject that has been chosen?

First of all because it was our mutual past. The Age of Vikings attracts with its romance, long, brave journeys, heroic deeds of warriors, brilliant and rich Scandinavian art. It is impossible to give quite a simple and single characteristic of the Scandinavians who were well-known throughout the whole Europe in the 8—10 c.c. They were afraid of, children were frightened with them and at the same time they were searched for support, hired as

но искали у них поддержки, нанимали в качестве военной силы, обогащались от их купеческой деятельности. Появление скандинавов на Руси сопровождалось не только грабежом и установлением дани, но и способствовало развитию торговли, ремесел, образованию поселений на торговых путях, активизировало интернациональные связи. По сообщению русской летописи, скандинавский выходец Рюрик (то ли швед, то ли датчанин) возглавил молодое государственное объединение — Северную Русь. Норманнские правители в дальнейшем ославянились, и первые князья, несмотря на свое чужеземное происхождение, внесли значительный вклад в дело создания и укрепления одного из самых могущественных государств Европы — Киевской Руси.

Описанные в летописи обстоятельства призвания варягов славянскими и финскими племенами чуть ли не два века обсуждаются в русской и шведской науке. Так в литературе возник «норманнский вопрос». Вокруг него временами разворачивались настоящие сражения с обилием резких суждений и политических обвинений. Как подчеркивали выступавшие на упомянутом вечере, ныне настало время спокойного обсуждения этой исторической темы, уже без взаимных обвинений, угроз, идеологической конфронтации, монополии на истину. Таков важный итог проведенной встречи, подтолкнувший к публикации данной книги.

Эпоха викингов ознаменовалась не только войнами и разрушениями, но и строительством новой многогосударственной Европы, объединенной растущими экономическими, культурными и межэтническими связями. Бурно этот процесс происходил в странах региона Балтийского моря, не исключая и Руси. Все эти страны, как полагают, объеди-

military force, their merchant activity brought enrichment. The arrival of Scandinavians in Rus' was not only followed by robbery and laying tribute, but it promoted the development of trade, crafts, furthered the formation of new settlements along trade routes, made international links more active. According to the Russian chronicle, Rurik, a Scandinavian by birth (either a Swede or a Dane) stood at the head of a young state — Northern Rus'. With the time the Norsemen rulers became more Slav-like, and the first princes, in spite of their foreign origin, made an important contribution into the creation and making strong one of the most mighty states of Europe — the Kievan Rus.

The circumstances of inviting the Varangians by the Slav and Finnic tribes described in the Chronicle have been discussed for nearly two centuries by Russian and Swedish scholars. Thus the «Normanist Controversy» appeared in literature. Real battles abounding in sharp opinions and political accusations stormed around it at times. As it was emphasised by the speakers at the mentioned above meeting the time has come to discuss this historic subject in a calm way, without mutual accusations, threats, ideological confrontation, the monopoly for the truth. That was an important result that urged the publication of this book.

The Viking Age is known not only for the wars and destruction it brought but for the construction of a new multi-state Europe, united by growing economic, cultural and inter-ethnic links. This process was rather stormy in the countries of the Baltic sea region, Rus' being no exception here. All these countries are supposed to have united partly spontaneously into a kind of a trade, economic and cultural unit. New towns appeared, long-distance trade flourished, the famous transcontinental merchant routes were

нились, отчасти стихийно, в своеобразное торгово-экономическое и культурное сообщество. Вырастали города, процветала дальняя торговля, были проторены знаменитые трансконтинентальные купеческие пути. Путешественники Запада и Востока увидели новые миры и взаимно открыли друг друга. Особенно преуспели здесь люди Руси и Швеции. Возникло их небывалое тесное общение. Установившиеся человеческие, хозяйственные, династические, военные контакты оказались плодотворными и взаимообогащающими. Источники, как письменные, так и археологические, эту картину насыщают все более яркими красками. Мы вправе утверждать, что связи двух наших стран и народов в период раннего средневековья были глубокими, многообразными, подчас героическими по своим свершениям.

Мятежная эпоха викингов в Европе середины XI в. уступила место более стабильному и самостоятельному развитию. Однако в течение последующих веков Швеция и Россия чаще выступали как военные соперники. «Норманнский вопрос» стал «балтийским вопросом». Распалось сотрудничество, завещанное славянами и первыми скандинавами, проникшими в Восточную Европу. На смену пришли войны за передел границ, противоборство, дележ сфер влияния. Немало крови пролили наши народы, чтобы осознать бесполезность агрессии и взаимной вражды.

Ныне мы вступаем в новый период межгосударственных контактов и равноправного партнерства. На пороге XXI в. мечтаем о расширении всестороннего сотрудничества и беспрепятственном общении простых людей. Наше общее прошлое способствует сближению России и Швеции на общечеловеческом уровне. В 1994 г. в Сигтуне на-

laid. The travellers from the West and the East saw the new worlds and actually opened each other. The people of Rus' and Sweden were especially successful here. They actively communicated with each other. The human, economic, dynastic and military contacts developed between them proved fruitful and enriching each other. The sources both written and archaeological, add more and more bright colours to this picture. We have the right to assert that the links between our two countries and peoples during the period of Early Middle Ages were deep, varied sometimes heroic in their achievements.

The stormy Viking Age in the Europe of the middle of the XI c. gave way to a more stable and independent development. During the following centuries however Sweden and Russia acted as military rivals more frequently. «The Normanist Controversy» turned to «The Baltic Controversy». The co-operation bequeathed by Slavs and the first Scandinavians who penetrated into Eastern Europe broke up. It was followed by wars for the change of the borderline, confrontation, division of spheres of interest. Our people had shed much blood before they understood all the futility of aggression and mutual hostility.

Nowadays we are entering a new period of inter-state contacts and equal partnership. On the threshold of the XXI century we are dreaming about broadening the all-round co-operation and communication of ordinary people not limited by anything. Our common past makes the movement of Russia and Sweden towards each other on human level easier. In 1994 in Sigtuna an exhibition of Old Ladoga and Novgorod called «The Russia of Vikings» was organised. At this exhibition the visitors joined the opened by archaeologists world of fantastically preserved household and artistic objects of the long gone generations. Much in the artefacts of

пример, была организована выставка древней Старой Ладogi и Новгорода, названная «Россия викингов». На этой выставке посетителей обступал раскрытый археологами мир удивительно сохранившихся бытовых и художественных вещей давно ушедших поколений. Многие в материальной культуре русских и шведов, живших в VIII—XII вв., оказалось сходным и даже одинаковым. Это ли не лучшее материальное доказательство культурного единства двух наших народов, установившегося более чем 1000 лет тому назад?

В этом же году из Сигтуны на ладьях, сделанных по древним образцам, стартовала экспедиция «молодых викингов», которые прошли по маршруту своих предков через Балтийское море и Ладogu в Новгород. В 1996 г. в Кремлевском музее в Москве открылась выставка «Наследие варягов», а молодые викинги продолжают свое путешествие по маршруту предков от Новгорода к Черному морю.

История наглядно демонстрирует богатый и плодотворный опыт мирного сотрудничества людей наших стран. А без прошлого нет будущего.

Russians and Swedes living in the 8—12 c.c. turned out to be similar and even identical. Is it not the best proof of the cultural unity of our people that was established more than 1000 years ago?

That same year an expedition of «Young Vikings» started from Sigtuna on the boats made in accordance with the old samples. They followed the route of their forefathers through the Baltic sea and Ladoga to Novgorod. In 1996 the exhibition «Varangians Heritage» was opened in the Kremlin museum in Moscow, and the young vikings will continue their journey along the route of their ancestors from Novgorod to the Black sea.

History clearly demonstrates the rich and fruitful practice of peaceful cooperation of people of our countries. And there is no future without past.

К. Бильдт

**ШВЕЦИЯ И РОССИЯ
В ВЕКАХ ИСТОРИИ
КОНФРОНТАЦИЯ ИЛИ КУЛЬТУРНОЕ
ВЗАИМООБОГАЩЕНИЕ?**

Страна, которая не знает своей истории, не может найти своих путей в будущее. Ныне растет интерес к истории, и это в то время, когда Россия, Швеция и вся Европа переживают период важных перемен.

Когда думаешь о прошлом, в голову прежде всего приходят наименования Полтава и Нарва, которые как для шведов, так и для русских, связываются с периодом войны и конфронтации между Россией и Швецией на рубеже XVII и XVIII вв. и в начале XVIII в. Окончание этой конфронтации освободило Швецию от великодержавности и одновременно отяготило этим Россию в ее будущем развитии. Только теперь Россия начала сбрасывать тяжелое наследство, которое обременяло ее все эти годы, и тем самым создается новая основа для ее будущего.

Александр Солженицын, чья высылка на многие годы из России явилась событием европейского масштаба, принадлежит к тем, кто видит в этой империалистической традиции одну из тех многих бед, которые потрясают Россию и сегодня.

C. Bildt

**SWEDEN AND RUSSIA
IN THE CENTURIES OF HISTORY
CONFRONTATION OR CULTURAL
CO-ENRICHMENT?**

A country that does not know its history can not find its way into future. Nowadays an interest towards history keeps growing and this takes place at the time when Russia, Sweden and all Europe go through the period of important changes.

When you think about past such names as Poltava and Narva come into your mind. They both for Swedes and for Russians are connected with the period of war and confrontation between Russia on the verge of the 17 and 18 centuries and at the beginning of the 18 century. The end of this confrontation made Sweden free of the sense of being a great power and at the same time it made a burden for Russia in its further development. Only now Russia has started throwing away its hard burden it has been suffering from all these years, creating by this a new foundation for its future.

Alexandre Solzhenitsyn whose exile from Russia was an event of European scale, belongs to those who see in this imperialistic tradition one of those troubles that Russia suffers from today as well.

Между тем ни стихи Пушкина, ни книга Петера Эндлунда, ни Полтава и Нарва не являются типичными символами отношений, которые более чем 1000 лет существовали между теми регионами, которые впоследствии стали Швецией и Россией. Наши отношения имеют более богатые и глубокие корни, чем упомянутые выше отдельные военные события. Я приветствую выставку «Россия викингов» (речь идет о выставке, открытой 27 мая 1994 г. в г. Сигтуна. — *Ред.*), которую инициировали в Сигтуне, чтобы показать глубокие связи, которые более 1000 лет через морские пути соединяли территории и страны региона Балтийского моря и те районы, в которых зародилась могущественная Российская империя.

Когда я в феврале 1993 г. в качестве официального гостя посетил Россию, обе стороны подчеркивали наши старые связи. Я был в Новгороде, куда старинным путем в 862 г. был призван Рюрик, чтобы управлять этими землями и чей приход ознаменовал собой начало правления династии, существовавшей более 700 лет вплоть до 1598 г. Период более длительный, чем в каком-либо другом государстве или империи Европы.

Я посетил древнюю крепость Нотебург-Орешек в истоке Невы у Ладожского озера, которую должны были проезжать все викинги и купцы, завязывавшие контакты с Русью. Эта крепость дала название Нотебергскому миру 1323 г., который хотя и был в своих контурах несколько не ясен, но в своей основе действовал между Швецией и Новгородом, а в более широком плане — и Россией, в течение продолжительного времени.

В течение семи трагических десятилетий как идеологические, так и физические барьеры отделяли Россию от контактов с окружающим миром, в

As a matter of fact neither the poems by Pushkin, nor the book by Peter England, not Poltava or Narva are typical symbols of relations which for more than 1000 years existed between the regions that later became known as Sweden and Russia. Our relations have more deep and rich roots than the mentioned above separate military events. I want to welcome the exhibition «The Russia of the Vikings» (that is an exhibition opened on May 27, 1994 in Sigtuna. -Ed.) that was initiated in Sigtuna in order to show the deep links that for more than 1000 years connected the territories and countries of the Baltic sea region with the regions where the mighty Russian empire arose.

When in February 1993 I visited Russia as an official guest, both parties emphasised our old bonds. I visited Novgorod where in 862 Rurik was called to rule over these lands and whose arrival meant the beginning of the new dynasty rule, the dynasty that existed for more than 700 years up to 1598. This is a period longer than in any other state or empire in Europe.

I visited the old Noteburg-Oreshek fortress at the source of the Neva near Ladoga lake, that all vikings and merchants having contacts with Russia had to pass. That fortress gave name to the Noteburg peace treaty of 1323 which, not being actually quite clear in its contour, basically was in force between Sweden and Novgorod, and in a broader sense between Sweden and Russia, for a long period of time.

For tragic seven decades both ideological and physical barriers separated Russia from contacts with an outer world, including Sweden. Now the communism and the dictatorship have been done away with and Russia is gradually establishing democracy and the functioning market economics. The difficulties of this process

том числе и со Швецией. Ныне коммунизм и диктатура пали и Россия постепенно устанавливает демократию и функционирующую рыночную экономику. Трудности этого процесса нельзя недооценивать. Здесь мы имеем повод вновь обратиться к длительному и памятному опыту того времени, когда наша часть Европы была связана с сетью пунктов, лежащих на торговых коммуникациях между Востоком и Западом, путем, который охватывал большую часть западного мира.

are hard to under-estimate. It is a good occasion to look back and recollect the memorable experience of the time when our part of Europe was connected with a number of places lying on the trade routes between the East and the West, the routes that covered the greater part of the Western world.

А. А. Собчак

РУССКО-ШВЕДСКИЕ СВЯЗИ
С.-ПЕТЕРБУРГА

Я всегда был сторонником создания Балтийского экономического сообщества с участием России, Швеции и других балтийских государств. Неожиданная параллель этому обнаружилась в событиях далекой давности. Как утверждают историки, в IX—X вв. в Балтийском мире образовалось и процветало своеобразное торговое и культурное сообщество стран и народов, среди которых не последнее место принадлежало шведам и русским. Балтийское море бороздили караваны судов. Купцы и путешественники Северной Европы везли на Восток невольников, оружие, металлические части одежды. Встречный поток грузов направлялся из Прикаспия, Черноморских областей, Русской равнины по Волге, Днепру, Волхову и Финскому заливу в Скандинавию и Западную Европу и включал монетное серебро, меха и другие ценности. Евразийская по размаху торговля совершила чудеса. Строились города, ширились ремесло и торговля, совершенствовалась техника, сформировались активные общественные силы. Запад и Восток не только узнавали друг друга, но и обогащались новыми достижениями. Все это происходило почти без вмешательства государств и

A. A. Sobchak

RUSSIAN-SWEDISH LINKS OF
ST. PETERSBURG

I have always supported the idea of creation of the Baltic economic association with the participation of Russia, Sweden and other Baltic states. The unexpected parallel to this has recently been revealed in the events of far off times. As historians assert, in the 9—10 c.c. a peculiar trade and cultural association of countries and nations among which Swedes and Russians were not the last ones, established itself and flourished in the Baltic world. Caravans of vessels furrowed the Baltic sea. The merchant and travellers from Northern Europe took arms to the East, metal articles for dresses, slaves. The counter stream of goods including coin silver, furs and other valuables went from the Caspian and the Black sea regions, the Russian plain along the Volga, the Dnieper, the Volkhov and the Gulf of Finland to Scandinavia and Western Europe. This Eurasian in scale trade worked miracles. New towns were built, crafts and trade expanded, technologies became more and more perfect, new active social forces were formed. The West and the East were learning so much about each other but not only enriched themselves with new achievements. All those processes took place almost spontaneously, uncontrolled

дипломатии, во многом стихийно, но по законам рынка и при общенародной инициативе. Конечно, не существовало железного занавеса. Народы свободно общались друг с другом. Как не вспомнить это теперь, когда Россия вновь идет по пути, некогда проложенному ее далекими предками и их соседями.

В VIII—X вв. судьбы Руси, Швеции и других Скандинавских стран тесно переплелись. Викинги на пути на Восток открыли богатую и обширную Русь. Великим событием было появление на Руси скандинава Рюрика, возможно, отправившегося туда из Средней Швеции. В 862 г. он, как известно, прибыл в город Ладогу, которая стала столицей новообразованной империи, занимавшей первоначально северную часть Восточной Европы, а затем и ее южные области с Киевом во главе. Тогда при участии норманнов было положено начало государственным институтам и основана правящая династия Рюриковичей. Так сформировалась Русская держава, ставшая могущественным фактором европейской истории. Во взаимоотношениях Швеции и России мирные годы сменялись войнами и соперничеством, в особенности за выход к Балтике. Только при Петре I России удалось прочно закрепиться на берегах Балтийского моря. Этот успех увенчал Санкт-Петербург, смело и дерзко основанный в 1703 г. на самом краю империи. Сначала шведы восприняли создание новой русской столицы как угрозу своей безопасности, но в дальнейшем город на Неве стал естественным партнером во взаимоотношениях двух государств.

В наши дни после десятилетий политической вражды и отчужденности русские и шведы начали осуществлять трудное сближение, возможно, самое значительное со времен X в. Для нас притягателен шведский нейтралитет,

by states or diplomacy, but in accordance with the market laws and with broad social initiative. Certainly, there was no iron curtain. People could communicate with each other on their free will. And we can't help remembering it now that Russia again follows the way once built up by its ancestors and their neighbours.

In the 8—10 c.c. the fates of Russia, Sweden and other Scandinavian countries were very close to each other. The vikings on their way to the East opened for themselves the vast and rich Russia. The arrival of Rurik of Scandinavia in Rus' who probably came there from Middle Sweden was a great event. As it is well-known, in 862 he arrived at the town of Ladoga, that became the capital of the newly formed empire, that initially occupied the northern part of Eastern Europe and then its Southern regions with Kiev at the head. At that time with the participation of Norsemen the state institutions were organised, the ruling dynasty of the Rurikids was founded. Thus the Russian power was formed; it was to become a powerful factor of European history. In the relations of Sweden and Russia peaceful years were followed by wars and rivalry especially for the outlet to the Baltic sea. It was only at Peter the Great's time that Russia managed to consolidate its hold on the shores of the Baltic sea. That success was crowned by St. Petersburg, bravely and daringly founded in 1703 at the very edge of the empire. At first the Swedes took the creation of the new Russian capital as threat to their own security, but later the city on the Neva quite naturally became a partner in the relations between the two states.

Nowadays after decades of political hostility and estrangement Russians and Swedes began to make difficult way towards each other, probably the most significant way since the 10 c. The Swedish

проявившийся во всех военных событиях XX столетия, достойна внимания шведская модель социализма, передовой уровень технологии, социальная защищенность населения. Мы исполнены самого благожелательного отношения к нашему ближайшему скандинавскому соседу. Чего же мы достигли в общих делах за последние годы?

Широкий спектр совместных интересов С.-Петербурга и Стокгольма был закреплен в совместном заявлении о сотрудничестве, подписанном в 1992 г., целью которого является как развитие дружеских связей между двумя городами, так и оказание содействия решению общих проблем в регионе Балтийского моря.

В февраля 1993 г. в С.-Петербурге побывал тогдашний премьер-министр Швеции Карл Бильд. На пресс-конференции в мэрии города он сказал, что его правительство придает большое значение программе сотрудничества с Северо-Западным регионом России, на которую выделено 80—85 млн шведских крон. Бильд подчеркнул, что «наши возможности для сотрудничества практически неограниченны». В подтверждение этих слов в С.-Петербурге состоялось немало встреч представителей двух стран по вопросам торговли, строительства, банковского дела, обучения предпринимателей, охраны окружающей среды, туризма. В сфере экономической и торговой деятельности между Россией и Швецией наблюдается очевидный прогресс. Только за два года, в 1993 и 1994 гг., шведский экспорт в Россию увеличился в 1,6 раза, а импорт из России возрос в 1,5 раза. К июлю 1994 г. в С.-Петербурге работало 300 компаний, в которые вложен шведский капитал, что является четвертым показателем среди городов США, Германии и Финляндии.

neutrality that revealed itself in all military events of the 20 century, seems very attractive to us, the Swedish model of socialism, advanced level of technology, social protection of people are worth paying attention to. We are full of most cordial feelings towards our nearest Scandinavian neighbour. What have we achieved together of late?

A wide spectre of joint interests of St.Petersburg and Stockholm was fixed in the joint declaration of co-operation signed in 1992, the aim of which is both the development of friendly relations between the two cities and contribution to solving common problems in the Baltic sea region.

In February of 1993 Carl Bildt, the Prime Minister of Sweden at that time, visited St.Petersburg. At the press conference held at the Mayor's Office he said that his government considered the programme of co-operation with the north-western region of Russia, to which 80—85 thousand Swedish crowns had been given, a very important one. Bildt emphasised that «our possibilities for the co-operation are practically unlimited». To confirm these words many meetings of the representatives of the two countries, specialists in the problems of trade and construction, banking business, training of businessmen, environment protection and tourism have been held. There is obvious progress in the sphere of economic and trade activity between Sweden and Russia. Only for two years in 1993 and 1994 Swedish export to Russia increased in 1.6 times and import from Russia increased in 1.5 times. By July of 1994 about 300 companies with Swedish capital worked in St. Petersburg. Here we hold the fourth place after the cities in the USA, Germany and Finland.

The «Skanska» concern has finished or continues the reconstruction of the hotels «Grand Hotel Europe», «Olympia»,

Концерном «Сканска» закончено или производится восстановление и оборудование гостиниц «Гранд-отель Европа», «Олимпия», «Русь», «Коммодор» (кстати сказать, этот концерн строит в нашем городе с 1912 г.). Подписано соглашение о создании «Дома Швеции», призванного стать центром шведской деятельности в С.-Петербурге и Северо-Западном регионе, местом размещения Генерального консульства, шведских компаний, культурно-информационного центра. Дом разместился на углу Малой Конюшенной улицы и Шведского переулка. Здесь и ранее в течение двух столетий жили шведы. На Невском проспекте открыто представительство авиакомпании «САС». Шведская сторона участвует в ремонте Невского проспекта, реконструкции, молочного комбината № 1, переоборудовании Невского машиностроительного, а также пивоваренного заводов, организации ряда выставок, семинаров и конференций. Совместно с издательским концерном «Боньер Бизнес Пресс» учреждена газета «Деловой Петербург». В ближайших планах намерено организовать (на АО «Кировский завод») производство инвалидных колясок, а также сборку легковых автомобилей «Вольво», изготовление фармацевтических препаратов.

Пока, к сожалению, не получили должного развития наши связи в области туризма, науки и образования. Во время одного из своих приездов К. Бильд побывал в крепости Орешек в устье Невы. Он посетовал, что шведы ничего не знают об этом замечательном архитектурном комплексе XIV—XIX вв., а то бы туда охотно ездили. Туристский обмен, увы, действительно не соответствует имеющимся возможностям. Если же говорить о научном взаимодействии, то можно считать удавшимися первые совместные под-

«Rus'», «Commodore» (by the way, this concern has been doing construction works in our city since 1912). We have signed an agreement on creation of the «Swedish House» which is to become the centre of Swedish activity in St. Petersburg and in north-western region: the place where the General Consulate of Sweden, Swedish companies and Swedish cultural and information centre is housed. The house is situated at the corner of Malaya Konyushennaya and Swedish Lane. Swedes lived here for two centuries already. In Nevsky prospect the representative office of the «SAS» aircompany was opened. A Swedish party participates in the repairworks of Nevsky prospect, in reconstruction of the dairy complex No1, requirement of the Nevsky machine-building plant as well as a brewery, in organisation of a number of exhibitions, seminars and conferences. Together with the «Bonnier Business Press» publishers the newspaper «Delovoy Petersburg» was established. In the nearest future we are planning to organise (at the «Kirov Plant» Ltd) production of invalid carriages, the «Volvo» cars assembling, as well as production of drugs.

Unfortunately our links in the sphere of tourism, science and education haven't been developed in an adequate way. During one of his visits C. Bildt happened to be in the Oreshek fortress in the mouth of the Neva. He expressed his regret concerning the fact that Swedes did not know anything about that wonderful architectural complex of the 14—19 centuries, otherwise they would willingly visit it. The tourist exchange, does not, unfortunately, correspond to the existing possibilities. Speaking about scientific co-operation, we can consider the first joint under-water research carried out in the summer of 1994 in the Vyborg Gulf, quite successful. Here on the depth of 28 metres the 64 gun battleship «Jadвига Elisabeth

водные изыскания, осуществленные летом 1994 г. в Выборгском заливе. Здесь на глубине 28 м удалось обнаружить 64-пушечный линейный корабль «Ядвига Елизабет Шарлотта». То был один из самых больших боевых кораблей шведского флота, потопленный русскими моряками в 1790 г. Предполагается продолжить подводные изыскания, а найдутся средства — и поднять с целью музеефикации один из тридцати русских или шведских судов, о которых известно, что они находятся на дне Выборгской губы.

Ученые Института истории материальной культуры РАН предложили шведской стороне проект совместных археологических раскопок первой столицы Руси — Старой Ладogi. В культурном слое этого древнего поселения выявлены находки, относящиеся к славянам, скандинавам, финнам и другим народам не только Европы, но и Азии. Здесь обнаружены части замечательно сохранившихся деревянных построек эпохи викингов, каких не встречено во время раскопок в Швеции.

В С.-Петербурге с 1989 г. работает «Шведский клуб», ставший местом встреч деятелей культуры и искусства. И. М. Ивановский, поэт и переводчик, исследователь творчества знаменитого шведского поэта-трубадура XVIII в. Карла Микаэля Бельмана, предложил Шведскому институту в Стокгольме издание на русском и шведском языках антологии шведской поэзии. Рукопись направлена в Институт. Ответ за шведской стороной. В связи с этим думаю, что было бы неплохо издавать совместный альманах по литературе, искусству, науке, назвав его «Балтийский мир».

В развитии гуманитарных связей еще многое можно сделать. Хочу высказать следующую идею. Мало кому известно, что в Художественном музее г. Мальмё экспонированы 24 картины

«Charlotte» was found. It was one of the biggest battleships of the Swedish fleet, drowned by Russian sailors in 1790. There is an intention to continue the under-water research, and if there is enough money, we are going to raise one of the Swedish or Russian vessels, known to be on the bottom of the Vyborg bay, and organise a museum there.

The scholars of the Institute of History of Artefacts of Russian Academy of Science offered a project of joint archaeological excavations of the first capital of Russia — Old Ladoga to a Swedish party. In the cultural layer of the old settlement there are finds related to the Slavs, Scandinavians, Finns and other peoples not only of Europe but of Asia as well. Here parts of wonderfully preserved wooden structures of the Viking age were found. The analogous structures were not found during the excavations in Sweden.

The «Swedish Club» functions in St.Petersburg since 1989. It has become the place where people connected with culture and art meet. I.M.Ivanovsky, a poet, translator, connoisseur of works of the famous Swedish poet and troubadour of the 18 c. Carl Michael Belman suggested the Swedish Institute in Stockholm publishing in Russian and Swedish the anthology of Swedish poetry. The copy has been sent to the Institute. The answer is after the Swedish party. In connection with this I think it would be nice to publish a joint literary miscellany in literature, arts, science and call it the «Baltic World».

Much can be done in the sphere of arts. I would like to express the following idea. Few people know that in the Art museum in Malmö 24 pictures by outstanding Russian artists A.Benua, V.Serov, A.Golovin, K.Korovin, B.Kustodiev, K.Petrov-Vodkin, P.Kuznetsov, A.Yakovlev are exhibited. These works

выдающихся русских художников А. Бenuа, В. Серова, А. Головина, К. Коровина, Б. Кустодиева, К. Петрова-Водкина, П. Кузнецова, А. Яковлева. Эти произведения были в 1914 г. «оставлены» в Мальмё их авторами после закрытия Балтийской художественно-промышленной выставки. Начавшиеся первая мировая война и революция помешали возврату картин, и Швеция стала их бессрочной хранительницей. Не входя в щекотливый вопрос о правах собственности на это одно из самых больших зарубежных собраний русского искусства начала XX в., можно предложить показать их в С.-Петербурге. А чтобы шведская сторона не беспокоилась за обязательный возврат этих произведений, Русский музей, наверное, мог бы одновременно показать в Мальмё выставку картин отечественных художников того же времени, хранящихся в его стенах. Предложенный замысел позволяет подумать и об устройстве в С.-Петербурге общепалтийской художественно-промышленной выставки, тем самым продолжить традицию, заложенную в Мальмё.

Двенадцать веков русско-шведских отношений (что, кстати говоря, также достойно своей выставки) — поучительный урок европейской истории, увенчавшийся победой добра, мира, благотворного культурного взаимодействия наших народов. Эти факторы все более будут влиять на сотрудничество России и Швеции и весь ход меж-европейской интеграции. С.-Петербург здесь большое и светлое «окно в Европу», Европу, где Швеции всегда принадлежит особое место.

were «left» in Malmö in 1914 by their authors after the Baltic Exhibition was closed. The First World War and the revolution prevented the pictures from coming back to Russia, and Sweden became their time-limitless keeper. Without touching the delicate topic of the right of property concerning this one of the biggest collections of the Russian art of the 20 century abroad, it can be suggested that they should be shown in St. Petersburg. To avoid the anxiety of the Swedish party concerning their coming back to Sweden, the Russian Museum could probably show in Malmö the exhibition of pictures of Russian artists of the same period from its collection at the same period of time. The suggested idea allows to think of organising in St. Petersburg of Baltic Artistic and Industrial exhibition, thus keeping up the tradition originated in Malmö.

The twelve centuries of Russian-Swedish relations (which is, by the way, is worth its own exhibition) is quite an instructive lesson of European history, crowned with the victory of everything good, of myth, of cultural co-operation of our people. These factors will have greater and greater influence over the co-operation between Russia and Sweden and over the whole process of European integration. St. Petersburg here presents a big and bright «window to Europe», to Europe where Sweden occupies quite a special place.

И. Янссон

РУСЬ И ВАРЯГИ

Контакты Руси и Скандинавии с особой интенсивностью развернулись в эпоху викингов, которая соотносится с концом VIII—первой половиной XI в. Чем характерна эта эпоха и что можно сказать о взаимоотношениях славян-русских и скандинавов?

Викинг — скандинавское слово, означающее «морской воин» или «пират», а эпоха викингов — исторический период, когда многие скандинавы на кораблях отправлялись в далекие путешествия на запад и на восток от своей родины. Наиболее известной целью этих поездок были грабительские набеги. Франкские, английские и ирландские хроники того времени содержат краткие, но достоверные свидетельства о нападениях на монастыри и города. Первым попавшим на страницы хроник является сообщение о нападении викингов в 793 г. на монастырь на о. Линдисфарн в Англии. Исландские письменные источники XII—XIV вв. рисуют не столь исторически достоверные, но яркие картины жизни, в которой военное дело и грабежи были основными занятиями честолюбивых мужчин.

Однако более внимательное изучение источников показывает, что скандинавы были вовлечены и в другие виды деятельности. Предводители воен-

I. Jansson

RUS' AND THE VARANGIANS

The contacts between Russia and Scandinavia were particularly extensive during the Viking Age that falls to the end of the 8—the first half of the 11 c. What is characteristic for the epoch and what can be said about the relations of the Slavs-Russians and the Scandinavians?

«Viking» is a Scandinavian word meaning a «sea warrior» or a «pirate», and the Viking Age is the historic period when many Scandinavians travelled by ship to foreign countries in the east and west. The most well-known purpose of these journeys was raiding. Frankish, English and Irish chronicles of the time give short but reliable accounts of attacks on monasteries and towns. The first recorded attack was that on the monastery of Lindisfarne in England in 793. Icelandic written sources of the 12-th—14-th centuries give less reliable but very vivid pictures of a life in which warfare and raiding were main activities for men with ambition.

A closer study, however, reveals that the Scandinavians were also engaged in other activities. The leaders of the Viking hosts were men of high rank in Scandinavian society, and they often used the victories to establish political realms. Protected by their chieftains, ordinary people could settle permanently in regions

ных отрядов занимали в обществе весьма высокое социальное положение и часто использовали свои победы для укрепления политической власти. Под защитой вождей простые люди могли поселяться для постоянной жизни на землях, которые раньше являлись объектами их грабительских нападений. Под 876, 877 и 880 гг. англосаксонская хроника сообщает, что предводители викингов поделили между собой захваченные земли в северной и восточной Англии и что люди «занимаются пахотой и добыванием средств к существованию».

Дейнло — область датского права в Англии — была основана в 886 г. по мирному договору с единственным оставшимся англосаксонским королем Альфредом Великим. На севере Атлантического океана скандинавы обнаружили и колонизировали прежде не заселенные земли Фарерских островов, Исландии и Гренландии. Они даже пытались обосноваться в Северной Америке.

Вероятно, торговля играла наиболее важную роль в занятиях скандинавов, и, может быть, именно она положила начало их экспансии. VIII и IX века характеризуются нарастанием экономической активности и возрождением городской жизни в Западной Европе. В это время урбанизация охватила и Скандинавию. В Рибе на юго-западе Дании властители области около 710 г. основали торговое поселение, которое вскоре превратилось в город, существующий до наших дней. Хедебю на старой датско-германской границе, ныне на самом севере Германии, и Бирка на маленьком о. Меларен к западу от Стокгольма, вероятно, возникли в конце VIII в. Оба поселения были покинуты на рубеже X—XI вв., и их роль как торговых центров перешла к до сих пор существующим городам Шлезвигу и Сигтуне.

which they had raided earlier. In 876, 877 and 880 the Anglo-Saxon Chronicle records that the Viking leaders shared the occupied land in northern and eastern England and that people «were engaged in ploughing and in making a living for themselves». The «Danelaw» — the area under Danish jurisdiction — was created and confirmed in 886 in a peace treaty with the only remaining Anglo-Saxon king, Alfred the Great of Wessex. In the north Atlantic, Scandinavians explored and colonised hitherto uninhabited lands like the Faroe Islands, Iceland and Greenland. They even attempted to settle in North America.

Perhaps trade played an even more important role in the Scandinavian activities, and it may have been trade that started the Scandinavian expansion. The 8-th and 9-th centuries are characterised by increasing economic activities and a revival of urban life in Western Europe. Urbanism was also introduced into Scandinavia during this period. In Ribe in south-western Denmark a market-place was established by the political power of the area around the year 710, and this market-place soon developed into a town which still exists. Hedeby on the old Danish-German border, now in northernmost Germany, and Birka in Lake Melaren west of Stockholm probably developed in the late 8-th century. Both settlements were deserted in the late Viking Age and their role as trading places was taken over by the still existing towns of Schleswig and Sigtuna.

The development in the west is in its main outlines well-known and undisputed thanks to the contemporary chronicles. In Britain and Ireland the Scandinavian settlers were gradually assimilated but have influenced the English language and place-names considerably. The Scandinavian settlement on the Faroe Islands and Ireland has survived to our days. It is

Общая канва исторического развития на Западе в своих основных чертах хорошо известна и не является предметом дискуссии, благодаря сообщениям различных хроник, составлявшихся в тот же период, когда имели место сами события. В Британии и Ирландии скандинавские поселенцы были ассимилированы, но оказали значительное влияние на английский язык и местную топонимику. Скандинавские поселения на Фарерских островах и в Исландии существуют до наших дней. Именно в Исландии были записаны и таким образом сохранены для истории древняя скандинавская мифология, поэзия и рассказы об эпохе викингов.

Если обратиться к восточным территориям, затронутым походами викингов, то перед исследователями встает гораздо больше проблем, и точки зрения на характер проходивших там исторических процессов значительно разнятся. Дело в том, что в Восточной Европе недостаточно письменных документов, синхронных путешествиям викингов. Историки в данном случае стараются привлекать источники, относящиеся к Византийской империи и к Исламскому халифату. В самых ранних из них скандинавов обычно называют «рос» (rhos) на греческом или «рус» (rus) на арабском языках, в более поздних — варяги (по-гречески *varangoi*, по-арабски *warank*). Внутренние конфликты в Восточной Европе, конечно, мало интересовали византийцев и мусульман, и в их источниках упоминается только несколько вторжений со стороны Черного и Каспийского морей. В основном византийских и исламских писателей привлекала торговая деятельность северных народов.

Тем не менее есть один важный письменный источник, созданный в Восточной Европе, — Повесть временных лет, составленная в начале XII в.

also in Iceland that Old Scandinavian mythology and poetry and stories about the Viking Age were written down and thus preserved.

If we go east the historical problems are greater and opinions more varied, because there are practically no written sources from that time preserved in Eastern Europe. In order to find such sources we have to go the Byzantine Empire and the Islamic Caliphate. In the earliest sources the Scandinavians are normally called *Rhos* in Greek or *Rus* in Arabic, in later sources «Varangians» (Greek *Varangoi*, Arabic *Warank*). Internal warfare in Eastern Europe was, of course of secondary interest to the Byzantines and Muslims, and only a few raids from around the Black and Caspian Seas are recorded. It was mainly the trading activities of the northern peoples that interested the Byzantine and Islamic writes.

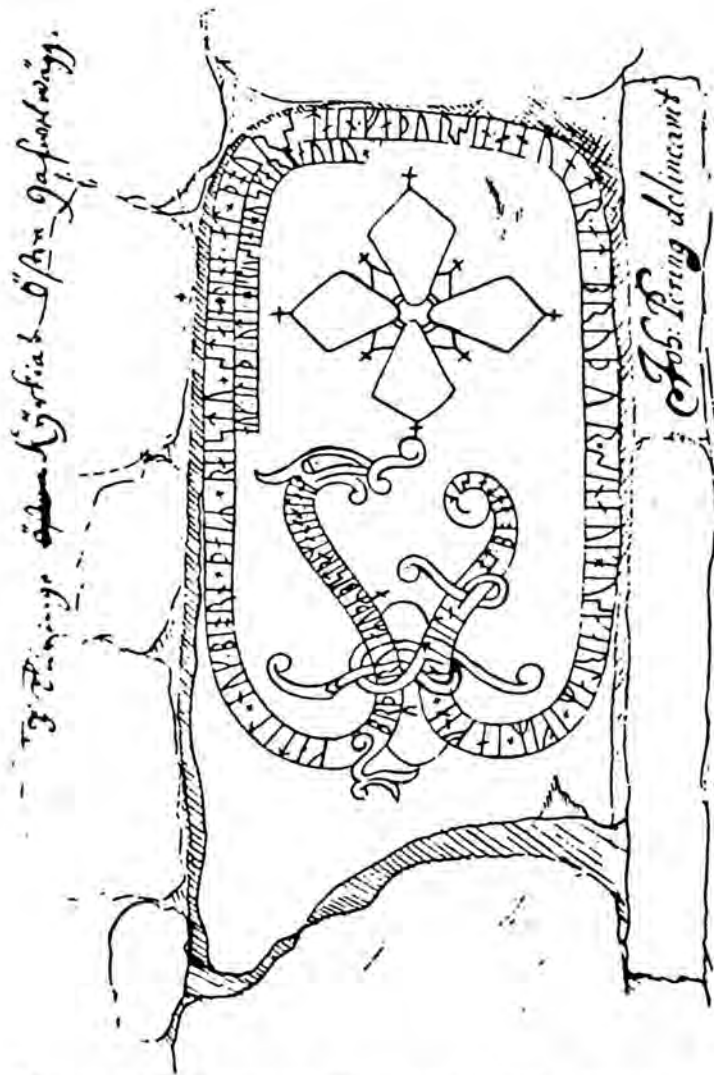
There is, however, one important written source from Eastern Europe: the Russian Primary Chronicle, written down in the early 12-th century in Kiev, the capital of the grand prince of Rus'. It gives a detailed description of the origin and early years of the Russian kingdom, and the Scandinavians, called «Varangians» (*varjagi*), play a prominent role in the story — so prominent that it has been maintained that they even created the Russian state. In 862 the Chronicle says that the Varangians, who had taken tribute from various tribes in the north of Rus', were driven out and people «set out to govern themselves. There was no law among them, but tribe rose against tribe. Discord thus ensued among them, and they began to war against one another. They said to themselves «Let us seek a prince who may rule over us and judge us according to the Law». They accordingly went overseas to the Varangian Rus': these particular Varangians were called Rus', just as some are called Swedes /*Sviel*

в Киеве, столице Руси. Многие сведения Повести заслуживают серьезного внимания, так как основаны на достоверных данных, восходящих по крайней мере к X в. Повесть содержит подробное описание происхождения и начальной истории Руси, и скандинавам, называемым варягами, отведена в ней весьма выдающаяся роль — настолько важная, что сообщается об основании ими правящей династии Рюриковичей и создании в связи с этим самого Русского государства.

В «Сказании о призвании варягов» в том виде, как оно излагается в Повести временных лет по Ипатьевскому списку под 862 г., говорится, что варяги, собиравшие дань с различных славянских и финских племен на севере Руси (чуди, словен, кривичей, мери, возможно, веси), были изгнаны ими «за море» и «не даша им дани, и почаша сами в себе володети». Между племенами начались взаимные распри и усобицы «и не бе в них правды, и въста род на род». Тогда они решили — «поищем сами в себе князя, иже бы володел нами и рядил по ряду по праву. Идоша за море к Варягом, к Руси». Те варяги назывались Русью, а «друзии зовутся Свее [свеи, шведы], друзии же Оурмане [норвежцы], Аньглыне [англичане], инеи и Готе [готландцы]». «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет, да поидете княжить и володеть нами» — так летописец передает обращение северных племен к варягам. «И избрашася трие брата, с роды своими и пояша по себе всю Русь и придоша к Словенюм первее, и срубиса город Ладогу и седе старейшии в Ладозе Рюрик [скандинавское имя Rōrik], а друзии Синеоус [Signjut?] на Белеозере, а третей Трувор [Thorvard?] в Изборьске и от тех Варяг прозвася Руская земля». Через два года, после смерти братьев, «прия Рюрик власть всю один, и пришед к Ильмерю и сруби город над Волховом, и прозваша и Новъгород и седе ту княжа». Его

and others Norwegians /Nurmanel/, English /Anglianel/ and Gotlanders /Gotel/, for they were thus named. The Chud', the Slovenes /Novgorod Slavs/, the Krivichi and the Ves' said to the people of Rus': «Our land is great and rich, but there is no order in it. Come to rule and reign over us». They thus selected three brothers, with their kinsfolk. They took with them all the Rus' and came first to the Slovenes and they built the city of Ladoga. The eldest, Rurik /Scandinavian Rurik/ settled in Ladoga; the second, Sineus /Signjut ?/, at Beloozero; and the third, Truvor /Thorvard?/, in Izborsk. After two years Sineus died, as well as his brother Truvor, and Rurik assumed the sole authority. He then came to Lake Il'men' and founded on the Volkchov a city which they named Novgorod, and he settled there as prince». His successor was Oleg who in 882, according to the Chronicle, moved south and settled in Kiev.

This legend about the creation of the Russian kingdom has led to a long and lively debate called the Normanist controversy, which started in the 18-th century and still attracts interest, although it has left the agenda of serious research. The creation of a state is a complex process which cannot only be ascribed to foreign warriors. Most scholars agree that the Scandinavians played a prominent role in the early history of Rus', besides the Slavic, Baltic and Finnic inhabitants of the area, and that their role diminished at the end of the Viking Age, when Byzantine and steppe nomadic influences grew. The question is what, more exactly, were their activities in Eastern Europe and what was their role in the various levels of society. Soviet and Russian scholars have mostly stressed their importance in the retinues of local princes, a view which is mainly based on information from the Chronicle, whereas modern Scandinavian and western researchers have mainly followed

Рунический камень в Туринге в Седерманланде дает представление о людях, возглавлявших восточные экспедиции: «Кетиль и Бьери, они установили этот камень в память Торстейна, своего отца, Анунд в память своего брата, а дружинники в память справедливого и мудрого человека, Кетелё в память своего супруга. Братья были среди лучших людей на земле и в воинском походе, держали своих дружинников хорошо. Он пал в битве на востоке на Руси, предводитель войска, лучший из мужей страны». XI в. Камень найден вмурованным в средневековую церковь, где был зарисован Юханом Перингшельдом (государственный антикварий в 1693—1720 гг.).

The rune stone from Turinge in Sodermanland gives a good idea of the type of men who led the eastern expeditions: «Kattil and Bjorn, they erected this stone in memory of Torsten, their father, Anund in memory of his brother and the retainers in memory of the just and wise man, Kattilo in memory of her husband. The brothers were among the best men on land in host, treated their retainers well. He fell in action in Rus', the host's captain, of 'land-men' the best». 11-th century. The stone was found built into the medieval church where it was drawn down by Johan Peringskiold, state antiquary 1693—1720.

преемником был Олег, который в 882 г., как сказано в летописи, ушел на юг и во княжился в Киеве.

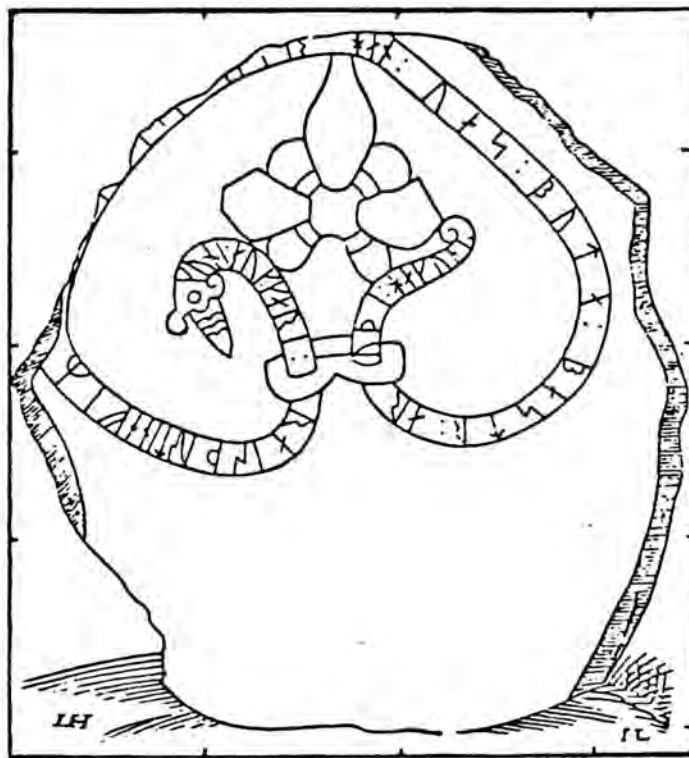
Эта легенда об основании Русского государства дала повод к длительной и острой дискуссии, получившей название «норманнского вопроса». Она началась еще в XVIII в. и до сих пор вызывает интерес, хотя в своей первоначальной постановке уже не рассматривается в серьезных академических исследованиях. Создание государства является комплексным процессом, который нельзя свести только к деятельности воинов, пришедших извне, в данном случае из Скандинавии. Большинство ученых согласно с тем, что скандинавы наряду со славянами, балтами и финнами, заселявшими Восточную Европу, сыграли важную роль в ранней истории Руси, и эта роль уменьшилась в конце эпохи викингов, когда возросли значимость самого русского общества, а также влияние Византии и степных кочевников. Вопрос заключается в конкретизации характера деятельности скандинавов и выявлении их места в различных слоях общества. Советские и российские ученые обычно подчеркивали роль скандинавов в окружении местных князей, основываясь в первую очередь на летописной информации. В то же время современные скандинавские и западные исследователи главным образом опираются на сообщения византийских и исламских источников IX—X вв., в которых акцентируется внимание на торговой деятельности русов и варягов.

Оба подхода кажутся недостаточными для объяснения причин широкого распространения на Руси скандинавских деталей одежды (мужской и женской), оружия, ритуальных и магических предметов, а также множества культурных элементов, связывавших между собой Русь и Швецию в эпоху викингов. Появ-

the information from the 9-th and 10-th century Byzantine and Islamic sources which stress the trading activities of the Rus' and Varangians.

Both these interpretations seem insufficient to explain the large number and wide distribution of truly Scandinavian dress accessories (male and female), weapons and ritual and magic objects, as well as the many cultural elements that link Rus' and Sweden to each other in the Viking Age. This archaeological material, which is much larger in Rus' than in Western Europe, seems easier to explain as the result of an immigration of Scandinavians interested in settling permanently and making a normal living from, for example farming, as Danes and Norwegians did in the west.

It is clear that when the Chronicle was written down in the early 12-th century, the name Rus' meant the Russian people and the Russian land (the core of the modern states of Russia, Byelarus and the Ukraine) but that it originally meant for Scandinavians. The etymology which philologists more or less have agreed upon is that it comes from the Finnic word *Ruorsi / Rootsi*, nowadays used by Fins and Estonians for Sweden, and that this name in turn comes from the Scandinavian word *rodhr*, modern Swedish *rodd*, meaning «rowing» and also a region characterised by rowing and a rowing crew. The coastal district of Uppland, the province north of Lake Melaren, had this name in the Middle Ages, and a rune stone from the 11-th century in Lake Melaren praises a man as «the best German in Hekon's *rodd*», that is, Hekon's crew. Finns and Estonians apparently often became acquainted with such crews of Swedes and adopted this word as their name for them, and when Scandinavians appeared in the interior of Eastern Europe the local Finnic and Slavic peoples took up the same term. And since these

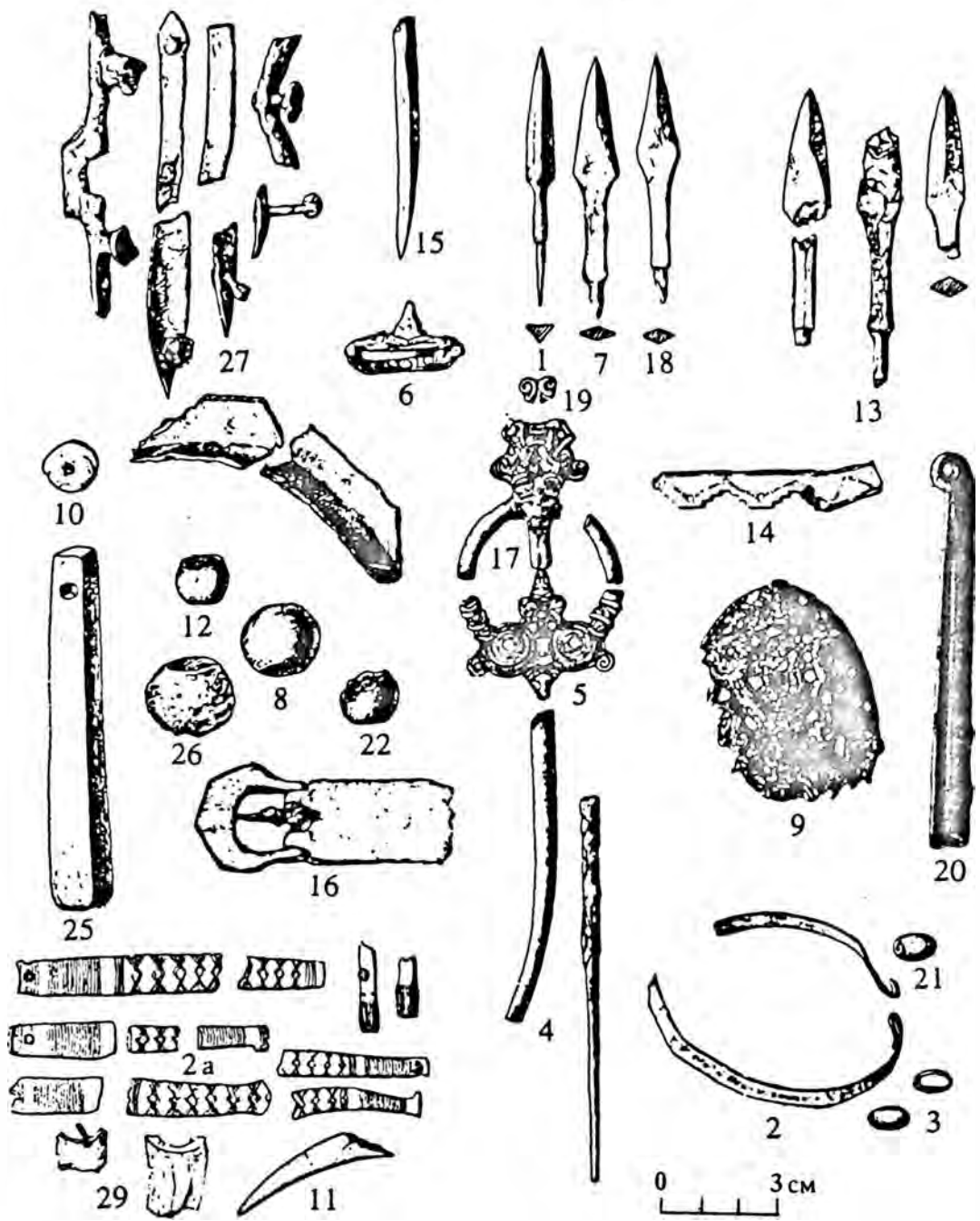

Рунический камень из Ниббл Екери, Упланд, содержал следующую надпись (средняя часть утрачена): «Гунне и Каре установили камень в память... Он был лучшим бондом в команде Хакона». «Команда» обозначена словом *rodhr*, которое по заключению филологов послужило основой для появления названия «Русь». XI в. Камень утерян, но сохранился его хороший рисунок, выполненный Юханом Хадорфом (государственный антикварий в 1666—1693 гг.).

The rune stone from Nibble Ekero, Uppland, had the following inscription (the middle part is lost; «Gunne and Kare erected the stone in memory of He was the best yeoman in Hacon's crew»). The word used for «crew» is *rodhr*, the word which, according to the philologists lie behind the name Rus'. 11-th century. The stone is now lost, but a good drawing of it was made by Johan Hadorph, state antiquary 1666—1693.

ление этого археологического материала, которого на Руси гораздо больше, чем в Западной Европе, кажется, гораздо легче объяснить переселением групп скандинавов на восточные земли для несения военной службы, занятий ремеслом и даже сельским хозяйством, как это было с датчанами и норвежцами на западе. Наука располагает данными о том, что скандинавы переселялись на восток Европы целыми коллективами, да и в походы и на военную службу пребывали большими

Scandinavians were active in the political strife and the princely family — the Rurikids — traced their ancestry back to Scandinavians, the term gradually came to be used for the groups around the leaders of the emerging state and finally for the land and its inhabitants in general. It became necessary to find another name for the Scandinavians and that chosen was «Varangians», Scandinavian *Vaeringjar*, which originally probably was a term for certain groups of sworn men.

группами, что предполагает их постоянное проживание, нередко семьями, в городах и иногда сельских местностях.

В начале XII в., когда составлялась Повесть временных лет, имя «Русь» означало русских людей и Русскую землю (ядро современных государств России, Белоруссии и Украины), но первоначально оно, скорее всего, относилось к скандинавам. Этимология, с которой более или менее согласились многие филологи, в том числе российские, такова: название происходит от финского слова Ruotsi (Ruotsi), в наши дни используемого финнами и эстонцами для обозначения Швеции, а это слово в свою очередь происходит от скандинавского слова *rodhr*, современного шведского *rodd*, что означает «гребля», а также «регион, отличающийся греблей» и «команда гребцов». В средние века «Роденом» (Roden), позднее «Руслагеном» (Roslagen) именовался прибрежный район Упланда, провинции к северу от оз. Меларен, а найденный здесь рунический камень XI в. восхваляет человека как «лучшего бонда в *godd* Хакона», т. е. в команде Хакона. Финны и эстонцы, очевидно, часто сталкивались с такими командами

The northmen that went east probably came from all parts of Scandinavia, just as those who went west. But the archaeological finds in both Scandinavia and Rus' indicate very strongly that the majority came from the central provinces of Sweden around Lake Melaren, as well as from the other provinces along the Swedish east coast and from the Eland islands, which now belong to Finland. In these areas a large variety of Eastern European and oriental objects from hoards, graves and settlements indicate varied contacts with the east in the Viking Age and especially with the area that became Rus'. The hoards, graves and settlements in the area of Rus' have also yielded a large number of Scandinavian artefacts showing the same variety as in central Sweden.

Gotland must be mentioned separately. This province has without comparison yielded the largest number of hoards of precious metal and especially of Islamic coins from the Viking Age in Europe. However, the graves and settlements yielded rather few indications of far-flung contacts, and Gotlandic types of jewellery are rare in the east. It therefore seems probable that the Gotlanders were mainly

Скандинавские мужские и женские предметы украшения одежды обычны в захоронениях IX и X вв. во многих областях Руси. Здесь представлен инвентарь из погребения X в. в Тимерево около Ярославля. Погребение принадлежало к типу обычному как в Скандинавии, так и на Руси — курганная насыпь, перекрывающая слой кремации. В слое кремации были найдены предметы, принадлежавшие мужчине и женщине. Среди них части кольцевидной булавки (№ 4, 5, 17, 19) и овальной фибулы (№ 9), которые в Скандинавии являлись, соответственно, мужскими и женскими типами застежек одежды. Другие предметы характерны и для скандинавских, и для русских захоронений, как, например, обломки гребней (№ 2а), ледоходный шип (№ 6) и оселок (№ 25). (По книге: Ярославское Поволжье. М., 1963. С. 18.)

Scandinavian male and female objects are common in graves from the 9-th and 10-th centuries in many parts of Rus'. Here the inventory of a 10-th century grave from Timerevo near Yaroslavl' is shown. The grave was of a type common both in Scandinavia and Rus' — a mound covering a cremation layer. In the cremation layer objects belonging to both a man and a woman were found. Among them there are fragments of a ringed pin (Nr. 4, 5, 17, 19) and an oval brooch (Nr. 9) which are Scandinavian types of dress fasteners used by men and women respectively. Other artefacts are characteristic of both Scandinavian and Russian graves, for example the fragmentary combs (Nr. 2a), the ice crampon (Nr. 6) and the whetstone (Nr. 25). After Yaroslavl's Povolz'e, Moskva 1963, p. 18.

шведов и восприняли это слово в качестве их имени, и когда скандинавы стали проникать в глубь восточноевропейского материка, местные финские и славянские племена использовали тот же термин. Поскольку эти скандинавы активно участвовали в политической борьбе на Руси, а княжеская семья — Рюриковичи возводила свой род к скандинавам, термин постепенно стал употребляться для обозначения людей, окружавших вождей рождающегося государства, и в конце концов — всей земли и ее жителей. Возникла необходимость найти для скандинавов другое имя, и таковым стал термин «варяги», от скандинавского Vaeringjar, который первоначально, возможно, обозначал определенные группы людей, давших клятву друг другу.

Норманны, двинувшиеся на восток, так же как и те, которые направились на запад, вероятно, происходили из разных частей Скандинавии, но археологические находки определенно указывают, что на Русь большинство из них пришло из центральных провинций Швеции вокруг оз. Меларен, из других провинций восточного побережья, а также с Аландских островов, сейчас принадлежащих Финляндии. В этих районах разнообразие восточноевропейских и восточных предметов из кладов, захоронений и поселений свидетельствует о разносторонних контактах с востоком в эпоху викингов, особенно с областью, которая стала называться Русью. Клады, погребения и поселения на территории Руси также дали большое количество вещей скандинавской материальной культуры, представляя такое же разнообразие, как и в центральной Швеции.

Особо следует сказать о Готланде. Эта провинция представила самое большое в Европе количество драгоценных металлов и особенно исламских монет

active in trade but not in warfare, politics and colonisation.

Among the Scandinavians who came to Rus' people that came from Denmark and Norway should be mentioned. Some scholars consider, and not without grounds, Rurik called by the Slavs a Danish Viking. In the Western-European Chronicles describing the events of the second and third quarters of the 11 century a Danish by origin ruler with the same name is mentioned. It is quite probable that he could appear in Rus'. Norwegians visited Rus' as well. Thus according to the sagas in 1019 Princess Ingiguerd, having become the wife of the great prince Yaroslav the Wise, brought many Norwegians along.

From whatever part of Scandinavia Norsemen came to Rus' they came into most close and active relations with Slavs, Finnic and other people of Eastern Europe. History did not know either before or after the Viking Age more varied and deep contacts between people in Rus' and Scandinavia, and in this we see the unprecedented importance of this epoch for the people of Eastern and Northern Europe.

эпохи викингов. Достаточно сказать, что из более чем 67 000 этих монет, относящихся к VIII—началу XI вв., найденных на территории Швеции и на Готланде, три четверти обнаружены на Готланде. Однако раскопки захоронений и поселений дают мало свидетельств широких связей жителей острова, и типы готландских ювелирных изделий редко встречаются на востоке. Возможно, готландцы вели активную торговлю, но не принимали участия в войнах, политике и колонизации.

Среди пришедших на Русь скандинавов нельзя не отметить также выходцев из Дании и Норвегии. Некоторые исследователи не без оснований считают позванного славянами Рюрика датским викингом. В западноевропейских хрониках отмечен для событий второй и третьей четверти IX в. датский по происхождению властитель с аналогичным именем. Он мог оказаться и на Руси. Норвежцы также посещали Русь. Так, в 1019 г. принцесса Ингигерд, став женой великого князя Ярослава Мудрого, как гласят саги, привела с собой много норвежцев.

Из какой бы части Скандинавии ни приходили норманны на Русь, они входили в самое тесное и активное общение со славянами, финнами и другими народами Восточной Европы. Столь разнообразных и глубоких контактов между людьми Руси и Скандинавии история не знала ни до, ни после эпохи викингов, и в этом мы видим непреходящее значение этой эпохи для народов Восточной и Северной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Jansson J. Ovals spännbucklor, en studie av vikingatidens standardsmycken med utgångspunkt från Björköfynden (Oval brooches. A study of Viking period standard jewellery based on the finds from Björkö (Birka), Sweden). Aun 7. Diss. Uppsala, 1985. 238 p.

- Jansson J.* Kalifatet och barbarerna i norr / The Caliphate and the northern barbarians // Islam, konst och kultur (exhibition catalogue, Museum of National Antiquities, Swedish and English text). Stockholm, 1985. P. 51—68, 77—78, 179—192.
- Jansson J.* Gürtel und Gürtelzubehör vom orientalischen Typ. Birka II: 2. Stockholm, 1986. P. 77—108.
- Jansson J.* Communications between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age. The archaeological evidence // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philol.-hist. Klasse, 3. Folge, Nr 186. Göttingen, 1987. P. 773—807.
- Jansson J.* Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Skandinavien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 69, 1988 (Oldenburg—Wolin—Staraja Ladoga—Novgorod—Kiev. Internationale Fachkonferenz 1987 in Kiel). Frankfurt am Main, 1989. P. 564—647.
- Jansson J.* Skandinavien Baltikum och Rus' under vikingatiden (Scandinavia, the East Baltic countries and Rus' in the Viking period) // Norden og Baltikum (Det 22. nordiske historikermøte, Oslo 13.—18. august 1994, rapport 1). Oslo, 1994. P. 5—25.
- Jansson J.* Palaeobotanical studies on the Novgorod Land c. 400—1200 AD // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1994. 23. P. 527—535.
- Янссон И.* Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов // Тр. V Международного конгресса славянской археологии. Киев, 1985. III: 1Б. М., 1987. С. 119—133.
- Янссон И., Мельникова Е. А., Тегнер Е., Панова Т. Д.* Наследие викингов: Диалог культур. Stockholm, 1996.

А. Н. Кирпичников

СКАЗАНИЕ О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ
ЛЕГЕНДЫ
И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

И вот пришли три брата
Варяги средних лет,
Глядят — земля богата,
Порядка ж вовсе нет.

А. К. Толстой.
История государства российской
от Гостомысла до Тимашева.

В начальной части «Повести временных лет» помещено «Сказание о призвании варягов». Оно лаконично, но по своему историческому значению относится к документам первостепенной важности. Речь в нем идет о событиях, приведших к созданию крупнейшей в тогдашней средневековой Европе империи Рюриковичей.

«Сказание о призвании варягов» породило громадную литературу. Уже 250 лет ученые спорят об этом произведении, насколько оно легендарно и насколько достоверно. Выказываются самые противоположные точки зрения.

Ряд ученых отрицал или сомневался в исторической основе «Сказания», ибо оно, по их мнению, состоит из позднейших домыслов, является тенденциозной искусственной конструкцией сводчиков рубежа XI и XII вв., и лишь его ничтожная часть сохранила местные предания.

A. N. Kirpichnikov

THE LEGEND ON THE VARANGIANS'
VOCATION
LEGENDS AND REALITY

And here come three brothers
Varangians of middle age.
They see — the land is rich
But as for order, it can't be found at all.

A. K. Tolstoy.
The History of the State of Russia
from Gostomysl to Timashev.

At the beginning of the «Primary Chronicle» the «Legend on Varangians' Vocation» can be found. It is very laconic but its historical importance attributes it to the documents of first-rate importance. It describes the events that brought to formation of one of the biggest in the mediaeval Europe empire of the Rurikids.

The «Legend on the Varangians' Vocation» gave rise to a great number of literary works. For 250 years scholars argue about this work, trying to find out to what extent it is legendary and to what extent it is trustworthy. Quite contradictory points of view are expressed.

A number of scholars denied or doubted the historic grounds of the «Legend», for, according to their opinion, it consists of tales of later periods, and is actually an artificial structure made up by compilers of the end of the 11 and the beginning of the 12 centuries, only a very

Дискуссия по поводу «варяжского вопроса» подчас приобретала остро политический характер. Так называемые норманисты были причислены к буржуазным ученым, недругам России, унижавшим ее национальное достоинство. Те же, кто сомневался или отрицал достоверность «Сказания» и писал о приоритете славян в сравнении с чужестранцами, считались безусловно прогрессивными учеными. К каким злобещим оценкам «Сказания о призвании варягов» прибегала официальная наука, можно судить по словам авторитетного историка Б. Д. Грекова. «Легенда о „призвании варягов“, — писал он, — много веков находилась на вооружении идеологов феодального государства и была использована русской буржуазной наукой. Ныне американско-английские фальсификаторы истории и их белоэмигрантские прислужники — космополиты вновь стремятся использовать эту легенду в своих гнусных целях, тщетно пытаясь оклеветать славянское прошлое великого русского народа. Но их попытки обречены на провал».¹

Время не подтвердило такого приговора. Варяжское «призвание» отнюдь не принижало прошлого России. Так называемое иностранное вмешательство в ее судьбу — результат нормальных обще-европейских контактов и всемирной этнокультурной открытости Руси, с самого начала включавшей в состав своего населения наряду с русскими более 20 народов, племен и групп.

Ныне времена политических обвинений и «поиска врага» на примерах истории, будем надеяться, остались позади. Наука освобождается от государственного вмешательства и давления партийной идеологии; мы спокойно можем обсуждать славяно-норманское (как, впрочем, и другое) взаимодействие.

small part of it preserving the local legends.

The discussion concerning the «Varangians controversy» from time to time acquired traits of a sharp political character. The so called Normanist theory supporters were treated as bourgeois scholars, enemies of Russia, humiliating its national dignity. Those doubting or denying the authenticity of the «Legend» and writing about the priority of Slavs in comparison with foreigners were considered absolutely progressive specialists. The words of the well-known historian B.D.Grekov can illustrate in what ominous manner the «Legend on the Varangians' Vocation» was estimated on an official level. The «Legend on the Varangians' Vocation», he wrote, 'was for many centuries used by the ideologists of feudal state and by Russian bourgeois science. Nowadays American and English falsifiers of history and their White Russian emigrants servants — cosmopolitans are trying to use this legend for their foul aims, in vain trying to slander the Slav past of the great Russian People. But their attempts are doomed to failure.»¹

Time did not confirm that verdict. The Varangian «vocation» did not belittle the past of Russia. The so called foreign interference into its fate is the result of normal European contacts and the world openness of Russia from ethnocultural aspect, as its population from the very beginning included together with Russians more than 20 nationalities, tribes and groups.

Nowadays time of political accusations and «search of enemy», let us hope, is left behind. Science is liberating from the State interference and pressure of the partly ideology; we can freely discuss the Slav- and Norsemen relations (like any other relations so to say).

Что касается оценки самого источника, то предприняты попытки объяснить создание «Сказания» противоборством киевской и новгородской летописных традиций, использованием северных легенд в идейно-политической борьбе рубежа XI и XII вв. Конечно, обстановка, сложившаяся на момент окончательной записи «Сказания», не могла не повлиять на его изложение, но вряд ли этим можно ограничиваться. Нет спора, источник по времени своей окончательной записи более чем на два века отстоит от зафиксированных в нем событий. «Сказание», судя по всему, складывалось постепенно. Как полагают некоторые исследователи, оно записано впервые при великом князе Ярославе Мудром для подтверждения единства и законности княжеского дома и родства со скандинавскими правителями. Побудило к этому предложение о женитьбе, сделанное Ярославом Владимировичем шведской принцессе Ингигерд. В дальнейшем появились литературные версии «Сказания». Около 1113 г. варяжская легенда была использована Нестором при создании «Повести временных лет». Позднее и этот текст претерпел изменения. Приведенная версия правдоподобна, но, конечно, допускает и иные толкования.

Каким бы многосоставным ни было «Сказание» и в каком бы виде ни заключало в себе те или иные исторические факты, вслед за большинством ученых полагаю, что оно зафиксировало реальное событие, связанное с появлением в среде славян и финнов севера Восточной Европы скандинавских пришельцев. По крайней мере часть «Сказания» не несет черт устного народного творчества, напоминает скорее деловое, протокольное описание событий.

As for the evaluation of the source itself, attempts have been made to explain the creation of the «Legend» by the struggle of the Kiev and Novgorod traditions in writing chronicles, by the usage of the Northern legends in ideological and political struggle on the verge of the 11 and 12 centuries. Certainly, the situation at the moment of the final recording of the «Legend» could not but influence its narration, but it can hardly be the only source of influence. There is no doubt, that the fixed in the source events are separated by more than two centuries from the final recording. The «Legend», judging by the facts, was built up gradually. Some scholars think that it was first written down at the time of Great Prince Yaroslav the Wise with the aim of confirming the unity and legality of the prince's house as well as the kinship with the Scandinavian rulers. It was connected with the proposal of marriage made by Yaroslav Vladimirovich to the Swedish princess Ingigerd. Later literary versions of the «Legend» appeared. Around 1113 the Varangian legend was used by Nestor when he worked at the «Primary Chronicle». Later that variant of the text was altered. The put forward version seems quite plausible, but certainly allows of other interpretation.

However multi-part the «Legend» might be and in whatever form various historic facts might be presented there, after the majority of scholars I think that it had fixed the real event connected with the Scandinavians appearing the Slavs and Finns of the Northern part of Eastern Europe. At any rate a part of the «Legend» does not have any features of a folk narration, it rather reminds of a business-like, protocol description of events.

Further one of the most reliable texts from the «Legends on the Varangians' Vocation» from the «Primary Chronicle»

Ниже приведем в переложении на современный язык один из наиболее надежных текстов «Сказания о призвании варягов», содержащийся в Повести временных лет по Ипатьевскому списку.

«В лето 859. Имели дань варяги, приходившие из-за моря, на Чюди, и на Словенах, и на Мере, и на всех [Веси?] Кривичах. ...В лето 862. Изгнали варягов за море, и не дали им дани. И начали сами собой владеть, и не было у них правды [закона]. И встал род на род, и были усобицы, и стали сами с собой воевать. И сказали: Поищем себе князя, который владел нами и управлял по ряду [договору], по праву. Пошли за море к варягам... Говорили Русь, Чудь, Словени, Кривичи и вси [Весь?]. Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Да поидите княжить и владеть нами. И избрались три брата со своими родами и взяли с собой всю Русь [в значении „дружина“]. И сперва пришли к словенам и срубили город Ладогу. И сел старейший [старший] в Ладоге Рюрик, а другой Синеус на Белоозере, а третий Трувор в Изборске. ...Через два года умер Синеус и брат его Трувор и принял Рюрик всю власть один, и пришел к Ильмерю [Ильменскому озеру] и срубил город над Волховом и прозвали его Новгород. И стал тут княжить, и роздал своим мужам волости, и города рубить, одному Полотск, другому Ростов, третьему Белоозеро. И по тем городам суть находники варяги; первые поселенцы в Новгороде Словени, и в Полотске Кривичи, в Ростове Меряне, в Белоозере Веси, Муроме Муroma. И теми всеми обладал Рюрик».

Резюмируем приведенное сообщение. После изгнания варягов северные славянские (словени и кривичи) и финские (чудь, меря, возможно, весь) племена вступили в междоусобные войны.

in the modern language version is given. It is cited after the Ipatiev version.

«In the summer of 859. The Varangians who had come overseas laid tribute upon the Chud', the Slovenes, the Mer', and upon all (the Ves'?) the Krivichi. In the summer of 862. The Varangians were turned out overseas, no tribute was given to them. And they became their own rulers, and they did not have any truth (law). And one kin rose against another kin, there were intestine feuds, and they began to war with one another. And they said: Let us seek a prince who may rule over us and judge us according to law (agreement). They accordingly went overseas to the Varangians Rus'. The Rus', the Chud', the Slovenes, the Krivichi' and everybody said: Our land is great and rich, but there is no order in it. Come to rule and reign over us. They thus selected three brothers with their kinsfolk. They took with them all the Rus' (in the meaning the prince's armed force). And came first to the Slovenes, and they built the city of Ladoga. And the oldest (eldest) Rurik settled in Ladoga; the second, Sineus, at Beloozero; and the third, Truvor, in Izborsk. After two years Sineus died, as well as his brother Truvor, and Rurik assumed the sole authority. He then came to Il'men' (Lake Il'men') and founded on the Volkchov a city which they named Novgorod, and he settled there as prince, and he gave lands to his men, and built cities, and gave Polotsk to one man, and Rostov to another, and Beloozero to a third one. And in all those cities the Varangians can be found. The first settlers in Novgorod were the Slovenes, in Polotsk — the Krivichi, in Roots — the Mer', in Beloozero — the Ves', in Murom — the Muroms. And Rurik reigned over them all».

Let us sum up the information. After the Varangians had been turned out, the Northern Slav tribes (the Slovenes and the

Фигура князя Рюрика. Памятник «1000-летие России». 1861—1862 гг. Скульптор М. О. Микешин. Новгород.

The Figure of prince Rurik. The monument to the 1000-th Anniversary of the Foundation of Russia. 1861—1862. Sculptor M. O. Mikeshin. Novgorod.

Замириться не могли и поэтому добровольно пригласили скандинава Рюрика с братьями, чтобы они стали управлять славянами и финнами по договору и установили правопорядок. Центрами новых княжений названа Ладога, Изборск, область Белого озера. Через два года в 864 г. Рюрик перебрался в новоукрепленный, а точнее, новооснованный Новгород и роздал своим мужам кривичский Полоцк, мерянский Ростов, а также Муром и Белоозеро (здесь в значении не края, а города) в землях муромы и веси. Этим очерчивается первое на севере Восточной Европы единоегосударственное государство — «Верхняя Русь», возникшее на месте конфедерации славянских и финских племен. Было положено начало династии Рюриковичей, правившей Россией вплоть до конца XVI в.

После знакомства с текстом источника прежде всего возникает вопрос, можно ли на основании «Сказания о призвании варягов» судить о происхождении Русского государства. По поводу появления варягов и организации государства Д. С. Лихачев в статье «Легенда о призвании варягов и политические тенденции русского летописания второй половины XI—XII века» писал следующее: «Хотя эти два вопроса и близки друг другу, но не идентичны. Русское государство могло возникнуть под влиянием внутренних потребностей в нем, а династия Рюриковичей, тем не менее, явиться извне. Династии большинства западноевропейских государств имели иноземное происхождение, но это не побуждало историков сомневаться в том, что государственные образования Западной Европы имели автохтонное происхождение».² Действительно, государство нельзя было учредить в один момент по воле одного или нескольких людей. Для этого были необходимы опреде-

Krivichi) and the Finnic tribes (the Chud', the Merya, probably the Ves') started intestine wars. They could not make peace and on their own accord they invited a Scandinavian Rurik with his brothers so that they started ruling over the Slavs and Finns upon the agreement, and set peace and order. Ladoga, Izborsk, the region of the White sea were called the centres of the new reigns. In two years in 864 Rurik moved to the newly fortified, and better to say to the newly-founded Novgorod and gave to his men the Krivichi's Polotsk, to the Mer' Rostov as well as Murom and Beloozero (a city, not a region) in the lands of the Muroms and the Ves'. This is the outline of the first in the North of Eastern Europe autocratic state — »The Upper Rus'», that appeared instead of the confederation of the Slav and Finnic tribes. Thus the dynasty of the Rurikids, reigning over Russia up to the end of the 16 century originated.

After reading the text of the source, the question if it is possible to make a decision concerning the origin of the Russian state taking into consideration only «Legend on the Varangians' Vocation» arises. D. S. Likhachev in his article «The Legend on the Varangians' Vocation» and political tendencies of the Russian Chronicle of the second part of the 11—12 centuries» wrote the following concerning the appearance of the Varangians and the formation of the state: «Though these two problems are very close to each other, they are by no means identic. The Russian State could appear under the influence of inner want of it, as for the dynasty of the Rurikids, it could appear from outside. The Majority of Western European states had dynasties of foreign origin, but it was not the reason for the historians to feel doubts concerning the autochthonous origin of the state formations of Western Europe».² Indeed, a state could not be established in a moment after the will of one

ленные предпосылки. К середине IX в. такие предпосылки вгюльне сформировались. Восточнославянские и финские племена: словени, кривичи, чудь, меря и весь имели общие интересы, сообща принимали ответственные решения, экономически и социально находились в процессе создания целостного государства. Толчок по воле случая пришел извне. Обращает внимание, что скандинавским пришельцам без особых трудностей и в короткий срок, иными словами — на подготовленной почве, удалось организовать новую систему властвования и наладить механизм ее работы.

«Сказание о призвании варягов» сложный источник, вновь и вновь требующий источниковедческого анализа. Начнем с сомнений и разноречий вариантов летописных текстов.

Одно из бросающихся в глаза расхождений в летописных версиях «Сказания» заключается в том, что скандинав Рюрик, по одним записям, оказался в Ладоге, а по другим — в Новгороде. Одно время, вслед за историком летописания А. А. Шахматовым, считали, что ладожская версия, записанная в 1118 г. безымянным редактором «Повести временных лет», вторична по отношению к новгородской. Историк А. Г. Кузьмину удалось, однако, доказать обратное. Именно свидетельство о Ладоге не только первоначально, но и дошло до нас в самых исправных летописных списках (Ипатьевском, Радзивилловском, возможно, Лаврентьевском).

«Сказание» порождает еще одно недоумение. Если варягов изгнали, то почему именно их призывают вновь для установления порядка? Разгадка этого противоречия, думается, не в том, что славяне и финны не способны были сами умиротворить внутренние распри и пошли «на выдачу» к недавним врагам.

or several people. It could happen only under certain conditions. By the beginning of the IX century such conditions were completely formed. The Eastern European Slav tribes and Finnic tribes, the Slovenes, the Krivichi, the Chud', the Mer', and the Ves' shared joint interests, together they took very important decisions, they were in the process of creating a united state economically and socially. It happened so that the impulse came from the outside. The fact that the Scandinavians without any difficulties and in a very short time, in other words, on the prepared ground, managed to organise a new system of power and make it work, attracts attention.

«The Legend on Varangians' Vocation» is a very complicated source, every time demanding a thorough analysis. Let us start with the doubts and discordance of the chronicle texts.

One of the striking differences in the Chronicle versions of the «Legend» concerns the fact that The Scandinavian Rurik, according to some texts, was in Ladoga, and according to other texts — in Novgorod. For a certain period of time, after the historian A. A. Shahmatov, the Ladoga version written in 1118 by an anonymous editor of the «Primary Chronicle» was considered a secondary one to the Novgorod version. The historian A. G. Kuzmin managed to prove the opposite. It is the evidence given by Ladoga that is primary, and besides it came to us in the most correct texts of the chronicle (the Ipatiev, the Radzivilov, probably, the Lavrentiev).

The «legend» gives birth to one more doubt — if the Varangians were turned out, why they are called back in order to set the reign? The solution of this controversy is not in the fact that the Slavs and the Finns are not able to set peace in their state, and appealed to the recent enemies. The explanation is different. The

Объяснение в ином. Северные племена, освободившись от обременительных поборов, готовились к отражению нового натиска скандинавов. Угроза была реальной. В «Житии святого Ансгария», составленном Римбертом, описано нападение датчан в 852 г. на некий богатый город (ad urbem) в «пределах земли славян» (in finibus Slavogum), который можно сопоставить с Ладогой. Этот поход, вероятно, сопровождавшийся обложением данью, показал растущую опасность экспансии на восток со стороны викингов. О дальнейшем развитии событий можно судить по «Сказанию о призвании варягов». Смысл приглашения чужестранцев, очевидно, заключался в стремлении привлечь опытного полководца с отрядом воинов, в данном случае Рюрика, чтобы он смог защитить славянских и финских конфедератов. Пришелец-скандинав, конечно, знал военные примемы своих соотечественников, в том числе и тех, которые приходили на Русь с грабительскими, пиратскими целями. Выбор полководца оказался удачен, до конца X столетия скандинавы не отваживались нападать на северные земли Руси.

В «Сказании о призвании варягов» фигурируют три брата-пришельца. Ученые давно обратили внимание на странные имена двух из них — Синеуса и Трувора, бездетных и как-то подозрительно одновременно умерших в 864 г. Поиски их имен в древнескандинавской ономастике не привели к обнадеживающим результатам. Замечено, что сюжет о трех братьях-чужестранцах — основателях городов и родоначальников династий — своего рода фольклорное клише. Подобные предания были распространены в Европе в средние века. Известны легенды о приглашении норманнов в Англию и Ирландию. Видукинд Корвейский в

Northern tribes, after liberating themselves from hard tribute were preparing to fight back the new attack of the Scandinavians. The threat was quite real. The «life of Saint Ansgary» compiled by Rimbert, describes the assault of some rich town (ad urban) «in the land of the Slavs» (in finibus Slavorum) attempted by the Danes in 852. The town can be compared with Ladoga. That war, probably followed by laying tribute, showed the growing danger of the Vikings expansion to the East. The «Legend on Varangian Vocation» shows the further development of the events. The foreigners were invited with the aim of attracting an experienced commander with a group of warriors. in this instance, Rurik, to protect the Slav and Finnic confederates. The newcomer — Scandinavian knew all the military ways of his countrymen, including those who came to Rus' as robbers and pirates. The choice of the commander was a successful one, to the end of the X century Scandinavians did not dare attack the Northern lands of Rus'.

In the «Legend on Varangians' Vocation» there are three brothers: the scholars paid attention to the strange names of the two of them long ago. They were called Sineus and Truvor, they did not have children and they somewhat suspiciously died the same year in 864. The search for their names in Old Scandinavian onomastics did not give any reassuring result. It was noticed that the plot about the three brothers foreigners, the founders of the towns and new dynasties is a certain kind of folklore cliché. Such tales were very popular in Europe in the Middle Ages. There are legends about the inviting the Norsemen to England and Ireland. Bidukind of Korvey in his «Saxon Chronicle» (907) writes about the embassy of the Britts to Saxons who offered the latter «to own and reign over their vast country, which is rich

«Саксонской хронике» (907 г.) сообщает о посольстве бриттов к саксам, которые предложили последним «владеть их обширной великой страной, изобилующей всякими благами». Саксы снарядили корабли с тремя князьями.

Высказано предположение, что Синеуса и Трувора не существовало, а летописец буквально передал слова старосведского языка «sune hus» и «thru varing», означавших «с родом своим и верной дружиной». Это предполагает существование документа на старосведском языке, очевидно, того самого «ряда», который заключил Рюрик со славянскими и финскими старейшинами. Полагают, что Нестор при написании своего труда располагал текстами договоров 911 и 945 гг., заключенных между русскими и греками. Возможно, что в княжеском архиве находился и упомянутый «ряд», впервые использованный летописцем-сводчиком, не понимавшим его некоторых выражений.³

Рюрик летописный, если считать его тождественным своему датскому тезке (о чем скажем далее), действительно имел двух братьев Гемминга и Гаральда, но они относительно рано умерли (в 837 и 841 гг.) и поэтому не могли сопровождать брата на Русь. Как бы то ни было, эпизод с двумя братьями вызывает сомнение в его достоверности и, возможно, основан на каком-то языковом недоразумении.

Определенное недоумение оставляют и города или местности, куда направились Синеус и Трувор, в первом случае «на Белоозеро», во втором — в Изборск. Белоозеро в заключительных словах «Сказания» отмечено не как район, а как город. После археологических исследований Л. А. Голубевой мы знаем, что Белоозеро датируется X—XIV вв., следовательно, в IX в. еще не существовало. Отстоящее от Белоозера на 15 км поселение IX—X вв.

in so many good things». The Saxons sent ships with three princes.

There is a supposition that Sineus and Truvor did not exist, and the chronicler just transliterated the words from Old Swedish «sune hus and thru varig», meaning «with his kin and the devoted warriors». It suggests existing of a document in Old Swedish, probably that very «agreement» that Rurik made with the Slav and Finnic elders. It is supposed that Nestor while writing his work, had at his disposal the texts of the treaties of 911 and 945, concluded between the Russians and the Greeks. Probably the archives of the prince stored the mentioned above «agreement» first used by the chronicler — compiler, who did not understand some of the expressions.³

Rurik from the Chronicle, if he is identic to his Danish namesake (which will be mentioned later), really had two brothers Gemming and Garald, but they died rather early (in 837 and 841), therefore they could not accompany their brother to Rus'. However, the episod with the two brothers arouses doubts an can probably be explained by som. linguistic mistake.

The towns and regions where Sineus and Truvor set out for, also arouse some doubts. Sineus went to «Beloozero» and Truvor to «Izborsk». In the final part of the «Legend» Beloozero is referred to not as a region but as a town. After the archaeological research of L.A.Golubeva we know that Beloozero is dated by the 10—14 c.c., it means it did not exist in the 9 century. The settlement of the 9—10 centuries situated in 15 km from Beloozero called Krutic is a Finnic and Ves' one, there are no grounds to consider it as residence of the Norseman ruler. In this way «the town of Sineus» on the White lake is not known so far. It seems necessary to add that the presence of Scandinavians on the Beloozersky region

Крутик является финско-весьским, рассматривать его в качестве резиденции норманнского владетеля нет оснований. Таким образом, «город Синеуса» на Белом озере пока неизвестен. Добавим, что само присутствие скандинавов в Белозерской округе, судя по археологическим находкам, не только в IX, но и в X в. прослеживается слабо. Что касается Изборска, то, по наблюдениям В. В. Седова, характерный комплекс скандинавских изделий IX—X вв. там не обнаружен. Как пишет Седов, «Изборск, по-видимому, не принял норманнов и развивался на основе племенного центра одной из ветвей кривичей».⁴

Переходим здесь к достоверным, с нашей точки зрения, моментам «Сказания», частью подтвержденным и другими исследователями.

У большинства ученых сам факт приглашения скандинавов не вызывает сомнений. С оговоркой, что хронология начальной части «Повести временных лет» условна и может отличаться в отдельных случаях от истинной на 6—10 лет, признана и дата события — 862 г. Исторична и личность Рюрика. Некоторые историки отождествляют его с ютландским и фрисландским викингом Рёриком. Оба жили примерно в одно время, а их биографии схожи. Они служили своим господам, обязывались защищать их землю, были предводителями своих дружин, в поисках «славы и добычи» участвовали в походах и войнах, интригами и мечом добывали свои владения, странствовали из страны в страну.

Рёрик происходил из знатной датской семьи Скиольдунгов. По западным источникам известно, что он в 837—840 гг. и после 850 г. владел Фрисландией с ее главным городом Дорестадом, полученными от франкского императора. В договоре об усло-

not only in the 9, but in the 10 century can not be vividly traced. As for Izborsk, according to the research of V. V. Sedov, the complex of Scandinavian objects characteristic of the 9—10 centuries has not been found there. Sedov writes: «Evidently, Izborsk did not accept the Norsemen and developed based on one of the tribal centres of the Krivichi».⁴

Now we are coming over to the trustworthy from our point of view, moments of the «Legend», partly confirmed by other researchers.

The majority of scholars do not doubt the fact of inviting Scandinavians. But they think that the chronology of the first part of the «Primary Chronicle» is not exact and can be 6—10 years different from the authentic one, the date of the event itself the year of 862 is accepted by everybody. The personality of Rurik is considered quite a historic one too. Some historians identify him with Jutland and Friesland Viking Rørik. Both lived approximately at the same time, their life stories are very much alike. They both served to their masters, they were to protect their land, were leaders to their warriors, looking for «glory and loot», participated in trips and wars, obtained their possessions with intrigue and sword, they wandered from country to country.

Rørik came from a noble Danish family of the Scioldungs. According to the Western sources in 837—840 and later in 850 he owned Friesland and its main town Dorestad, received from the emperor of the Franks. In the contract made in 850 Rørik was to serve faithfully, paying tribute and other duties and defend the land from Danish pirates. Sometimes his enemies managed to turn Rørik out of Friesland, and he managed to win his lands back. In 857 he was given over a Southern part of Danish Kingdom in Jutland, but the situation was rather restless there, Rørik had to protect his

виях владения, заключенном в 850 г., было сказано, что Рёрик обязан верно служить, платя дань и другие подати, и защищать край от датских пиратов. Противникам Рёрика удавалось изгонять его из Фрисландии, а ему отвоевывать свои владения. В 857 г. ему была уступлена в Ютландии южная часть Датского королевства, но и здесь было неспокойно. Рёрику приходилось оборонять свои территории и вторгаться в пределы соседей. Он совершил сухопутные и морские походы на Гамбург, Северную Францию, Данию, Англию, даже на свои владения во Фризии, а 852 г. мог участвовать в походе датского войска на шведскую Бирку (об этом упоминалось выше) и, что не исключено, с отрядом корабельщиков-датчан напасть на «город славян», в котором усматривается Ладога. Особенно Рёрика привлекал главный город Фрисландии Дорестад, где сходились торговые пути из Майнца, Англии и Скандинавии. За обладание этим городом и его округой он боролся почти до конца жизни, неоднократно возобновляя свои вассальные отношения с каролингским императором.

Воюя за власть и земли, Рёрик приобрел опыт полководца, дипломата, искателя приключений. Никогда не считал себя побежденным, вновь и вновь выступал против неприятелей. Возможно, что именно этот датский по происхождению викинг оказался на востоке Европы и там преуспел более, чем на западе. При этом, правда, даты пребывания Рёрика на Руси и в Западной Европе трудно уверенно сопоставить в силу их условности в русских источниках. Лакуны о деятельности Рёрика во франкских хрониках в отдельные годы, например в 864—866 гг., позволяют предположить, что он мог в это время находиться на Руси. Одним словом, по историческим свиде-

territories there and intrude into the lands of neighbours. He made trips by land and sea to Hamburg, Northern France, Denmark, England even to his lands in Freesia, and in 852 he could participate in the trip of Danish troops to the Swedish Birka (this has been mentioned before) and probably with Danish sailors he attacked «the town of the Slavs» which can be Ladoga. Derestad in Freseland where trade routs from Meince, England and Scandinavia met especially attracted Rörík. Almost to the end of his life he struggled for this city and restored his relations of a vassal with the emperor of Karolingues'.

Fighting for power and lands, Rörík acquired the experience of a commander, diplomat, adventurer. He had never considered himself defeated again and again attacking his enemies. Probably, it was this, Danish by origin Viking went to the East of Europe and succeeded there more than in the West. It must be mentioned that it is rather difficult to compare the dates of Rörík's stay in Rus' and in the Western Europe as the Russian sources express some doubts about them. The lack of knowledge concerning Rörík's activity in certain years, for example in 864—866, allows us to make supposition that he could be at that time in Russia. In a word, according to historic evidence the Danish Rörík and the Ladoga Rurik can be identified as one and the same person.

By the moment he was invited to Rus', Rörík had a reputation of an experienced warrior, who could protect his own land, come over other lands and carry out the orders of supreme power — the Emperor of the Franks. The Northern Eastern Europeans could learn about him, as for Rörík, being an eternal warrior and knight, who knew the military business as well as ship building not only of Scandinavians, but of Franks and Freeses, he accepted their invitation as an experienced

тельствам выявляется непротиворечивая совместимость Рёрика-датчанина и Рюрика ладожского.

К моменту приглашения на Русь за Рёриком закрепилась слава опытного воителя, умевшего оборонять свою землю, нападать на чужую и выполнять поручения верховной власти — франкского императора. О нем могли узнать северные восточноевропейцы, а их приглашение Рёрик — вечный воин и странствующий рыцарь, хорошо знавший военное и корабельное дело не только скандинавов, но и франков и фризов, принял как бывалый наемник на определенных договорных условиях. Он, очевидно, должен был за определенное вознаграждение себе и дружине защищать новых хозяев и освободить их от скандинавской дани. Если такие поборы исходили от шведов, обращение к датчанину было вполне оправданно, если же этим занимались датчане, то Рёрик, нередко враждовавший с соотечественниками, и в этом случае был подходящим кандидатом. Возможно, что в пределы Руси Рёрик отплыл из средней или южной Швеции, где встретился с ладожским посольством. Для славян адрес «за морем» чаще всего означал именно Швецию.

Обстановка на востоке Европы отличалась от того, с чем приходилось сталкиваться Рёрику на западе. Основной удар викингов в 840—850 гг. пришелся на германо-французские и британские города. На востоке также устраивались грабительские походы, но предпочтительнее там была необычайно выгодная торговля по великим водным путям Балто-Каспийскому и Балто-Черноморскому. К тому же в этой части Европы дравшиеся за власть феодальные владетели в тот период были или редки, или уживались друг с другом.

mercenary on certain conditions. Probably, he was to protect his new masters for a certain reward and to make them free from Scandinavian tribute. If the Swedes demanded requisition the appeal to a Danish person was quite understandable, if the Danes acted so, Rörík was a suitable candidate as well as he was often at war with his country people. It is possible that Rörík appeared in Rus' having sailed from middle or Southern Sweden where he met the Ladoga Embassy. The Slavs considered Sweden the «overseas» territory.

The situation in the East of Europe was different from the situation familiar to Rörík in the West. The main blow of the Vikings in 840—850 was aimed to French and British towns. In the East predatory campaigns were organised too, but profitable trade along the great waterways of Baltic-Caspian and Baltic-Black Sea prevailed. Besides in this part of Europe feudal rulers fighting with each other were either not numerous or lived peacefully with each other.

Ladoga had become the capital of the newly organised reign. It occupied the key position on the trade ways of Eurasia. Great changes took place here with the arrival of Rörík-Rurik. Here archaeology adds new details to the chronicle. First wooden and then, closer to the 9 century, stone fortifications were built. A special Norsemen Burial ground appeared at the place of honour, opposite the fortress on the other bank of the Volkhov in the «Plakun» settlement. Probably, the newcomers not only buried their people in a special way, but lived separately as well. Is it possible that the Varangians street mentioned in the sources of the 15 century belongs to this period? The territory of the town had grown which was stimulated by the development of commerce and international market. Judging by the excavations, the city land was divided into

Столицей новоорганизованного княжения стала, как упоминалось, Ладога, занимавшая ключевое место на магистральных евразийских торговых путях. С приходом Рёрика-Рюрика здесь произошли заметные перемены. Археология здесь дополняет летопись. Были отстроены сначала деревянные, а затем, ближе к концу IX столетия, каменные укрепления. На почетном месте, напротив крепости на другом берегу реки Волхов в урочище «Плакун», возник особый норманнский могильник. Возможно, что пришельцы не только хоронили своих особо, но и жили отдельно. Не к этому ли периоду восходит упомянутая в источниках XV в. Варяжская улица? Территория города расширилась, что, несомненно, было стимулировано развитием евразийской торговли и международного рынка. Судя по раскопкам, городская земля была разделена на равные по площади парцеллы. Их заселили торговцы-ремесленники, которые не только умели изготавливать вещи, но и транспортировать их, преимущественно по воде, и продавать. Такой универсальный по занятиям класс свободных горожан, получивший во Фрисландии наименование штединги (нем. Stedinger — «береговой житель») обеспечил быстрый экономический подъем Ладоги как производственного и купеческого центра евробалтийского значения. Аналогичные парцеллы рыночно-сезонного характера были археологически открыты в датском городе Рибе. В отличие от Рибе в Ладоге парцеллы использовались не временно, а для постоянного заселения. Не заимствовали ли ладожане планировку своего города в Дании? Невероятного в этом предположении нет. Подчеркнем, что определенный порядок городского землепользования и распределение стандартных участков среди новопоселен-

equal parts. They were inhabited by traders, craftsmen who could not only make various objects but to transport them, mainly by water, and sell. Such a universal by its occupation class of free citizens, called Stedinger (German Stedinger means a person living on the bank) provided quick economic rise of Ladoga as production and merchant centre of Eurobaltic importance. Analogous divisions of market-season character were discovered by archaeologists in the Danish town of Ribe. In Ladoga those parts of land were used for constant settlement not temporal. Could it be that the citizens of Ladoga had borrowed the lay-out of their town from the Danish one? There is nothing impossible in this supposition. Let's emphasise the fact that a certain way of land owning and distribution of standard lots of land among the newcomers fall on the same period of time when a Scandinavian or rather Danish newcomer and his troop appeared in Ladoga.

Having settled in Ladoga, Rurik (no he will be called in accordance with the Russian tradition) soon moved to the Il'men' Lake, where according to the «legend» «Made a city over Volkhov and it was called Novgorod». In this way Novgorod became after Ladoga the next capital of the Rurik power. Some explanations are necessary here. At the time of Rurik the town with such a name did not exist. The archaeological excavations showed that it appeared in its present place not before the end of the 10-th century, and the name Novgorod was introduced into the text of the «Legend» under the influence of Novgorod priority and ambitions of the local boyars. One of the chroniclers of the Varangian legend could not miss such a material that would give priority in dynastic and political spheres to Ladoga, and instead of it he introduced the name

Земляное городище в Старой Ладоге. Вид с Воротной башни крепости конца XV в. Здесь с 1909 г. ведутся основные археологические раскопки. Фото А. Кирпичникова.

The earthen site of an ancient settlement (gorodische) in Old Ladoga. View from the Gate (Vorotnaya) tower of the fortress of the end of the 15-th century. Here since 1909 the main archaeological excavations are carried out. Photo by A. Kirpichnikov.

цев по времени примерно совпадают с периодом появления в Ладоге скандинавского, а точнее датского, пришельца и его дружины.

Укрепившись в Ладоге, Рюрик (теперь будем называть его по русской огласовке) вскоре продвинулся в глубь страны к Ильменскому озеру, где, по словам «Сказания», «срубил город над Волховом и прозвали его Новгородом». Таким образом, Новгород стал после Ладоги следующей столицей державы Рюрика. Здесь необходимо уточнение. Во времена Рюрика город с таким именем еще не существовал. Как

of Novgorod. Besides in the 11—12 centuries the name of the town that Rurik put «over the Volkhov» was forgotten. But such a settlement, is Rurik Gorodische located in 2 kilometres south from Novgorod. It, according to the research carried out by E. N. Nosov, appeared approximately in the middle of the 9-th century, just at the time when Rurik built up a certain fortress there. The coincidence of the historic and archaeological dates is practically complete and allows to identify the predecessor of Novgorod and find out its real name. The Scandinavian sagas give it: it is

Ладога в 1634 г. Гравюра из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию».

Ladoga in 1634. Engraving from Adam Olearius's book «Description of the trip to Moscovia».

показали археологические раскопки, он возник на своем нынешнем месте едва ли раньше третьей четверти X в., а наименование Новгород было внесено в тексты «Сказания», скорее всего, под влиянием новгородского приоритета и амбиций местного боярства. Один из летописцев—сводчиков сведений о варяжской легенде не мог пропустить такого материала, который бы отдавал старейшинство в династических и политических делах «пригороду» Ладоге, и поэтому вместо этого центра вписал Новгород. К тому же в XI—начале XII в. наименование того города, который срубил Рюрик «над Волховом», было забыто. Между тем

Kholmgard, otherwise nothing else but a loan translation, a calque of the Slav name of Kholmgorod or Kholmograd. It was Kholmgorod existing before Rurik appeared in that region, and having a Slav name that became his fortified residence.

The «Legend on Varangian Vocation» tells us that during the change of capitals Rurik's brothers died and he «took all the power himself». No agreement is mentioned there. It is probable, that using his personal guards he made a coup. The tribal elders lost their power. An autocratic leader changed a mercenary. According to the published by B. N. Tatischev Iokimovskaya Chronicle, the source that preserved a number of unique

такое поселение — Рюриково городище существует в 2 км к югу от Новгорода. Оно, как показали исследования Е. Н. Носова, действительно возникло примерно в середине IX в., т. е. именно тогда, когда некую крепость в этих местах отстроил Рюрик. Совпадение исторической и археологической дат практически почти полное и позволяет убедительно идентифицировать предшественника Новгорода и выяснить его настоящее имя. Его сохранили скандинавские саги: это Холмгард — иначе не что иное, как калька славянского наименования Холмгорода или Холмограда. Именно Холмгород, уже существовавший до прихода Рюрика и имевший славянское имя, стал его укрепленной резиденцией.

В период смены столиц, как передано в «Сказании о призвании варягов», умерли братья Рюрика и он «принял всю власть один». Ни о каком договоре-«ряде» уже не упоминалось. Повидимому, исполнив личную гвардию, Рюрик совершил переворот. Племенные старейшины утратили власть. На месте служивого наемника оказался самовластный вождь.

По сообщению опубликованной В. Н. Татищевым Иоакимовской летописи — источника, сохранившего ряд уникальных и вовсе не фантастических сведений относительно Северной Руси и русско-скандинавских отношений, Рюрик «прилежа о росправе земли» «посажа по всем градом князи от варяг и словян, сам же проименовался князь великий, еже Кречески архикратор или василевс». ⁵ Здесь важно упоминание о принятии великокняжеского титула — своеобразной коронации, что совпало с «окняжением» земли. В состав нового государственного объединения вошли, как уже упоминалось, города — центры своих областей: Полоцк, Ростов, Муром, Белоозеро (скорее округ, чем

and not fantastic facts concerning the Northern Rus' and Russian-Scandinavian relations, Rurik, «being involved in wars concerning land», «put Varangian and Slav princes into all towns, and began calling himself Great prince, like a Greek Autocrat»⁵. The words about the acceptance of the title of Great prince, practically it was a coronation, seem very important. This event coincided with the process of uniting the land. The following towns, the centres of their regions respectively; Polotsk, Rostov, Murom, Beloozero (rather a district than a certain centre) and, certainly Ladoga and Kholmograd — Kholmogard formed a new state union. In this way the formation of the new multy-national state was consolidated. Thus, as B. A. Rybakov describes it, the Norsemen period of Russian history started.

Very short information about the Russian Period of Rurik's activity has survived. Apart from the «Legend» the notes from the Nikonovskaya Chronicle of the 16 century are extremely interesting. The information got into the chronicle from some more early source that had been lost. From the notes we learn some unknown details, for example, about the meeting of the Slovenes and other tribes when they discussed where they should look for a prince: among themselves, the Khazars, the Polyans, the Dunayans or the Varangians. The «Scandinavian line» won. It could hardly be a nation-wide veche. Practically only the tribes elders had the possibility of coming to their tribe centre Ladoga. As before Rurik came Ladoga had already existed for one hundred years and at that time was the only big settlement in the North of the country.

According to the Nikonovskaya Chronicle, Rurik, being in Novgorod (and we think in Kholmogorod) suppressed the uprising of the local nobles, having put

Каменная крепость конца XV в в Старой Ладоге. В ее основании обнаружены остатки стен конца IX и начала XII в. Рис. В. А. Прохорова до 1871 г.

The stone fortress of the end of the XV-th century in Old Ladoga. The remains of the walls of the end of the IX-th and the beginning of the XII-th centuries were discovered in its foundation. Drawing by V. A. Prokhorov, before 1871.

определенный центр) и, конечно, Ладога и Холмоград-Холмгард. Было закреплено образование многонационального государства. Так на Руси начался, по определению Б. А. Рыбакова, норманнский период ее истории (отношу его не к 879—911 гг., а 862—911 гг.).

О русском периоде деятельности Рюрика-Рёрика сохранились скудные отрывочные сведения. В этом отношении помимо «Сказания» особый интерес приобретают записи Никоновской летописи XVI в., попавшие в нее из какого-то несохранившегося более раннего источника. Из них мы узнаем неизвестные подробности, например, о собрании словен и других племен, обсуждавших, где искать князя: среди своих, хазар, полян, дунайцев или ва-

out to death Vadim the Brave, the leader of the opposition as well as his accomplices. The Slovene tribal elite, however, did not resign to their lot. In 867 many Novgorod men, afraid of being persecuted by Rurik, ran away to Kiev. (V. N. Tatischev thinks it happened in 869).

Judging by the Chronicles, Rurik was in power from 862 to 879, i.e. for 17 years. During that period of time he united a number of towns and regions, made his power strong, suppressed the opposition and, which seems unusual, did not attempt any war campaigns. More than that, according to the Nikonovskaya Chronicle, Ascold and Dir, the Norsemen, sent by him to Kiev, having established themselves there, attacked Polotsk that was under Rurik's power. There is no knowing if they met any opposition there. The

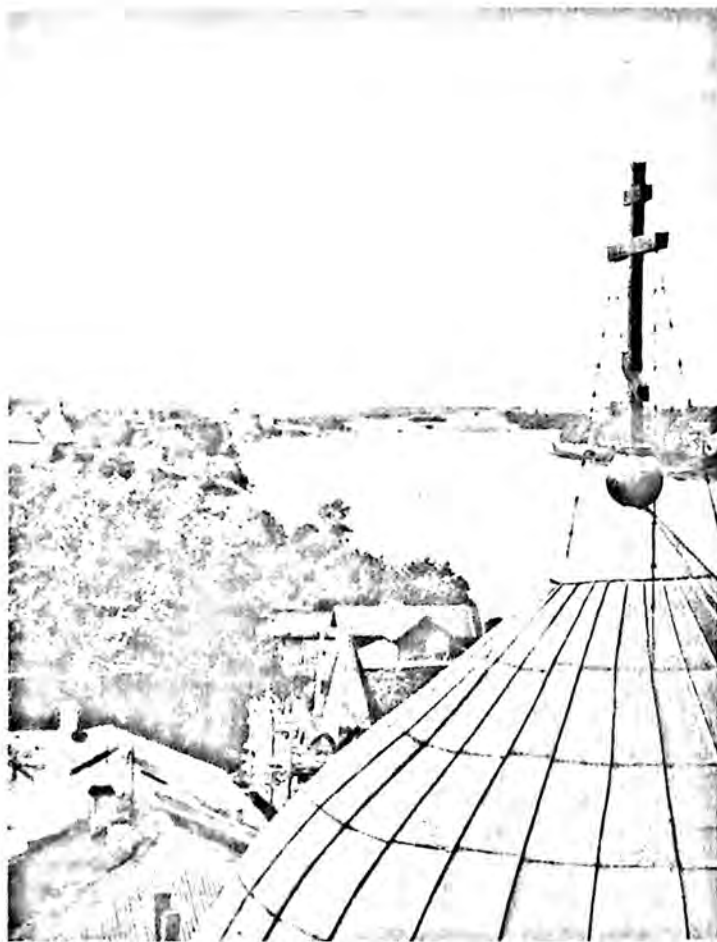
рягов. Победило «скандинавское направление». Вряд ли это было все-народное вече. Практически имели возможность собраться в своем межплеменном центре Ладого только старейшины племен. Ведь до прихода Рюрика Ладога уже существовала сто лет и в то время была единственным самым значительным поселением на севере страны.

Согласно Никоновской летописи, Рюрик, будучи в Новгороде (а по нашей мысли — в Холмгороде), подавил оппозиционное выступление местной знати, казнив их предводителя (?) Вадима Храброго и его единомышленников. Словенская племенная элита, однако, не покорилась. В 867 г. много новгородских мужей, очевидно, опасаясь преследований от Рюрика, сбежали в Киев (В. Н. Татищев отнес это известие к 869 г.).

Судя по летописным данным, Рюрик правил с 862 по 879 г., т. е. 17 лет. За это время он объединил ряд городов и областей, укрепил свою власть, подавил оппозицию и, что необычно, не совершал походов. Более того, посланные им норманны Аскольд и Дир, укрепившись в Киеве, по сообщению Никоновской летописи, в 865 г. напали на подвластный Рюрику Полоцк. Был ли им оказан отпор, неизвестно. Согласно свидетельству Иоакимовской летописи, северный властитель правил, «не имея ни с кем войны». Утверждение Новгородской четвертой летописи о том, что он «начаша воевати всюду», если в какой-то мере достоверно, то относится, по всей видимости, к начальному периоду появления варяжского конунга на Руси и закрепления за ним и его «мужами» городов и мест. Странная для своего времени военная пассивность Рюрика, ставшего великим князем, объясняется, возможно, тем, что, находясь в Восточной Европе, он

Ioakimovskaya Chronicle gives evidence that the Northern ruler reigned 'without being at war with anybody'. The information of the Novgorod Chronicle IV that he «began to fight everywhere» can refer, if it gives true information, to the very beginning of the Varangian konung activity in Rus' when he tried to consolidate his hold on towns and regions. Strange for that time military inactivity of the Great Prince Rurik, can be explained, probably, by the fact that staying in Eastern Europe he did not break links with his motherland. In 870 and in 872—873 he, judging by the Western sources, visited the West, evidently with the aim of keeping in hold his former lands in Freesland and Denmark. It took about a month and a half or two to get from Kholmogorod to Dorestad by boat, and it was not a very difficult way, presenting any obstacles. According to the opinion of the historian N. T. Belyaev — the author of one of the best articles about Rurik-Rörik, there is no contradiction in the fact that after 862 (or, taking into consideration the inexact chronology, 856) Rurik from time to time appeared in Frisia.

The further circumstances of the life of the «Russian Dane» can be found in the Ioakimovskaya Chronicle. This source gives the following information: Efanda (Sfanda, Alfind) from Norway became the wife of Rurik, she gave birth to a son, called Igor. The son was very small, when in 879 his father died and Oleg, called in Russian Chronicles either a voivode or a great prince, came to power. The chronicles are not very sure concerning Oleg's status, because he was his relative and not heir. According to the Ioakimovskaya Chronicle, he was called «the prince of Urmansky», i.e. Norwegian, the brother of Efanda. Oleg, called the Prothetic, successfully continued the geopolitical strive of his predecessor. The main thing he managed to do, which was

Старая Ладога. Вид с колокольни Никольского монастыря. Все видимое пространство левого берега Волхова с каменной крепостью включает культурный слой города периода средневековья. Фото А. Кирпичникова.

Old Ladoga. View from the bell-tower of the Nickolsky monastery. The whole visible space of the Volkhov left bank together with the stone fortress presents the archaeological cultural layer of the town in the Middle Ages. Photo by A. Kirpichnikov.

не порывал с родиной. В 870 и 872—873 гг. он, судя по известиям западных источников, побывал на Западе, очевидно, с целью удержать свои прежние владения во Фрисландии и Дании. Путь от Холмогорода до Дорестада на корабле занимал полтора-два месяца и

very important for the fate of Rus', was to unite the North and the South of the country. Kiev became the capital of the state. A mighty state — the empire of the Rurikids was formed in Europe.

The first Norsemen dynasties were presented by no means ordinary people.

не составлял непреодолимых препятствий. По мнению историка Н. Т. Беляева — автора одной из лучших статей о Рёрике-Рюрике, нет противоречия в том, что после 862 г. (или с учетом неточной летописной хронологии, 856 г.) Рюрик время от времени появлялся во Фризии.

О дальнейших обстоятельствах жизни «русского датчанина» узнаем из сообщения Иоакимовской летописи. В этом источнике отмечено, что женой Рюрика стала норвежка Ефанда (Сфанда, Алфинд), родившая ему сына Игоря. Сын был малолетним, когда в 879 г. умер отец и у власти оказался Олег, названный в русских летописях то воеводой, то великим князем. Неуверенность летописей относительно статуса Олега объясняется тем, что он был родственником Рюрика, а не его наследником. Согласно Иоакимовской летописи, он назван «князем Урманским», т. е. норвежским, братом Ефанды. Олег, прозванный Вещим, успешно продолжал геополитические устремления своего предшественника. Главное, ему удалось судьбоносное дело — объединить север и юг страны. Столицей стал Киев. В Европе довершилось образование могущественной державы — «империи Рюриковичей».

Первые норманнские династы, судя по всему, оказались людьми незаурядными. Основатель новой династии и его продолжатель, придя к правлению в чужой стране, поняли, что следует считаться с местными интересами и осуществлять внутренние задачи молодого Русского государства. Следующее археологическое наблюдение дает понятие об их некоторых масштабных действиях. По находкам восточных серебряных монет — дирхемов VIII—X вв. судят о торговой активности викингов, славян и других народов. Эти монеты через Русь попадали в страны

The founder of the new dynasty and his successor, on coming to power in a foreign country, understood that they should consider the local interests and carry out the domestic tasks of the young Russian state. The further described archaeological observation helps to understand the scale of their actions. The find of oriental silver coins of the 8—10 c.c. — the dirchems show the trade activity of the Vikings, the Slavs and other people. These coins via Rus' appeared in the countries of the Baltic region. Up to the middle of the 9 century they are not found on the island of Gotland and in the continental Sweden (they are mostly found in regions). By the end of the 9 century the situation changes. By this time 10.261 dirchems were found on Gotland and in Sweden. If compared with the period of 770—790 the number of finds increased 8 times.⁶ It is possible to make a conclusion that after 850 the growing regular, direct and intermediary trade between Rus' and Scandinavia, to be more exact between Rus' and Sweden changed the tributes and sporadic trade. Evidently, the rulers of Rus' were almost the first to create favourable conditions for its development. Not only coins but Russian and Oriental objects in greater and still greater quantities appeared in the land of the Vikings. At that period the contacts between Eastern and Northern Europe grow sharply. Scandinavian newcomers, either guards or the elite of the court, merchants, craftsmen participated in local life, readily settled down in Russian towns, built ships and forged weapon, made decorations, and later went to serve to Russian princes. Sometimes paying off their Scandinavian neighbours, sometimes encouraging their military, diplomatic and merchant activity, the Norsemen by their origin leaders of Rus', made the country strong, built new fortresses, created multinational army and armed it with heavy weapons, directed the

региона Балтики. До середины IX в. не устанавливается их сколько-нибудь значительное проникновение на о. Готланд и в материковую Швецию (больше их обнаруживают в областях западных славян). Во второй половине IX в. складывается иная ситуация. К этому периоду относятся 10 261 дирхем, обнаруженные на о. Готланд и в Швеции. По сравнению с периодом 770—790 гг., число находок в упомянутых регионах возросло почти в 8 раз.⁶ Из этого можно заключить, что после 850 г. на смену даням и sporadическим торговле и поездкам пришла растущая регулярная прямая и посредническая торговля Руси со Скандинавией, точнее Швецией. Видимо, новые правители Руси едва ли не впервые создали для нее особо благоприятные условия. Не только монеты, но и русские и восточные вещи все в большем количестве стали поступать в земли викингов. В этот период резко расширяются контакты Восточной и Северной Европы. Скандинавские пришельцы, будь то дружинники, придворная элита, купцы, мастера-ремесленники, включились в местную жизнь, охотно селились в русских городах, строили корабли и ковали оружие, изготовляли украшения, а в дальнейшем шли в услужение русским князьям. Где откупаясь от скандинавских соседей, где поощряя их военную, дипломатическую и купеческую деятельность, норманские по происхождению руководители Руси укрепили страну, построили новые крепости, создали многоплеменное войско и оснастили его тяжелым вооружением, направляли в своих целях военную активность викингов, оказавшихся на просторах русской равнины. Они использовали их в качестве иноземной наемной части государственного войска. На месте разрозненных племенных областей возникло единое экономиче-

military activity of the Vikings, living on the vast territories of Russian plain, to their advantage. They used them as a hired part of the state army. A united, economically and socially territory appeared in place of uncoordinated regions inhabited by tribes. The activity of Rus' rulers promoted the security of the Northern lands and enlarged the international commerce. It seems that Rurik's choice in military sphere proved correct. Up to the end of the 10 century Scandinavians did not attack the Ladoga and Novgorod regions, preferring trade and transport interstate relations to war. At first sight it seems a paradox. The Norsemen-warriors, who became in an integral part of the Old Rus' ruling class, brought not wars but peace to several generations of people of Northern Rus'. Its economic rise speeded up. Probably, it became one of the reasons for powerful political and military impulse which started in the North and promoted the formation of Russian state.

In commemoration of the 1000 years anniversary of Russia in 1861—1862 a multi-figured monument created by the sculptor M.O. Mikeschin and his assistant was erected in Novgorod. Among the main characters we can see Rurik presented as a warrior in a helmet, a shirt of mail with a sword. On the shield there is the date 862. Russia turned out to be almost the first country of Europe where a monument to a Norseman was created, in that case it is the monument to the founder of the dynasty, and, as it was considered the state. The Soviet propagandists (and not only they) expressed a different attitude to the image of Rurik. «The Soviet historians, one of them wrote in the booklet „The monument to 1000 anniversary of Russia“» (Novgorod, 1965), found out that the state of Eastern Slaves appeared without any interference of newcomers from other countries and rejected the Normanist theory, created in

Медная подвеска-амулет
с рунической надписью.
X в. Раскопки В. П. Пет-
ренко в 1975 г.

A copper pendant-amulet
with a runic inscription.
The 10-th century. Exca-
vations of V. P. Petrenko in
1975.

ское и социальное пространство. Действия правителей Руси способствовали безопасности северных земель и расширили международную торговлю. Выбор Рюрика в военном отношении, похоже, себя оправдал. Вплоть до конца X в. скандинавы не нападали на области Ладоги и Новгорода, предпочитая войне торгово-транспортные и межгосударственные связи. На первый взгляд это выглядит парадоксально. Норманны-воители, ставшие составной частью древнерусского правящего класса, принесли не потрясения, а мир нескольким поколениям жителей Северной Руси. Ускорился ее хозяйствен-

the 18 century in the official historiography».

The history of Russian people, I think, will never accept these lines. Russia has always been characterised by life-giving relations with the whole world, including Scandinavia. Russian-Normanist contacts during the formation of the state enriched the technologies and culture of both countries, accelerated their development. The Varangians brought to Rus' the best arms, perfect ships, their decorations, the methods of unmounted fight, promoted the organisation of Eurasian commerce. From the Slavs and other people of Eastern Europe they received furs, slaves,

ный подъем. Может быть, это стало одной из причин мощного политического и военного импульса, который шел с севера и способствовал образованию общерусского государства.

В ознаменование 1000-летия России в 1861—1862 гг. в Новгороде был воздвигнут многофигурный монумент, выполненный скульптором М. О. Микешиным и его помощниками. Среди главных персонажей мы видим Рюрика в образе воина в шлеме, кольчуге, с мечом. На щите проставлен 862 г. Россия оказалась едва ли не первой тогда страной Европы, где был сооружен памятник норманну, в данном случае основателю династии и, как думали, государства. По-иному отнеслись к образу Рюрика советские пропагандисты (да и не только они). «Советская историческая наука, — писал один из них в буклете „Памятник тысячелетию России“ (Новгород, 1965 г.), — установила возникновение государства восточных славян без вмешательства пришельцев из других стран и отменила норманнскую теорию, созданную в XVIII в. официальной историографией».

История русского народа, думаю, не примет этих строк. Россию всегда отличали живительные связи со всем миром, в том числе и Скандинавией. Русско-норманнские контакты в период создания государства обогатили технику и культуру обеих стран, ускорили их развитие. Варяги принесли на Русь лучшее оружие, совершенные корабли, свои украшения, приемы пешего боя, способствовали организации евразийской торговли. От славян и других восточноевропейских народов они получили меха, невольников, мед, воск, зерно, восприняли приемы кавалерийского боя и восточное оружие, приобщились к строительству городов. Скандинавы, славяне и финны обогатили себя арабским серебром, хлынувшим на европейские рынки по великим водным

honey, uax, grain, they learnt the methods of mounted fight, and oriental arms, they began to build towns. Scandinavians, Slavs and Finns enriched themselves with Arabic silver, that appeared in European market through the great waterways from «Varangians into Greeks» and from «Varangians to Arabs».

The figures cast on Rurik's shield «the year 862», however relative they might be, present an important mark in the life of Rus' and Scandinavia. At that time the people of those countries came out together to the arena of European history. The year of 862 is worth being accepted as a national date, without feeling ashamed of the fact that it was imprinted on the shield of a Norse newcomer. The «Legend on Varangian Vocation» that preserved the precious moment of historic truth a stimulus to accept such a decision.

путям из «варяг в греки» и из «варяг в арабы».

Цифры, отлитые на щите Рюрика — «862 год», при всей их условности, — крупная веха в жизни Руси и Скандинавии. Тогда народы этих стран вышли вместе на арену европейской истории. 862 год достойно признать в качестве государственной даты, не стыдясь того, что она запечатлена на щите норманнского пришельца. Побуждает к этому и «Сказание о призвании варягов», сохранившее драгоценные моменты исторической истины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Очерки по истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. Ч. 1. М., 1953. С. 76.

² *Varangian Problems*. Copenhagen, 1970. P. 174—175.

³ Любопытно, что в Новгородской первой летописи приведены выражения, в определенной мере соответствующие расшифровке неясных для летописца древнешведских слов: «избирались три брата с родами своими и взяли с собой многую дружину». Однако в том же тексте поименно указаны два брата Синеус и Трувор. Возможно, что в данном случае оказались совмещенными по меньшей мере две одновременные версии «Сказания», выполненные Нестором и его предшественником, работавшим в середине XI в.

³ It is interesting that in the first Novgorod Chronicle the expressions to some extent corresponding the decoding of some not clear for the chronicler Old Swedish words are given: «three brothers with their kins were selected and they took many warriors with them». But in the same text the name of the two brothers Sineus and Truvor were mentioned. Probably, in this case, at least two versions of the «Legend» written at different time were combined. They were made by Nestor and his predecessor who worked in the middle of the XI century.

⁴ XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1993. С. 106.

⁵ *Татищев В. Н. История Российская*. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 110.

⁶ *Noonah T. S. The Vikings in the East: Coins and Commerce*. Birka Studies, 3. Stockholm, 1994. P. 226—227.

ЛИТЕРАТУРА

- Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 2.
 Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1.
 Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1862. Т. 9, ч. 1.
 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
 Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1.
 Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1; М.; Л., 1963. Т. 2.
 Беляев Н. Т. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum*. III. Prague, 1929.
 Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973.
 Касиков Х., Касиков А. Еще раз о Рюрике Новгородском и Рюрике Датчанине // Скандинавский сборник. 33. Таллин, 1990.
 Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
 Кирпичников А. Н. К образованию Русского государства // К 1125-летию Изборска: Тезисы докладов. Изборск, 1987.
 Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1.
 Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986.
 Крузе Ф. О происхождении Рюрика // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1836, январь. Ч. 9.
 Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.
 Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
 Ловмянский Г. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. 7. Таллин, 1963.
 Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1989 год, М., 1991.
 Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель // Вопросы истории. 1991. № 2—3.
 Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
 Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.
 Рызевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге в древнесверной литературе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры Л., 1945. Вып. 11.
 Седов В. В. Роль скандинавов в начальной истории древнейших городов Руси // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы. М., 1993.
 Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6.
 Шаскольский И. П. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965.
 Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904.
 Arbman H. Svear i österviking. Stockholm, 1955.
 Kirpitnikov A. N. Det gamle Ladoga // *Skalk*. Højbjerg, 1988. 3. Vikingernes Rusland. Roskilde, 1993.
 Noonah T. S. The Vikings in the East: Coins and Commerce // *The Twelfth Viking Congress*. Birka Studies [3]. Stockholm, 1994.
 Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953.

Е. Н. Носов

ПЕРВЫЕ СКАНДИНАВЫ В СЕВЕРНОЙ РУСИ

Традиционно считается, что эпоха викингов — один из самых ярких периодов скандинавской истории начинается с грабительских набегов скандинавов в конце VIII в. на монастыри побережья Англии и появления в западных источниках первых письменных свидетельств о Скандинавии. Однако походы викингов, какое бы им значение ни придавать, исторически явились лишь внешним проявлением структурных изменений в скандинавском обществе. Скандинавия вступила в новую фазу социально-политической и экономической истории по крайней мере на столетие раньше конца VIII в., что было отмечено возникновением первых городов, развитием ремесел, дальних торговых связей, широким распространением скандинавской культуры.

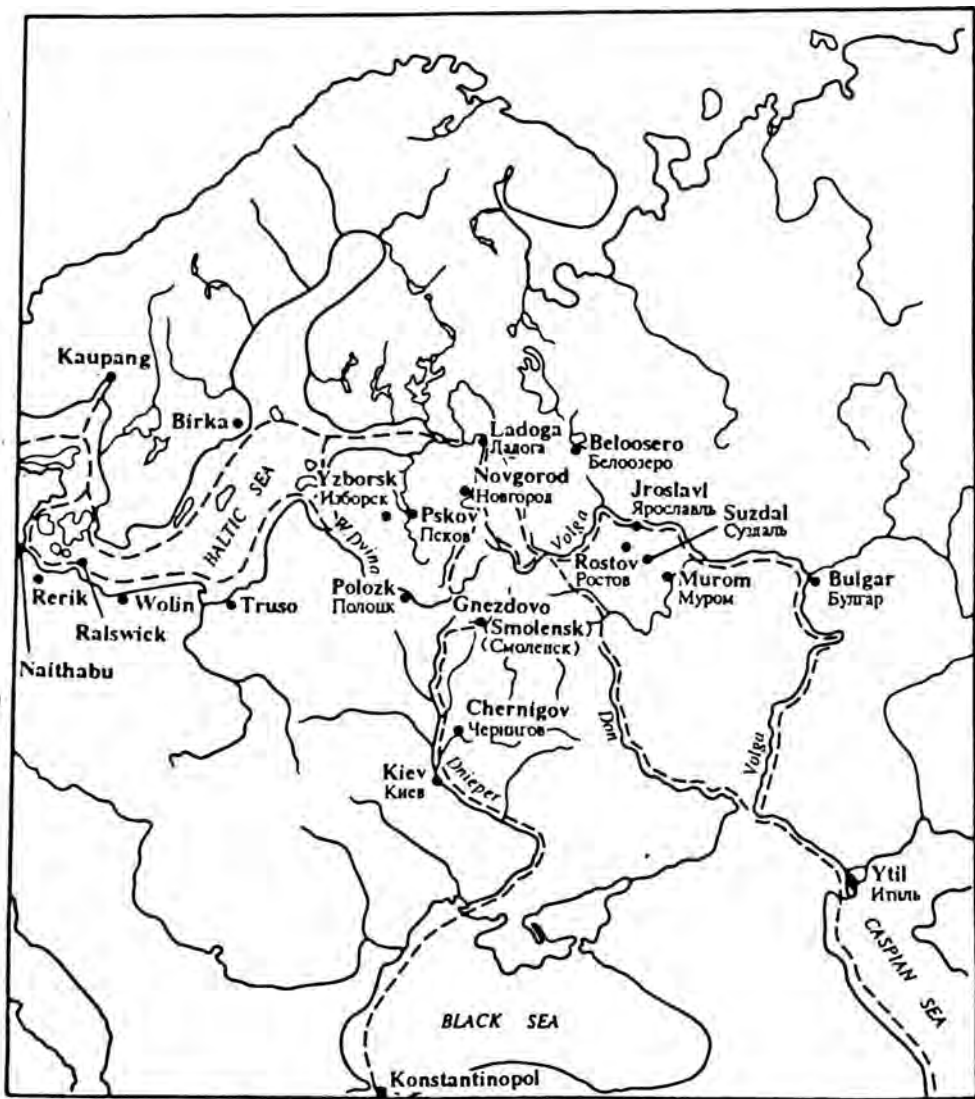
Одной из областей проникновения викингов явились территории Восточной Европы. Во второй половине I тыс. н. э. эти земли представляли собой далекие окраины европейских культур, находившиеся в стороне от каких-либо влияний римского мира. Занятые непроходимыми и тянущимися на десятки километров лесами и болотами, с редким финским и балтским

E. N. Nosov

THE FIRST SCANDINAVIANS IN NORTHERN RUS'

It is customary to think that the Viking Age, one of the brightest periods of Scandinavian history starts with predatory Scandinavian raids at the end of the 7 century to the monasteries at the English seashore and with the first written evidence of Scandinavia that appeared in the West. But the Vikings trips, however important they might seem, historically were a mere external manifestation of the structural changes in the Scandinavian society. Scandinavia entered a new phase of social, political and economic history at least a century before the end of the 8 century, which was marked with the origin of new cities, development of crafts, long distance commercial relations, wide spread of Scandinavian culture.

One of the regions where the Vikings appeared was the territory of Eastern Europe. In the second part of the I millennium AD these lands presented far off regions of European cultures, situated away from any influence of the Roman world. Covered with dense and stretching for dozens of kilometres wood and marshes, with scarce Finnish and Baltic population along the rivers and lakes' banks, they did not seem to be of any interest for the overseas newcomers in comparison with the rich Christian

Торговые пути VIII—X вв.: балтийско-каспийский и балтийско-причерноморский.

The trade routes of the 8—10 c.c.: the Baltic-Caspian and the Baltic-Black sea ones.

населением по берегам рек и озер, они, казалось бы, не представляли собой интереса для находников из-за моря в сравнении с богатыми христианскими монастырями, храмами и городами Западной Европы. В связи с этим неизбежно встает вопрос о побудительных мотивах скандинавского движения на восток.

Отвечая на него, следует иметь в виду два общих обстоятельства. Прежде всего, интерес скандинавов к восточным землям невозможно рассматривать без учета славянского расселения в Восточной Европе. Дело в том, что во второй половине I тыс. н. э. начинается славянское продвижение из региона Карпат и прилегающих областей в различных направлениях, в том числе на восток и северо-восток, на земли, прежде занятые балтами и финнами. В процессе этого расселения на новых местах формируются новые сгустки земледельческого населения, возникают локальные центры различной иерархии, среди которых и поселения городского типа. Как центральноевропейский народ славяне несли с собой устойчивые навыки земледельческого хозяйства и более развитые формы социальной организации общества в сравнении с автохтонным населением лесной зоны Восточной Европы. К VIII в. самая северная славянская группировка достигла оз. Ильмень и, оказавшись в окружении иноэтничных народов, стала именоваться общеродовым славянским именем — словене. Вторжение славян нарушило традиционный уклад жизни населения лесной зоны. По археологическим данным отчетливо прослеживаются существенные изменения в материальной культуре народов, формирование различных культурных групп и появление новых типов древних погребальных памятников.

monasteries, temples and towns of Western Europe. In connection with this the question about the motives of Scandinavian movement to the East arises.

Answering it, two general circumstances should be kept in mind. First of all, it is impossible to consider the Scandinavian interest towards Eastern lands without taking into consideration the way the Slavs settled in eastern Europe. The matter is that in the second part of the I millennium AD the Slavs started their movement from the region of the Carpathians and the adjoining regions in different directions, including the East and the North East, to the land occupied previously by the Balts and the Finns. In the process of that settling out in new places, new clusters of agricultural population are being formed, new local centres of various hierarchy appear among which there are settlements of a town type. Belonging to the population of central Europe, the Slavs carried along stable habits of agricultural household and a more developed forms of the society social organisation if compared with the autochthonic population of the wood zone of Eastern Europe. By the VIII century the most Northern group of the Slavs reached Lake Il'men', and, finding itself surrounded by inethnic people, they began to call themselves with the Slav name common to all kins — the Slovenes. The invasion of the Slavs broke the traditional mode of life of the wood zone population. The archaeological facts give a vivid picture of the important changes in the artefacts of people, the formation of different cultural groups and the origin of new types of ancient burial monuments.

Apart from the Slav colonisation, the second factor that played an important role in the history of the Northern part of Eastern Europe was the fact that one of the biggest trade and military routes of the Middle ages — the Baltic and Volga route

Помимо славянской колонизации вторым фактором, сыгравшим огромную роль в истории северной части Восточной Европы, явилось прохождение по этим районам одного из крупнейших торговых и военных путей средневековья — балтийско-волжского пути. В конце I тыс. н. э. торговля со странами исламского Востока была единственным источником поступления серебра в Восточную Европу. Часть его оседала здесь, другая же по водным путям попадала в страны Балтики. Началу торговли восточным серебром (не позже 70—80-х гг. VIII в.) способствовал целый ряд обстоятельств: потребность в металле экономики славян, вошедших в ходе расселения по Восточной Европе в контакт с населением Хазарского каганата, подъем экономики и интенсивная чеканка монеты в Багдадском халифате, мирные отношения, установившиеся между Хазарией и арабами.

Серебро поступало на Русь двумя основными путями — по Волге и по Дону. Через Волго-Окское междуречье оно попадало в верховья Волги, откуда главный поток серебряной монеты периода его массового ввоза из стран Востока (IX—70-е гг. X в.) направлялся по рекам ильменского бассейна (Мсте или Поле) к истоку р. Волхов. Основные торговые маршруты и расположенные на них главные центры отчетливо высвечиваются цепочками и скоплениями кладов восточных монет, отложившихся в конце I тыс. н. э. Серебро широко использовалось населением Приильменя, а часть его уходила по Волхову на Балтику. На всей территории Северной Руси по концентрации серебра явно выделяются два района — низовья и верховья Волхова, совершенно однозначно маркирующие расположение двух главных центров Новгородской земли — Ладogi и Нов-

lay across these regions. At the end of the I millennium AD the commerce with Islamic Oriental countries was the only source of silver coming to Eastern Europe. A part of it remained here, the other part by water ways got into the Baltic countries. A number of circumstances promoted the beginning of oriental silver trade (not later than the 70-es—80-es of the VIII c-); the Slav economics needed metal greatly, and the Slavs while settling out in Eastern Europe came into contact with the population of the Khazar Kaganate, the second was the rise of economics and intensive coining in the Bagdad khalifate, and the peaceful relations existing between Khazaria and the Arabs.

Silver came to Russia by two main ways — by the Volga and by the Don. Via the Volga and Oka it came to the upper reaches of the Volga, wherefrom the main stream of coins during the period of their import from Oriental countries (9—th 70-s of the 10 c.) was directed along the rivers of the Il'men' basin (the Mats and the Pola) to the upper reaches of the river Volkhov. The main trade routes and the main centres situated there can be identified by the chains of oriental coins treasures, that were formed at the end of the I millennium AD Silver was widely used by people living in the Il'men' region, a part of it went to the Baltic countries via the Volkhov.

Two regions on the territory of Northern Russia are marked by the concentration of silver. They are the mouth and the upper reaches of the Volkhov, both pointing out the two main centres of the Novgorod land — Ladoga and Novgorod. In Ladoga region 4 treasures of oriental dirchems of the 8—9 centuries were found (there is a supposition there could be 5), in the upper reaches of the Volkhov — 4 treasures of the 9 century, 6 — belonging to the 10

города. В районе Ладоги зафиксировано 4 клада восточных дирхемов VIII—IX вв. (предположительно их могло быть 5), в верховьях Волхова — 4 клада IX в., 6—X в., а датировка еще одного не ясна. В Ладоге в 1892 г. был найден самый ранний из известных сейчас в Восточной Европе кладов арабских монет, с младшей монетой 786 г. (древнейший подобный клад в Западной Европе относится к 783 г.), а в культурном слое ладожского поселения первый дирхем был обнаружен в первом ярусе построек древнейшего горизонта, и время его поступления определяется 50—60-ми гг. VIII в. на основе данных дендрохронологии. Это еще раз убедительно подчеркивает практическую синхронность времени возникновения Ладоги и начала торговли с Востоком.

Ладога и несколько примыкающих к ней поселений являлись яркой, но обособленной группой, выдвинутой далеко на север от основного ядра славянского расселения. В своей основе стремительное возвышение Ладоги во второй половине VIII—IX в. было вызвано ее посреднической ролью в восточной торговле, а также деятельностью, связанной с обслуживанием пути (обмен товаров, ремесло, судостроение, обеспечение безопасности пути, контрольные функции и проч.). Вся экономика Ладоги была ориентирована на ее внешние связи.

На Волхове четко просматривается приуроченность укрепленных поселений к наиболее сложным участкам водного пути — гостинопольским порогам (городище Новые Дубовики), пчевским порогам (городище Городище), раздвоению Волхова на рукава (Холопий городок и Рюриково городище). В истоке Волхова роль, близкую Ладоге, играло типологически сходное с ней поселение — Рюриково городище, ко-

century, and one more, the dating of which is not quite clear. In 1892 the earliest of all known in Eastern Europe treasures of Arabic coins was found, with the younger coin belonging to 786 the oldest treasure of such kind on Western Europe belongs to 783), and in the cultural layer of a Ladoga settlement the first dirkhem was found in the first tier of the structures of the oldest horizon and it is dated by the 50—60 of the 8 century. The dating is based on the dendrochronological facts. This fact emphasises the fact that the origin of Ladoga and the beginning of trade with oriental countries were practically simultaneous.

Ladoga and several adjoining settlements presented a bright but rather a separated group situated far North as compared to the main body of the Slav settlements. The extremely quick rise of Ladoga in the second part of the 8—9 centuries was caused by its intermediary role in oriental trade as well as by its activity connected with the service of the route (the exchange of goods, crafts, shipbuilding, control of security along the way, and other controlling functions). All economics of Ladoga was centred around its external relations.

It is easy to see that the fortified settlements on the Volkhov are located near the most difficult parts of the waterway near the Gostinopolskiye rapids (the settlements of Novye Duboviki), near the Pchevskiye rapids (the settlement of Gorodische), where the Volkhov splits into two arms (the settlements of Kholopy and Rurikovo). In the upper reaches of the Volkhov another settlement, typologically very similar to Ladoga played the same role. It was the Rurikovo Gorodische, the appeared at least in the middle of the 9 century and that was the oldest part of Novgorod, the capital of Northern Rus'.

The Scandinavians appeared in Lake Ladoga before the Viking Age.

торое возникло по крайней мере в середине IX в. и являлось древнейшим ядром Новгорода, столицы Северной Руси.

Скандинавы появлялись в Ладожском озере еще до эпохи викингов. Однако, как только поток серебряной монеты хлынул в Восточную Европу, они, стремясь овладеть им, стали проникать в глубь территории по основным водным магистралям. Эта активность на торговых путях, желание поставить их и связанные с ними рынки серебра и пушнины под свой контроль и являются основным побудительным мотивом скандинавской деятельности на Востоке на начальной стадии появления викингов здесь. Этим скандинавские устремления на Западе и на Востоке значительно различались. На Востоке среди лесов и болот грабить было почти нечего, для того чтобы разбогатеть, надо было принимать участие в посреднической, торговой и контрольной деятельности, а для того чтобы это увенчалось успехом, следовало интегрироваться в состав местного общества. Возможно, не случайно, что сам процесс движения скандинавов на Восток начался раньше, чем собственно эпоха викингов, если под ней понимать эпоху военных нападений, потрясших западноевропейское христианское общество.

Важнейшим товаром, шедшим в обмен на серебро, была пушнина. На поволжские и хазарские рынки ее отнюдь не обязательно было везти из Скандинавии, гораздо рациональнее было получить шкурки в лесах Восточной Европы, участвуя в разного рода посреднических операциях и сборе даней. По материалам археологии мы знаем, что в бассейне Верхней Волги появились поселения, специализировавшиеся на добыче пушнины. Так, на весьском поселении Крутик, относящемся ко вто-

But the moment the stream of silver coins flooded Eastern Europe, they, trying to get hold of it, began to move to the middle of the territory along the main water ways. This activity on trade ways, the desire to take them connected with them silver and fur markets under their control were the main motives for Scandinavian activity in the east at the initial stage of the Viking coming there. The aims of Scandinavians in the West and the East were greatly different. In the east among the woods and marshes, there was nothing to rob, in order to become rich it was necessary to take part in intermediate, trade and controlling activity, and in order to succeed in such activity, it was necessary to get integrated into the local society. Probably, it is no chance that the process of Scandinavian movement to the East began before the Viking Age; if the Viking Age means the time of military attacks that shook the Western European Christian society.

The most important thing exchange for silver was fur. It was not necessary to take it to the Volga and Khazar market from Scandinavia, it was much more easy to get the skins from the works of Eastern Europe participating in various intermediary operations and in collecting tribute. From archaeology we know that in the Upper Volga basin settlements specialising in hunting appeared. Thus, in the Ves' settlement called Krutic, situated in the Sheksna basin and founded in the second half of the 9—10 centuries, the bones of wild animals with regard to the bones of domestic animals made 66,3%, among them 78% was beaver bones. It means that the population of the settlement was engaged in hunting as besides beaver bones, the bones of martens, squirrels, foxes and hares were found. The inhabitants of the settlement were actively engaged into commerce: oriental coins, scales, small weights were

рой половине IX—X в. и расположенном в бассейне р. Шексны, кости диких животных по отношению к костям домашних составляли 66,3%, а среди них 78% принадлежало костям бобра. Это однозначно свидетельствует о специализации населения поселка на пушной охоте, ведь кроме бобра зафиксированы кости куниц, белок, лисиц, зайцев. Жители поселения были активно вовлечены в торговлю: найдены восточные монеты, весы, гирьки, а то, что здесь обнаружен целый ряд предметов скандинавских типов (бронзовый наконечник ножен меча, украшенный орнаментом в стиле Борре, длинная игла от кольцевидной фибулы, обломок железной шейной гривны и др.), однозначно указывает на посещение этих глухих мест варягами.

В Восточной Европе скандинавы столкнулись со славянским колонизационным потоком. Здесь славяне и скандинавы вступили в многообразные формы экономических и социальных отношений на фоне обширного финского мира. В этом, если так можно выразиться, интернациональном котле и завязалась русская государственность, возникли первые города, сложилась основа Северной Руси.

В истории славяно-скандинавских взаимоотношений особое место принадлежит землям вдоль Волхова, откуда началось проникновение скандинавов в глубь территории Восточной Европы и где они впервые вступили в тесные контакты со славянским миром. Особую роль в этом играли два городских центра на Волхове, расположенные, соответственно, в низовьях и в верховьях реки, — Ладога и Рюриково городище (Новгород).

Ладога является пунктом, где известны самые ранние на территории Древней Руси скандинавские находки. Они обнаружены в слоях поселения,

found there. As for a number of objects of Scandinavian type found there (a bronze top for the sword sheath, decorated with an ornament in Borre style, a long needle from a ring-shaped fibula, a part of an iron neck decoration — the grivna and others) they prove the fact that the Varangians visited those remote places.

In Eastern Europe Scandinavians met the Slav colonisation stream. Here the Slavs and Scandinavians joined various forms of economic and social relations on the background of a vast Finnic world. It is this, if it is possible to say so, international copper the Russian state originated, the first towns appeared, the foundation of Northern Rus' was formed.

In the history of the Slav and Scandinavian relations the lands along the Volkhov occupy a special place. From this place the Scandinavian began to penetrate into the territory of Eastern Europe, where they had first close contacts with the Slav world. Two towns on the Volkhov were extremely important in this connection. They were situated in the upper reaches and in the mouth of the river and called respectively Ladoga and Rurikovo Gorodische (Novgorod).

Ladoga is the place where the earliest Scandinavian objects were found on the territory of Ancient Rus'. They are found in all the layers of the settlement, starting with the oldest, referring to the 750-s. Among the finds there is an oval fibula a fragment of an iron neck grivna made of four-angular wire, ring-shaped plaques, a wooden stick and a bronze plate with runic inscriptions, as well as objects unique for the whole Scandinavian world, like bone draughts, a bronze needle case and others. Convincing proofs were obtained that a number of objects of Scandinavian or Baltic design were made in Ladoga settlement by local craftsmen. During the excavations combs of Friesian

Вид с Рюрикава городища на исток Волхова. Справа — Юрьев монастырь, слева вдалеке — святилищ Перынь.

The view from the Rurik gorodische to the source of the Volkhov. On the right — the Yuriev monastery, on the far left — the Peryn' sanctuary.

начиная с самых древних, относящихся к 750-м гг. Среди находок овальная фибула, обломок железной шейной гривны из четырехугольной проволоки, колесовидные бляшки, деревянная палочка и бронзовая пластинка с руническими надписями — предметы уникальные для всего скандинавского мира, игральные костяные шашки, бронзовый игольник, аналогичный находкам из Швеции, и др. Были получены убедительные свидетельства того, что ряд категорий вещей скандинавского или общевалтийского круга древностей производился непосредственно на ладожском поселении местными ремесленниками. При раскопках

and Scandinavian types were found as well as billets for them. The researchers came to the conclusion that those complicated in technique of their production combs in rather small quantities were made in the 7—9 centuries in Ladoga itself, most probably by Scandinavian or Friesian craftsmen passing by that settlement. Since the middle of the 8 century the production of steel lancet-like arrows usually considered Scandinavian by their origin is fixed.

In the oldest archaeological horizon in Ladoga a unique blacksmith's and jewellery complex was found. It included the forge, a metal workshop, and a jewellery furnace. There was found as well

неоднократно были встречены гребни фризско-скандинавского типа, а также их заготовки. Исследователи пришли к выводу, что эти сложные по технике изготовления гребни в небольшом количестве изготовлялись в VIII—IX вв. в самой Ладоге, очевидно, приезжими, скандинавскими или фризскими мастерами. С середины VIII в. фиксируется местное производство стальных ланцетовидных стрел, обычно считающихся скандинавскими по своему происхождению.

В древнейшем горизонте Ладоги был открыт уникальный кузнечно-ювелирный комплекс, включающий кузницу, кузнечно-слесарную мастерскую и ювелирный горн. В нем найден клад инструментов, состоящий из 22 различных предметов, принадлежавших ремесленнику-универсалу, — 7 клещей, ювелирные молоточки, ножницы для резки металла, миниатюрная наковальня, сверла, волочило (гвоздильня) и др. Клад ближайший ладожскому по составу, назначению, деталям и формам входящих в него орудий происходит с о. Готланд из Местермюра и датируется X в. Е. А. Рябинин, раскопавший ладожский ремесленный комплекс, связывает его с ремесленниками — выходцами из Скандинавии, поскольку использовавшиеся мастерами технологии были еще не известны у славянского и финского населения того времени.

Напротив ладожского поселения, на низком правом берегу Волхова, раскопан обособленный от других погребальных памятников Ладоги скандинавский могильник в урочище Плакун, относящийся к IX—X вв. Он насчитывал около двадцати низких насыпей и содержал погребения по обряду кремации в ладьях, а также захоронение в погребальной камере. Захоронения в ладьях в конце I тыс. н. э. являлись ха-

a treasure containing instruments consisting of 22 objects that once belonged to a craftsman, there were 7 pincers, jewellery hammers, scissors to cut metal, a minute tiny anvil, drills, a wire drawer and others. The buried treasure most close to the Ladoga one by the objects found there, their purpose, details and shape comes from the island of Gotland from Mestermura and is dated by the 10 century. E. A. Ryabinin, who dug the Ladoga craftsmen complex, connects it with craftsmen who came from Scandinavia, as the technologies used by the craftsmen were unknown to the Slav and Finnic population of that period.

Opposite the Ladoga settlement, on the low right bank of the Volkhov a Scandinavian burial mound was excavated in the Plakun settlement. It refers to the 9—10 centuries and stands apart from other burial mounds of Ladoga. About twenty low mounds could be found there and it contained burials performed upon the rite of cremation in boats as well as burials in the burial chamber. It was characteristic of Scandinavian people to bury in boat at the end of the first millennium AD. The Slavs, Finns, the Baltic people and other people of Eastern Europe did not know that rite. Something analogous to that burial mound can be found in the burial mound of Jutland, especially in its Southern part. In one of the burial mounds a sword piercing the foundation of the kurgan mound was found, presenting a typical feature of Scandinavian burial ritual. The facts that there was a separate cemetery in Plakun settlement is the evidence of separation of a number of Scandinavians from Ladoga from other citizens. The each burial mound excavated near the Climent church in Ladoga and dated by the 11—12 centuries, gives a very interesting material for anthropological analysis. This is the only significant Scandinavian series in the

рактёрными именно для скандинавского населения и не были известны у славян, финнов, балтов и других народов Восточной Европы. Интересно, что ближайшие аналогии камерному плакунскому погребению представлены в могильниках Ютландии, особенно ее южной части. В одном из захоронений отмечена и такая характерная черта скандинавской погребальной обрядности, как втыкание меча в основание курганной насыпи. Существование отдельного кладбища в урочище Плакун свидетельствует об обособленности части ладожских скандинавов от иных групп ее жителей. Крайне интересные материалы дал антропологический анализ погребенных из грунтового могильника, раскопанного у церкви Климента в Ладогe и датированного XI—XII вв. Это единственная на Северо-Западе значительная скандинавская серия. Подавляющее большинство захоронений в могильнике (90%) содержало останки взрослых мужчин, но есть также женщины, подростки и дети, что говорит о том, что кладбище принадлежало группе, проживавшей в Ладогe постоянно (всего определено 39 мужских и 5 женских черепов). Наибольшее сходство климентовской серии наблюдается с сериями черепов из Швеции, Британии и Исландии. Любопытно, что по материалам данного могильника, учитывая хронологию отдельных захоронений, намечается некоторое постепенное размывание германских черт в этой группе ладожан, очевидно, в результате смешения с местным населением, проявившегося уже в первом—втором поколении.

Если подвести некоторые итоги сказанному, то можно констатировать, что археологические материалы дают убедительную картину присутствия выходцев из Скандинавии среди населения Ладогe уже с самых первых этапов

North-West. The majority of burials in the mound (90%) contained the remains of grown-up men, but there are women, teenagers and children as well, which proves that the cemetery belonged to a group of people living constantly in Ladoga (all in all there were 39 male skulls and 5 female skulls). The Kliment'sk series shows much likeness with the series of skulls from Sweden, Britain and Iceland. It is interesting to note that the data obtained from this burial mound reveals certain gradual distortion of Germanic features in this group of Ladogians, especially if we consider the chronology of in some burials taken separately. This could be probably resultant from assimilation with the local population and became evident already in the first and second generations.

While summarising what has already been said we can state that the archaeological data provides convincing justification of the Scandinavian presence among the population of Ladoga starting from the initial stages of its existence. Those Scandinavians were not only men, but also women, not only warriors and traders but as well craftsmen. They lived in Ladoga in the 11-th and the 12-th centuries also when their gradual assimilation with the local population is being traced judging by anthropological data. This situation very well complies with the records of ancient Ladoga which can be derived from written sources like Russian chronicles and ancient Russian literature.

I would like to note that the well-known «Legend on the Varangians' Vocation» keeps it in one of its versions that Rurik was originally placed in Ladoga where he came to with his men-at-arms. It has been, however, proved by contemporary science that the «legend» was formed in a relatively late period and bears certain artistic character in uniting local Northern Russian legends and the

ее существования. Среди них были не только мужчины, но и женщины, не только воины и торговцы, но и ремесленники. Скандинавы жили в Ладоге и в XI—XII вв., когда по материалам антропологии прослеживается их постепенное смешение с местным населением. Эта картина вполне согласуется с теми данными о древней Ладоге, которые мы имеем по письменным источникам — русским летописям и древнесеверной литературе.

Напомню, что известное «Сказание о призвании варягов» в одном из своих вариантов помещает Рюрика первоначально в Ладоге, куда он приходит со своей дружиной. В современной науке доказано, что «Сказание» сложилось сравнительно поздно и носит искусственный характер, объединяя в себе местные северорусские легенды и широко распространенный на берегах Балтики фольклорный сюжет о приходе трех братьев из-за моря. Тем не менее исследователи признают, что за «Сказанием» стоят определенные исторические реалии и события, отражающие сложный характер взаимоотношений варягов со славянскими и финскими племенами и главенствующую роль Ладоги на начальном этапе контактов скандинавов и населения Восточной Европы. Учитывая ключевую роль Ладоги на балтийско-волжском пути, вполне логично предположить размещение именно здесь приглашенных из-за моря скандинавов.

Первое достоверное известие о Ладоге в древнесеверной литературе сообщает о нападении на нее в 997 г. норвежского ярла Эйрика, сына Хакона. Эйрик, после гибели своего отца в борьбе с норвежским королем Олафом, сыном Трюгви, в 995 г. вместе со своим младшим братом Свейном и целой группой родичей и дружинников бежал в Швецию, откуда совершил ряд похо-

widely spread Baltic folklore plot about the coming of the three brothers from overseas. Still scholars admit that the «legend» is backed up with certain historical realities and events reflecting the complicated relations of the Varangians with the Slav and Finnish tribes and also the predominant role of Ladoga in the initial period of relation-establishment between the Scandinavians and Western Europeans. Considering the key-role of Ladoga on the Volga-Baltic Route it would not be unwise to imagine the placement and settlement of the Scandinavians invited from the overseas particularly on these lands.

The first record of Ladoga in the ancient Russian literature gives information about its attack in the year 997 by the Norwegian prince Eiric, son of Hakon. After the death of his father in the struggle against Norwegian king Olaf, son of Truggve, in 995 Eiric together with his younger brother Svein and a whole number of their kinsmen and men-of-arms fled to Sweden, wherefrom he made several raids and during one of which he destroyed Aldeygjuborg (the Scandinavian name for Ladoga). Svein made a new raid on the eastern lands in 1016 where one of his main targets was Ladoga again. The Northern records state that Ingigerd, a Swedish princess, daughter of Olaf of Sweden, was married to the Russian prince Jaroslav Mudriy (Jaroslav the wise) in 1020 (although she had been engaged with Olaf of Norway). She got Ladoga as her wedding gift probably owing to the traditional links it had with Scandinavia and owing to its key position on the route from the North to Rus'. Prince Rognvald, Ingegerd's kinsman and the one married to the sister of Norwegian konung Olaf, son of Truggvi, became the ruler of Ladoga. After Rognvald's death his son, prince Eilief, under whom many Normans lived in the town, became the ruler. These

дов, в том числе разрушил Альдейгьюборг (скандинавское название Ладоги). В 1016 г. Свейн совершил новый набег на восточные земли, и, как полагают исследователи, одним из объектов его нападения опять же была Ладога. Согласно северным источникам, в 1020 г. шведская принцесса Ингигерд, дочь Олафа Шведского, была выдана замуж за русского князя Ярослава Мудрого (хотя первоначально была обручена с Олафом Норвежским). В качестве свадебного дара она получила Ладогу, видимо, учитывая традиционные связи этого города со Скандинавией и его ключевое положение на пути с севера на Русь. Родич Ингигерд — ярл Рогнвальд, женатый на сестре норвежского конунга Олафа, сына Трюггви, стал правителем Ладоги. После смерти Рогнвальда правление перешло к его сыну, ярлу Эйлифу, при котором в городе также находилось много норманнов. Это только некоторые сведения о роли Ладоги в тесных и многообразных отношениях Руси и Скандинавии, но и они показывают, сколь важно изучение сведений, связанных с Ладогой, для полноценного освещения древней истории Руси и Скандинавских стран.

Вторым пунктом на Волхове, имеющим большое значение для изучения русско-скандинавских отношений, является Новгород, расположенный при истоке реки из оз. Ильмень. Это была ключевая точка на географической карте Восточной Европы. Дело в том, что к истоку Волхова сходятся вся обширная водная сеть рек лесной зоны, по которым открываются выходы на юго-восток, на Волгу (по Мсте и Поле), на юг, к Западной Двине и Днепру (по Ловати) и на запад (по Шелони). Район северо-западного побережья оз. Ильмень, так называемое Поозерье, являлся коренной племенной территорией ильменской группы славян, где

are but a few facts about the role of Ladoga in the close and many-sided relations between Rus' and Scandinavia, however, even they bring us to understanding of the importance of learning all the data in connection with Ladoga for the fuller picture of ancient Russian history and that of Scandinavian countries.

Novgorod situated at the place where the Volkhov originates from Lake Il'men' is another landmark on the river bearing major significance for the history studies of Russian and Scandinavian relations. From the geographical point of view it was a key point on the map of Eastern Europe. It turns out to be so because all the vast network of waterways of the forestry area comes together at the upper reaches of the Volkhov. This network allows outlets to the south-east, to the Volga (along Msta and Pole), to the south, in the direction of the Western Dvina and Dnieper (along Lovat') and to the west (along Shelon'). The north-western part of Il'men' coastline, known as Poozerie, has always been the place of origin for the Il'men' group of Slavs where their settlements grew in abundance. Such centre at the upper reaches of the Volkhov allowed to control the main waterways of Eastern Europe, i.e. the Volga-Baltic Route and the route «from the Varangians to the Greeks», the northern outlet to the Baltic Sea via the Volkhov and also to carry on administrative management of the central part of Lake Il'men' coastline, which was impossible to carry out from Ladoga.

The central part of this district is the Gorodische (the Settlement) which is also known from the local historical literature of the beginning of the 19-th century as Rurik Gorodische, a settlement located two kilometres off Novgorod on a spacious island at the origin of the Volkhov from Lake Il'men'. In the 9-th and the 10-th centuries Gorodische was a major craft and trade and also

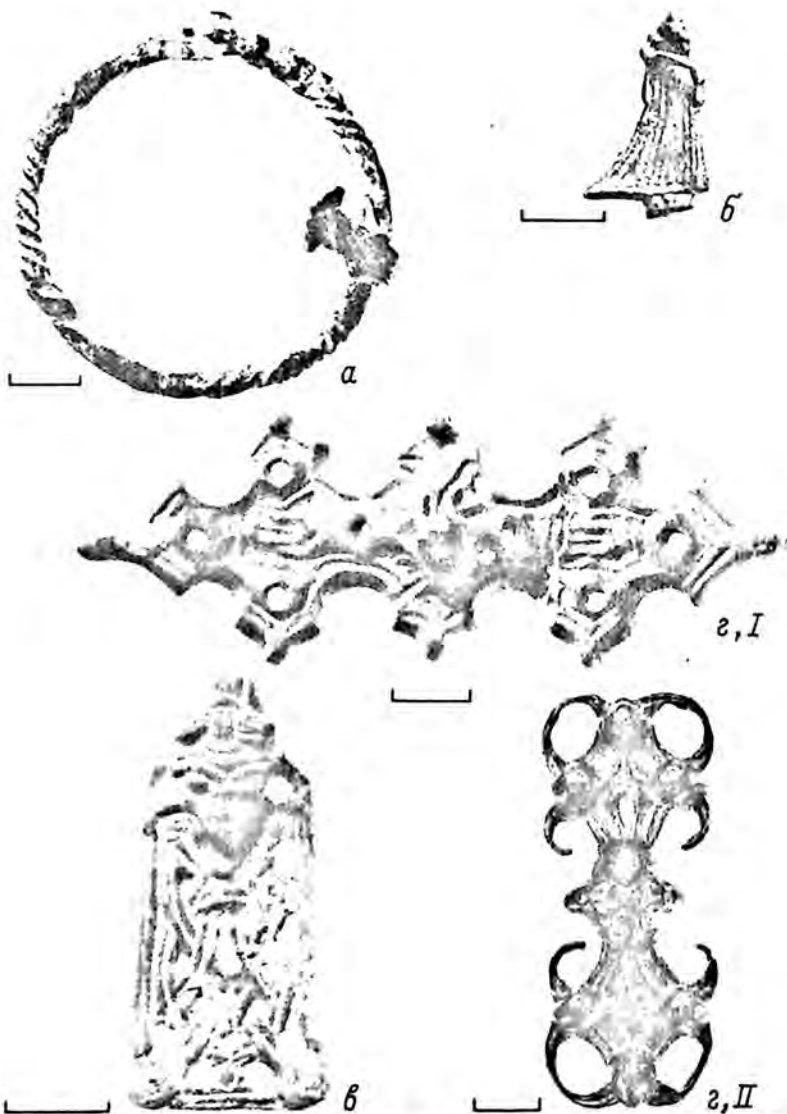
находилось множество сельских поселений. Центр в истоке Волхова, таким образом, позволял контролировать главные водные пути Восточной Европы — балтийско-волжский путь и путь «из варяг в греки», выход на север к Балтийскому морю по Волхову и осуществлять административное управление центральной частью Приильменя, что невозможно было делать из Ладоги.

Главным центром района явилось Городище, или, как его часто называют в историко-краеведческой литературе с начала XIX в., Рюриково городище — поселение, расположенное в 2 км от Новгорода на обширном острове у истока Волхова из оз. Ильмень. В IX—X вв. Городище представляло собой крупное торгово-ремесленное и военно-административное поселение в узловой точке водных путей лесной зоны Восточной Европы. В числе предметов, свидетельствующих о широких международных связях поселка, — восточные и византийские монеты, в их числе 3 клада дирхемов, бусы, греческие орехи, предметы из Скандинавии и других стран. Одним из важнейших видов деятельности жителей было ремесло (бронзолитейное, косторезное и др.).

Оценивая в целом материальную культуру Городища IX—X вв., следует подчеркнуть, что в ней очень сильна «вуаль» североевропейской культуры, что проявляется в наличии отдельных предметов скандинавского происхождения, вещей, сделанных в Приильмене, но сохраняющих в стиле и орнаментике северные традиции, и, наконец, находок без точного этнического адреса, но характерных для разных племен и народов Балтийского региона. Изделия скандинавского происхождения появились на поселении во второй половине IX в., но наибольшее их

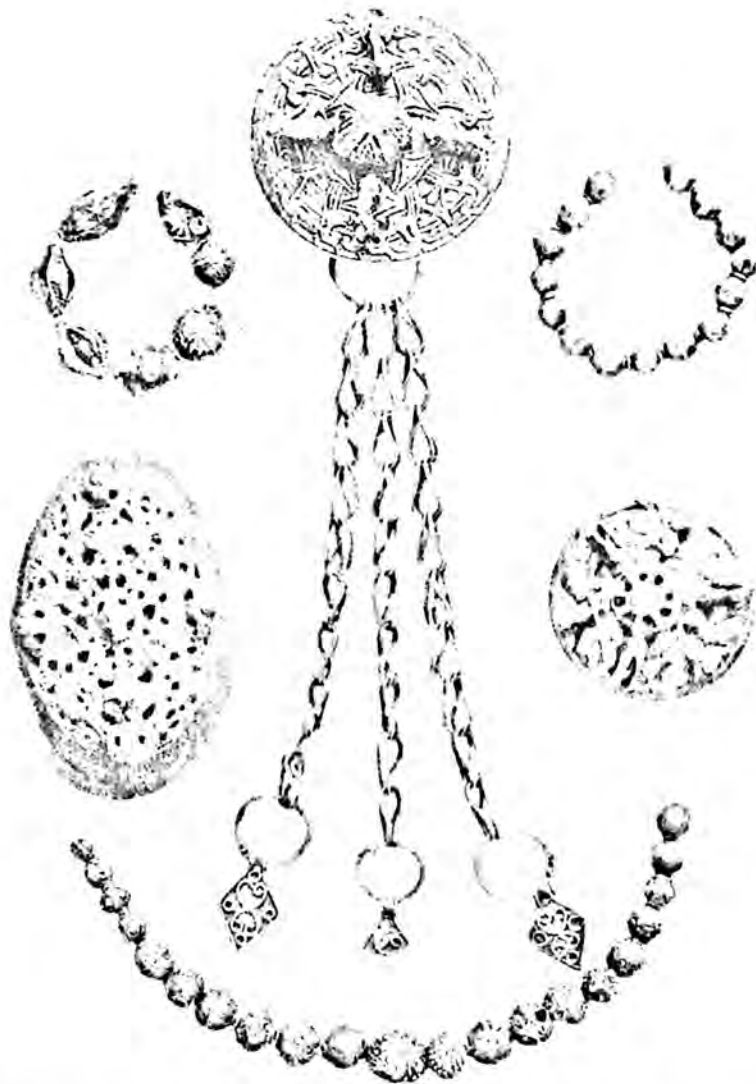
administrative and military settlement located on the main crossways of the forestry area waterways of eastern Europe. Among the objects indicating wide international relations of the settlement there are oriental and Byzantine coins, among them the three hidden treasures of dirhams, beads, walnuts, things from Scandinavia and other countries. Crafts (like bronze casting and bone carving, etc.) were among the main businesses there.

The general outlook on the artefacts of the Gorodische in the 9-th and the 10-th centuries reveals a strong «flavour» of Northern European culture where one can see separate objects of Scandinavian origin, things made in the Il'men' area, preserving the style and decorative patterns of the northern traditions and also some findings, the origin of which is obscure but which are characteristic of different tribes and people of the Baltic area. Scandinavian objects appeared in the settlement in the second half of the 9-th century, however, their major part is attributed to the 10-th century. Some cult objects, like grivnas with «Thor's hammers», pendants, amulets with runic legends, a statuette of «valkyrie» could not reach the Gorodische as objects of trade, but obviously indicate that Scandinavians were living there. The Gorodische was also a centre of craftsmanship where they produced objects similar to ones from Scandinavia, which also justifies for the presence of those who had a feeling for the style of northern decorations. There probably worked Scandinavian craftsmen as well. Separate objects produced at the upper reaches of the Volkhov, also appeared in other regions, along the commercial and military routes, like in Gnezdovo on the Dnieper, which was quite convincingly confirmed by G. F. Korzukhina who produced the analysis of a finding from Rurik

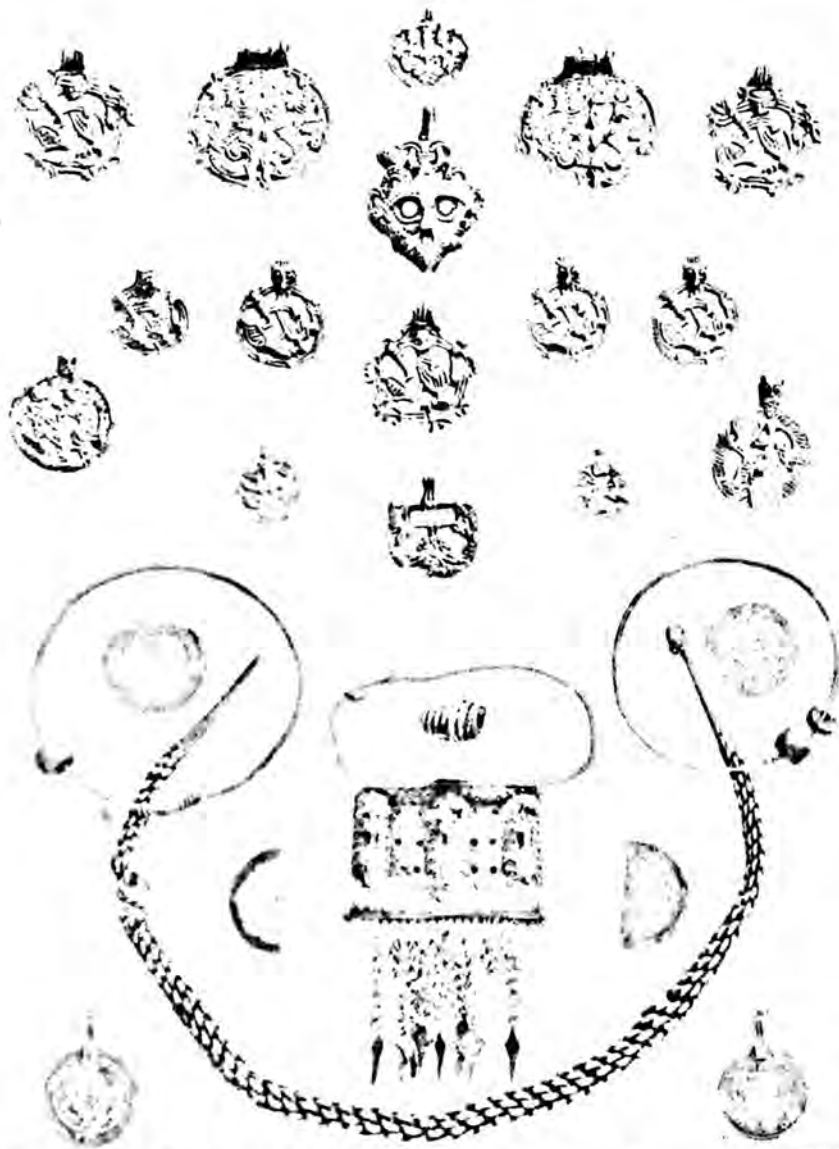
Рюриково городище у Новгорода. Вещи из бронзы и железа: *a* — миниатюрная гривна с молоточком Тора; *b* — фигурка «валькирии»; *c* — накладка от конской узды; *d* — фибулы-застежки. Раскопки Е. Н. Носова.

The Rurik (settlement) (gorodische) near Novgorod. The artefacts of bronze and iron: *a* — a tiny grivna with the Thor hammer; *b* — a figure of «valkyrie»; *c* — a plaque from a horse bridle; *d* — a fibula buckle. Excavations of E. N. Nosov.

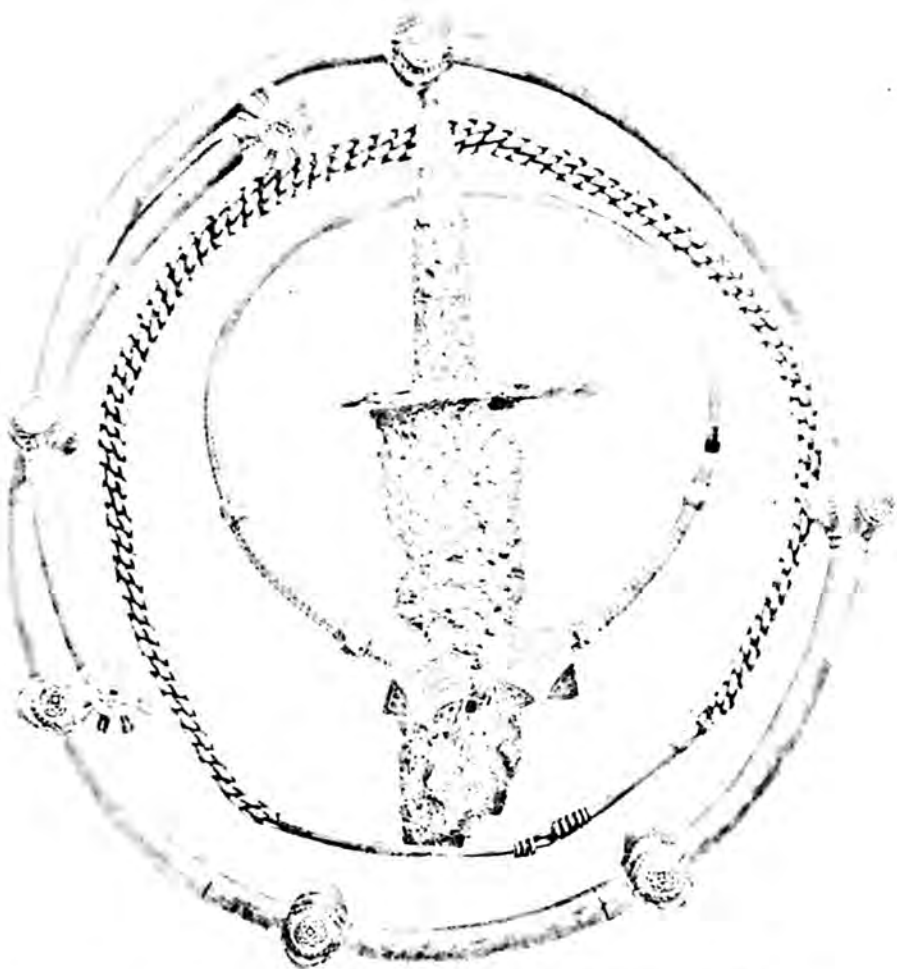
Гнеzdovo. Клад, найденный в 1868 г., датируется X в. Серебряные и бронзовые фибулы-застежки, бусы, цепочки и цепедержатель.

Gnezdovo. A treasure found in 1868 10-th century. Silver and bronze fibula-buckles, beads, chains and a chain holder.

Гнездово. Тот же клад. Серебряные и бронзовые подвески, гривна, монеты, бусы, височные кольца.

Gnezdovo. The same treasure. Silver and bronze pendants, a grivna, coins, beads, temple rings.

Гнездово. Тот же клад. Серебряные гривны и часть железного меча.
Gnezdovo. The same treasure. Silver grivnas and a fragment of an iron sword.

число приходится на X в. Такие культовые предметы, как гривны с «молоточками Тора», кресаловидные подвески, амулеты с руническими надписями, фигурка «валькирии», не могли попасть на Городище как объекты торговли, а свидетельствуют о пребывании на поселении выходцев из Скандинавии. Городище выступает и как ремесленный центр, где широко изготовлялись предметы скандинавского облика, а значит, это еще одно подтверждение присутствия здесь немалого числа людей, для которых был близок стиль северных украшений. Вероятно, среди ремесленников были и мастера скандинавского происхождения. Отдельные предметы, сделанные в истоке Волхова, попадали в другие районы вдоль торгово-военных путей, как, например, в Гнездово на Днепре, что убедительно показала Г. Ф. Корзухина, проанализировав найденную на Рюриковом городище неудачную отливку фибулы в виде животного, пожирающего человека. Фибула близка кругу памятников Скандинавии, но сам тип подобных застежек в самой Скандинавии неизвестен и сформировался уже в Восточной Европе. В целом, сейчас нет сомнений, что в состав постоянных жителей Рюрикова городища в IX—X вв. входили скандинавы, причем как мужчины, так и женщины. По своей сути Городище как торговоремесленное и военно-административное поселение повторяло в несколько ином и более позднем варианте развитие Ладоги, типологически являясь с ней центрами одного порядка. По количеству предметов скандинавского облика, найденных к настоящему времени при раскопках, Рюрикову городище даже превосходит Ладогу. Во время археологических исследований Рюрикова городища в слоях X в. зафиксированы следы работы ювелиров,

Gorodische: It was a failure moulding of a fibula in a form of a beast devouring a man. The shape of the fibula is close to the ones in Scandinavia, but the very type of such fibulas is unknown in Scandinavia and was formed in Eastern Europe. It is on the whole undoubtful at present that among residents of Rurik Gorodische in the 9-th and the 10-th centuries there were Scandinavians, both men and women. In principle the Gorodische both as a craft and trade and also as an administrative and military settlement followed the development of Ladoga, however in a slightly different later version. The number of objects bearing Scandinavian look which have been found during the excavation works in Rurik Gorodische exceed the same in Ladoga remnants of golden jewellery (bits of wound golden threads, of wire, of gold foil) were found in the course of the archaeological research in Rurik Gorodische of the 10-th century layers. Golden objects in the ancient Russian settlements are but rare therefore, their availability in Rurik Gorodische is an important confirmation of the idea that the settlement residents belonged to the highest social class of the ancient Rus', for they served to the satisfaction of the noblest customers.

Whereas Ladoga was a typical urban centre devoid of dense village suburban area around it and standing away from the centre of the Northern Slavs highly populated regions, this settlement at the upper reaches of the Volkhov enjoyed a very advantageous position in the agricultural region. When speaking about the northern Il'men' coastline, including the area of the Volkhov upper reaches and its adjoining Poozerie, a relatively small territory of the north-western part of Il'men' coastline, the scientists have all the reasons to observe that there was no other as spacious territory in Novgorod region that could hold the same density of the

изготавливавших предметы из золота (обрывки перекрученных золотых нитей, кусочки проволоки и фольги). Предметы из золота на поселениях X в. в Древней Руси единичны, а поэтому наличие на Рюриковом городище следов изготовления подобных изделий, служивших для удовлетворения вкуса самых знатных заказчиков, — важнейшее подтверждение принадлежности обитателей поселка к наивысшему социальному слою древнерусского государства.

Однако если Ладога представляла собой яркий, но лишенный плотной сельской округи и обособленный от основного ядра расселения северной группировки славян городской центр, то поселение в истоке Волхова занимало крайне выгодное положение среди земледельческого региона. Касаясь северного Приильменя, включающего район истока Волхова и примыкающее к нему Поозерье, — сравнительно небольшую территорию северо-западного побережья озера, исследователи справедливо отмечают, что другого более обширного массива земли, способного удержать на себе такую же, как и здесь, концентрацию населения, Новгородская земля практически не знала. Именно сюда сходились нити управления Приильмением, и именно поэтому здесь и возникает столица Северной Руси / Новгородской земли, хотя Ладога, как городской центр в VIII—IX вв., очевидно, играла более заметную роль в экономическом развитии Поволжья и, следовательно, на раннем этапе своего развития также обладала столицными функциями. Экономическое и политическое значение Новгорода со второй половины IX в. возрастало постоянно, по мере того как в процессе становления государственности, сложения единой территории Новгородской земли экономика региона все

population. It was from this place that Il'men' coastline territory was ruled and, therefore, the capital of Northern Russia/of Novgorod lands was established there, although Ladoga in its capacity of an urban centre of the 8-th and the 9-th centuries was obviously playing a more remarkable role in the economic development of Povolochovie and, therefore, at the early stages of its development also enjoyed the functions of a capital settlement. The economical and political importance of Novgorod was constantly growing starting from the second half of the 9-th century. This owes to the fact that in the process of establishing the state organisation and territorial unification of Novgorod lands the economy of the region was getting more oriented on the agricultural production of the rural population on Il'men' coastline and its adjacent areas and on providing them with the production of craftsmen rather than on foreign relations and merchant trade, on crafts connected with such trade and profit-making from the control over trade routes. Meanwhile Novgorod was becoming a centre of Christianity for Northern Rus'. It was here next to the upper reaches of the Volkhov that Dobrynya, a voivode of Prince Vladimir, was carrying on the most important religious reform in the ancient Rus' for the purpose of strengthening the state power. In the year 980 he had the statue of Perune put up on the place of the main pagan sanctuary of the Il'men' Slavs right across Rurik Gorodische. When Rus' was adopting Christianity they built the first church of Joachim and Anna, a wooden temple of Sophia and the bishop's court in the area slightly down the Volkhov in the year 988.

Judging by the latest archaeological data obtained from excavation works in Rurik Gorodische and taking into consideration the distinctly revealed character of the correlation between Ladoga

больше начинала опираться не на внешние связи, дальнюю торговлю, связанное с ней ремесло и извлечение выгод из контроля над торговыми путями, а на эксплуатацию сельского земледельческого населения Приильменя и сопредельных районов, а также их снабжение ремесленной продукцией. Это сопровождалось становлением Новгорода и как христианского центра Северной Руси. Здесь, у самого истока Волхова, воевода князя Владимира Добрыня, осуществляя важнейшую реформу религии Древней Руси в целях укрепления государственной власти, на месте главного языческого святилища ильменских славян, напротив Рюрикова городища поставил в 980 г. статую Перуна. Несколько ниже по Волхову в 988 г. при принятии Русью христианства была построена первая церковь Иоакима и Анны, деревянный храм Софии, епископский двор.

В свете новейших археологических материалов, полученных при раскопках Рюрикова городища, учитывая все более четко вырисовывающийся характер соотношения Ладоги и Новгорода в истории Новгородской Руси, события уже упомянутого нами летописного «Сказания о призвании варягов» можно представить достаточно реальными если уж не в своей конкретной, то в общеисторической канве. А она такова, что, согласно вариантам «Повести временных лет» по Радзивилловской и Ипатьевской летописям, Рюрик после короткого пребывания в Ладоге перешел к истоку Волхова. «...и пришел ко Илмерю и сруби городокъ надъ Волховом, и прозва и Новъгород, и сяде ту княжа раздаа волости». Этот вариант «Сказания», дающий Ладоге первенство над Новгородом, как полагала Е. А. Рыдзевская, авторитетный исследователь древних скандинавских письменных источников, едва ли объ-

and Novgorod in the history of Novgorod Rus', the events from the «Legend on the Varangian Vocation» can be deemed rather real against the wide historical background. For instance according to versions of the Radzivalov and Ipatiev chronicles of the Russian Primary Chronicle Rurik after his short stay in Ladoga went to the upper reaches of the Volkhov. «... so he came to Ilmen and put up a town over the Volkhov and he called it Novgorod and had his Princely place and also gave out lands». This version of the «Legend» gives Ladoga priority over Novgorod which could hardly be explained by mere inventing on the part of the author, as E.A.Rydzevskaia, an honoured researcher of ancient Scandinavian written records, points out. It was nowadays become evident that the «Legend», while describing definite events, reveals the historically true correlation between the Volkhov town centres, i.e. the early priority of Ladoga and the later rise of Novgorod.

«The Legend on Varangian Vocation» attributes to Rurik the very foundation of Novgorod (the new Town), a «small town» on the Il'men'. From the topographical point of view the location of Rurik Gorodische at the very upper reaches of the Volkhov with its spacious landscape does very well correspond to the words of the chronicler who described the place where the town was founded. I believe that the city got its name when it was compared to the more ancient Ladoga, and that might have happened in the Rurik times. However the issue of the name does not coincide with the issue of foundation of the first settlement, and there are no sufficient reasons to declare Rurik the founder of the settlement itself. I think that the Slav population had been living in the Il'men' area for some time before Rurik appeared there. The fact that the foreign prince transferred his residence

ясняется простым сочинительством. Сейчас вполне очевидно, что в «Сказании» в форме рассказа о конкретных событиях отражается исторически достоверное по данным археологии соотношение поволховских городских центров — ранний приоритет Ладоги и последующее возвышение Новгорода.

«Сказание о призвании варягов» приписывает Рюрику и само основание Новгорода (Нового города) — «городка» над Ильменем. Топографически местоположение Рюрикова городища у самого истока Волхова, откуда открываются ильменские просторы, вполне соответствует указанию летописца на то, где был заложен город. Полагаю, что само название город в истоке Волхова получил именно в сравнении с более древней Ладогой, и не исключено, что это произошло во времена Рюрика. Однако вопрос о появлении названия не равнозначен вопросу об основании первого поселения, а поэтому нет достаточных оснований утверждать, что именно предводитель скандинавской дружины основал поселение на городищенском холме. Думаю, что славянское население уже прошло часть своего исторического пути в Приильменье, когда здесь появился Рюрик. Только все возрастающей значимостью района истока Волхова, где можно было и контролировать торговые пути к Волге и Днепру, и быть в центре земледельческой области, объясняется сам перенос резиденции заморского князя из Ладоги, как и то, что он всего лишь на каких-то два года, если верить летописи, и задержался там, на окраине славянских земель. Симптоматично, что городок над Ильменем, согласно «Сказанию», получил славянское наименование Нового города, что, думаю, соответствовало вполне определенной местной этнической ситуации. На таком фоне вполне реально и отнюдь не загадочно звучит известная фраза «Повести временных лет» из того

from Ladoga after he had stayed there for only a couple of years, according to the chronicler, can be very well explained by the expanding importance of the area around the upper reaches of the Volkhov wherefrom it was rather easy to control the trade routes to the Volga and Dnieper and which was itself the heart of an agricultural region. It was probably not accidental that the town on the Il'men' got, according to the «legend», a Slav name of a New Town with the view of the definite local ethnic situation. Therefore, the famous phrase from the «legend» and the Russian Primary Chronicle which turned out to be a puzzle for many historians of the ancient Rus' that «those were Novgorodian people of Varangians, who had been Slavs before...» could mean that «Novgorodian people» were deemed Rurik's men-at-arms (and in the wider meaning — Scandinavians in general) whereas the Slavs had been the original settlers of the Gorodische.

While considering the issue of the name of Novgorod (the new Town) we start to face another issue, i.e. of its Scandinavian name. The thing is that in Scandinavian records Novgorod is called not by its Slav name but by the Scandinavian Holmgardr. If Scandinavians had adapted Novgorod to their way of pronouncing the word it would have started to sound something like Nygardr (like they do with some other Russian towns). And that was quite convincingly shown by a famous German historian G.Schram. If it turns out to be so, then the name of Holmgardr is older than the name of Novgorod, and the first Scandinavians who appeared there in the 8th and the beginning of the 9th centuries and went up the Volkhov (when their stays in Ladoga were historically recorded) had not met any settlement with the name of Novgorod on their way. Such approach to this issue is widespread nowadays. On the

же «Сказания», над которой ломали голову многие историки Древней Руси: «ти суть людье ноугородьци от рода варяжска, преже бо беша словени», если под первыми «новгородскими людьми» понимать дружину Рюрика (а шире — скандинавских находников), а под словами — прежних основных обитателей Городища.

Рассматривая вопрос о возникновении топонима Новый город, мы вплотную сталкиваемся с еще одним важным вопросом — о появлении скандинавского названия Новгорода. Дело в том, что в древних скандинавских источниках Новгород именуется не Новгородом, а Хольмгардом (Holmgardr). Если бы скандинавы использовали топоним Новгород в скандинавской огласовке (а так именно воспроизводился ими фонетический облик названий иных русских городов), то это был бы «Нюгардер» (Nygardr), что убедительно показал известный немецкий историк и лингвист Г. Шрамм. Но если все это так, то название Хольмгард — древнее названия Новгорода и первые скандинавы, поднимавшиеся во второй половине VIII—начале IX в. вверх по Волхову, когда следы их пребывания зафиксированы в Ладоге, никакого поселка с названием Новый город не встретили. Подобный подход к постановке проблемы сейчас общепринят. Другое дело, как объяснить появление топонима Хольмгард. По этому поводу высказывались различные суждения.

В принципиальном плане они сводятся к двум возможным путям интерпретации. Первый исходит из того, что Хольмгард (Holmgardr) — это сугубо скандинавское наименование и никакой местной подосновы здесь нет. Тогда Holmgardr может быть и «городом на острове», «островным городом» (от holmr — «остров»), и территорией с

other hand, what can be the explanation for the appearance of Holmgardr? There were various points of view on the issue.

In principle, they all come to the two possible explanations. According to the first one, Holmgardr is a typically Scandinavian name and there is no local background for it at all. In this case Holmgardr can be «a town on the island» or «insular town» (from the «holmr» — island), «a territory with settlements on islands» (from «holmr» — «an island or a hilly area on a swamp or a low meadow» and «gardr» — «a fence, yard, farmstead»), the meaning which eventually transfers to «town» («gorod»). The topography of the upper reaches of the Volkhov complies with both explanations of the name. According to the second one, the Scandinavians who appeared in that area reproduced in Holmgardr some other Russian name which had existed before Novgorod and could sound in Russian as «Kholmgorod», for the topography of the area very well supports this idea and also the chronicles mention the word «Kholm» as the name of the Slavenskiy part of the town. However, there are no simple linguistic proofs in favour of any of the interpretations.

While thinking over the solutions which I attempted to prove in my previous works, I still tend to think that the name of «Holmgardr» belongs to a purely Scandinavian origin. It was very tempting to believe that «a town on an island» or «an insular settlement» (the priority here does not matter) exactly corresponded to the real landscape of the place. The Rurik Gorodische is located on an island surrounded by the Volkhov and its two hands the Volkhovets and the Zhilotygy, and the area of the Volkhov upper reaches is vast flood-lands all covered with water in the period of flash-floods and where at places numerous ancient settlements were scattered on hilly eminencies. In one of the

«поселениями в островной местности» (от *holmr* — «остров, возвышенность на болоте, залитом лугу» и *gardr* — «ограда, двор, усадьба»), название которой переходит на город. Топографическая ситуация в районе истока Волхова вполне соответствует обоим вариантам объяснения появления топонима. Второй путь базируется на том, что скандинавы воспроизвели в имени Хольмгард славянское название, но оно в момент их первого появления на Ильмене было иным, чем «Новгород». Таким городом мог быть «Холмгород», чему вполне можно найти объяснение, опираясь все на ту же топографию местности и известный в летописях для участка Славенского конца города топоним «Холм». Однозначных лингвистических доказательств в пользу какого-то одного толкования нет.

Размышляя над выдвинутыми решениями в своих предшествующих работах, я больше склонялся к трактовке наименования «Хольмгард» как чисто скандинавского. Подкупало, прежде всего, полное топографическое соответствие «города на острове» или «поселений в островной местности» (неважно, чему отдавать предпочтение) реальной природной ситуации. Рюриково городище действительно расположено на острове, окруженном Волховом и его двумя рукавами Волховцом и Жилотугом, а район истока Волхова представляет собой огромную заливаемую во время паводков волховско-ильменскую пойму, среди которой возвышаются всхолмления с многочисленными древними поселениями. Однако недавно в специальной статье о происхождении названия «Хольмгард» Т. Н. Джаксон и А. А. Молчанов обратили особое внимание на некоторые моменты, которые порой недооценивались при рассмотрении данного вопроса. Полагаю, они достаточно серьезны, чтобы

recent articles, though, especially dedicated to the origin of the word «Holmgardr», its authors T. N. Jackson and A. A. Molchanov paid their attention to some points which had been underestimated before. I feel they are rather serious to be talked about again. The thing is that if we acknowledge the name of Holmgardr as a purely Scandinavian one without talking into consideration some previous old Russian name, it would all sound very convincing and true to life especially if we think about the topography of the place at the Volkhov upper reaches, in other words, if we consider the appearance of the name as an isolated singular phenomenon. However, it may not be true. The essence of the idea is that the root «gardr» can be met not only in the name of the Northern Rus' capital, but also in the names of Kiev (Koenugardr) and Constantinople (Miklagardr). In such cases a tendency appears to be formed where the first part of the word belongs to the Slav origin and the second part is formed with «gardr» and that shows itself in many names of major centres on the route «from the Varangians to the Greeks». T. N. Jackson and A. A. Molchanov came to a conclusion that in this case as well we deal with the Slav name of «Kholmgorod». I believe that these are rather serious arguments. Prior to this, T. N. Jackson had noted that during their first visits to Rus' Scandinavians called this country Gardar because when they went inland from Ladoga along the Volkhov they met on their way a whole chain of fortified settlements which the Slavs called «towns» (excavation works proved this hypothesis along the Volkhov). This also adds to the justification of the Slav origin of the Northern Rus' capital. The whole country of Rus' began to be called Gardariki or «the country of gardr's».

взвесить приводимые аргументы еще раз. Дело в том, что признание топонима «Хольмгард» сугубо скандинавским, без учета какого-то предшествующего местного наименования, убедительно и правдоподобно, если опираться только на рассмотрение особенностей топографии местности в истоке Волхова, другими словами, объяснять появление рассматриваемого топонима изолированно. Однако вряд ли это верно. Суть в том, что корень *gardr* мы встречаем не только в наименовании столицы Северной Руси, а и в названиях Киева (Кое*nugardr*) и Константинополя (Мик*l*gardr), где первые части топонимов местного происхождения, что указывает на существование определенной конструктивной модели для появления названий крупнейших центров по пути «из варяг в греки». Из этого Т. Н. Джаксон и А. А. Молчанов сделали вывод, что и в случае со столицей Северной Руси мы имеем дело со славянским топонимом «Холмгород». Полагаю, что это очень серьезные аргументы. Ранее Т. Н. Джаксон отмечала, что на первом этапе знакомства скандинавов с Русью они именовали страну *Gardar*, поскольку, отправляясь из Ладоги по Волхову в глубь страны, встретили на своем пути цепочку укрепленных поселений, называемых славянами «городами» (археологически такие городки вдоль Волхова зафиксированы), что также находится в контексте объяснения наименования столицы Северной Руси от славянского топонима. Вся же Русь стала называться *Gardariki* — «страна гардов» (= городов).

На ранних этапах своей истории Рюриково городище (древнейший Новгород русских летописей IX—X вв.) являлось резиденцией князей — Рюрика, Олега, откуда в 882 г. он пошел на Киев, Святослава (согласно сообщению Константина Багрянородного), Ольги, возвращавшейся из похода на Мсту и Лугу. Здесь разме-

At the early stages of its development the Rurik Gorodische (the ancient Novgorod, by the chronicles of the 9-th and the 10-th centuries) was the princes' residence, that of Rurik and Oleg, wherefrom Oleg went to conquer Kiev in 882, also of Sviatoslav (according to the data from Constantine Bagrianorodniy), of Olga who was returning there from her raid on the Msta and Luga. This place housed the princes' estate and their men-at-arms many of whom where of Varangian origin. When Novgorod was turned into the capital of the Northern Rus' and the centre of Christianity (away from the pagan Peryn') and when its territory considerably grew, the princes' residence was transferred close to Yaroslavovo Dvorische, which probably took place under Prince Yaroslav Vladimirovich. The name of «Gorodische» appeared locally similar to the «Yaroslavovo Dvorische» around the middle of the 11-th century after the new town walls (detinets) were put up around the main town church, i.e. Soph Cathedral, and the bishop's court, in 1041. The out-of-town princes' residence was still kept on the Gorodische hill, however, the settlement around it began to play a different role in the town structure. Houses of kinsmen — *ognischane* — were situated at *Torgovaya storona* near Yaroslav's residence. Some place near it there was «*Poromon' dvor*» mentioned in the chronicle. In 1016 the First Novgorodian Chronicle reads that during the conflict which arose between the Novgorodians and the Varangians, the citizens enraged with the violence of the Varangians invited by Yaroslav, got together at night and initiated a bloody battle with them in *Poromon' dvor*. Wherever the name of that 'dvor' might be derived from (and it is considered to be of Scandinavian origin and mean 'market place' or 'place for the prince's

шался княжеский двор и дружина, куда постоянно входило значительно число варягов. При превращении Новгорода в столицу Северной Руси, росте его территории, организации на новом месте (в стороне от языческой Перыни) христианского центра, вероятно, при Ярославе Владимировиче основная княжеская резиденция была перенесена к торгу на Ярославово дворище. Название «Городище» как локальный топоним, подобный «Ярославову дворищу», появилось в середине XI в., после строительства в 1044 г. новых городских укреплений (детинца), окруживших главный городской храм — Софийский собор и епископский двор. На городищенском холме осталась загородная резиденция князей, и поселение здесь стало играть иную роль в новгородской городской структуре. На Торговой стороне рядом с резиденцией Ярослава разместились дворы княжих мужей — огнищан. Где-то здесь находился и упомянутый в летописи «Поромонь двор». Под 1016 г. Новгородская первая летопись сообщает, что во время конфликта новгородцев с варягами горожане, возмущенные насилием приглашенных Ярославом наемников, «собрашася в ночь, исекоша Варягы в Поромоне дворе». Как бы ни трактовать этот двор, наименование которого объясняют из скандинавских языков как «торговый двор», «помещение ближней дружины», ясно одно, что в ту злополучную ночь варяги размещались в городе на какой-то компактной территории. Некоторые исследователи сопоставляют упоминание о «Поромоне дворе» с сообщением «Саги об Эймунде» о строительстве Ярославом дома для варягов. Лаконичный летописный рассказ высветил для нас драматический эпизод реальной жизни средневекового города, которая была далека от идиллии.

Письменные источники и археологические материалы рисуют нам слож-

men-at-arms'), it is quite obvious that on that unfortunate night the Varangians were located on a rather small territory. Some researchers believe that «Poromon' dvor» and the house for the Varangians that Yaroslav ordered to be built for them, as is written in «Saga on Eimund», is one and the same place. A brief story from the chronicle made us witness a dramatic episode from real life of the medieval town which was far from being idyllic.

Written records and archaeological data reveal the complex and versatile relationship between the Slavs and Scandinavians in the Northern Rus'. The many-sided relationship of both peoples was not in the least a passing episode, but a remarkable phenomenon in the history of Europe. The Varangians in Rus' turned out to be its merchants and craftsmen, warriors and princes, officials and diplomats, mercenaries and robbers. Some of them appeared in this country at the time of sudden raids to catch their quick trophies and disappear on their fast vessels, others stayed there for long and returned to their native country with fortunes which they had saved through long years of far-distant raids or of official work, the third ones settled in Rus' for ever with all their families, and assimilated with the ancient Slavs gradually forgetting their traditions of everyday life, their burial customs and losing the anthropological features of Germanic people. Mutual influence affected both cultures and traditions and replenished them. Time has come to talk about it widely paying tribute to national peculiarities and following the historical truth:

ную и многообразную картину славяно-скандинавских отношений в Северной Руси. Можно сказать, что разностороннее общение двух народов было отнюдь не случайным эпизодом, а заметным явлением в европейской истории. Варяги на Руси были купцами и ремесленниками, воинами и князьями, чиновниками и посланниками, наемниками и грабителями. Одни из них появлялись здесь во время внезапных набегов, чтобы после удачной добычи сразу исчезнуть на быстроходных ладьях, другие возвращались на родину через годы, скопив состояния в далеких походах и на государственной службе, третьи обосновывались на Руси постоянно, семьями, вливаясь в древнерусское общество, постепенно утрачивая традиционные черты быта, погребальной обрядности и антропологические признаки германского народа. Влияние культур и традиций было взаимным и плодотворным. Сейчас наступило время, когда об этом можно сказать во весь голос, отдавая дань национальным особенностям и придерживаясь исторической правды.

ЛИТЕРАТУРА

- Давидов О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладого VIII—IX веков // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1986. Вып. 27. С. 99—105.
- Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Древнерусские города в древнескандинавской письменности: Тексты, перевод, комментарий. М., 1987.
- Джаксон Т. Н., Молчанов А. А. Древнескандинавские названия Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1990. Вып. 21. С. 226—238.
- Кирпичников А. Н. Ладога и ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 38—79.
- Кирпичников А. Н. Ладога VIII—X вв. и ее международные связи // Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 2. С. 28—53.
- Назаренко В. А. Могильник в урочище Плахун // Старая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
- Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII—X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 8. С. 95—110.

- Носов Е. Н.* Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1981. Т. 146. С. 18—24.
- Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов Е. Н.* Новгородский Детинец и Городище (к вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // Новгородский исторический сборник. СПб., 1995. Вып. 5 (15). С. 5—17.
- Рыдзевская Е. А.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры М.; Л., 1945. Т. 11. С. 51—65.
- Рябинин Е. А.* У истоков ремесленного производства в Ладоге // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 5—59.
- Санкина С. А.* Антропологический состав и происхождение средневекового населения Новгородской земли: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.
- Средневековая Ладога: Новые открытия и исследования. Л., 1985.
- The Archaeology of Novgorod, Russia. Recent Results from the Town and its Hinterland / Ed. Mark A. Brisbain // The Society for Medieval Archaeology. Monograph Series. N 13. Lincoln, 1992.
- Schram G.* Die normannischen Namen für Kiev und Novgorod // Russia Mediaevalis. 1985. Т. 5.

Р. Эдберг

ОТ СИГТУНЫ ДО ЧЕРНОГО МОРЯ

Экспериментальное путешествие

В область археологических исследований на море входит не только вопрос о корпусах кораблей и других объектах, находимых под водой и на побережье. Как отдельная сторона этой темы могут также рассматриваться попытки реконструкции доисторических или средневековых кораблей.

Ладьи и корабли эпохи викингов давно обладают особой притягательной силой не только для всех интересующихся этой темой, но и для исследователей. Знания о кораблестроении в эпоху викингов, которыми мы располагаем, основываются в первую очередь на археологических находках из норвежских курганов, исследованных в основном в прошлом веке (в первую очередь из Осеберга и Гокстада). Корабли и дальние путешествия, о которых повествуют исландские саги, нашли, казалось, свое материальное воплощение и подтверждение в данных находках. Изучение останков пяти викингских кораблей из фьорда Роскильде в начале 60-х гг. XX в. также легло в основу многих исследований. Данная находка давала в некоторой степени представление о том, какое огромное количество типов кораблей существовало прежде. Две основные группы археологических находок, датская и

R. Edberg

FROM SIGTUNA TO THE BLACK SEA

An Experimental Voyage

Marine archaeological research includes not only hulls of vessels and other objects which are found under water or on the shores. Another side of such research may include attempts to reconstruct prehistoric and medieval vessels.

Boats and ships of the Vikings have always excited imagination not only of those interested in it but of scientists as well. The knowledge that we have about shipbuilding in the Vikings' times is based first of all on the archaeological findings from the Norwegian burial mounds which were studied in the past century (in the first place those in Oseberg and Gokstad). Vessels and distant voyages which sagas tell us about seem to have materialised in those findings. The study of the remnants from five Viking ships from fjord Roskilde at the beginning of 1960-ies also initiated a whole number of research works. That finding revealed to a certain degree the tremendous variety of ships which existed in old days. The two main groups of archaeological findings, the Danish and the Norwegian ones, later on served a starting point for setting up major research institutions and also the traditions which prevail among Scandinavian scientists.

норвежская, впоследствии положили начало крупным исследовательским институтам и традициям, преобладающим среди скандинавских исследователей.

Археологический материал, собранный в районе Балтийского моря, является по сравнению с данными находками весьма незначительным и чересчур разносторонним. Но если признавать, что методы кораблестроения с конца железного века до раннего средневековья изменились мало и что отдельные ладьи, даже построенные в одно и то же время, представляют собой немалую вариативность, то не стоит исключать возможность «собрать воедино» разные типы и внешнего вида ладей с помощью анализа стилистических черт и конструктивных решений имеющихся находок из района Балтийского моря. Существует также немало доказательств, что корабли, найденные в районе Балтийского и Северного морей, обладают как сходством, так и различиями. Поразительной, но естественной разницей является тот факт, что большие корабли, плававшие по западным морям, не встречались в Балтийском море. С большими трудностями придется столкнуться тому археологу, кто попытается на основе материала, собранного в Балтийском море, воссоздать и испытать викингские корабли. Но вместе с тем нет причины отказываться от работы по реконструкции кораблей из-за комплекса неполноценности, который складывается по отношению к обширным западноскандинавским источникам или выдающимся вкладам в научные исследования, произведенным на основе данных источников. Существует немало вещей, дающих пищу для исследования, как с практической так и с теоретической стороны.

В придачу к приведенному рассуждению следует добавить, что часто используемые понятия «копия» или «макет» представляются неудачными с точки зрения корабельной археологии. Никто не

Archaeological data obtained from the territory of the Baltic Sea as compared to the above findings are thought to be quite small and rather disconnected. However if we admit that methods of shipbuilding had changed but insignificantly from the end of the iron Age to early Middle Ages and that separate boats, even if they were built at approximately the same time, differ considerably, we shall not altogether reject the possibility to «put together» vessels of different types and outside appearance with the help of the analysis of stylistic features and design solutions of the available findings from the Baltic Sea. Besides there exist numerous proofs that the ships found in the region of the Baltic and Northern Seas have both similarities and differences. The difference that naturally puzzles is that huge ships that were sailing in western seas were not to be found in the Baltic Sea. The archaeologist who would make an attempt to reconstruct and try out Viking ships based on the material obtained in the Baltic area is sure to face major difficulties. However there is no reason to obtain from reconstruction of ships due to an inferiority complex which may develop because of the availability of vast and profound Western Scandinavian sources and the outstanding contributions which have been made into scientific research based on these sources. There are still numerous areas providing with a field for research, both practical and theoretical.

It would not be unwise to add some more point to the already given ideas. From the point of view of archaeology of hulls the frequently used notions of «copies» or «dummy vessels» seem to be erroneous. No one can be absolutely sure that even the best preserved Norwegian vessels from burial mounds are in absolutely perfect state. Other important objects also exist in fragments. Therefore,

может с полной уверенностью утверждать, что даже лучше всех сохранившиеся новержские корабли из курганов дошли до нас полностью, на все сто процентов. Другие важные предметы присутствуют также в виде фрагментов. Таким образом, любой желающий воссоздать викингский корабль, в большей или меньшей степени утраченный, должен пользоваться термином «реконструкция». С его помощью он обозначит свое действительное местонахождение между двумя теоретическими границами крайне неустойчивой шкалы — с одной стороны, полное копирование (следует усомниться, возможно ли оно) и, с другой стороны, приблизительное воссоздание, основанное на научных концепциях и принципах аналогии.

Экспедиция с Готланда в Стамбул в 1983 и 1985 гг., руководимая Эриком Нюленом, происходила на корабле «Крампмаккен» длиной 8 м, весьма свободно реконструированном на основе относительно скудного источника. Но экспедиция сесторонне доказала, что путешествие на подобном корабле возможно не только в конкретном, но и в любом случае. Были также выяснены, что является не менее важным, общие условия, необходимые для путешествия при данных обстоятельствах.

Нюлен, в частности, выдвинул определенную гипотезу, что путешествия викингов на восток происходили не на больших кораблях, изображенных на надгробных камнях, а на более мелких судах. Можно сказать, что данная гипотеза подтвердилась, поскольку экспедиции, невзирая на трудности пути из-за быстрого встречного течения на реках и длительного передвижения по суше, удалось достичь своей далекой цели. Помимо опытов с «Крампмаккеном» весьма плодотворным образом была продолжена дискуссия о типах кораблей и условиях экспеди-

anyone willing to reconstitute a Viking vessel lost in time to a greater or lesser degree, shall use the word «reconstruction». By using it he would place his activities in a correct position of this vulnerable scheme, on the one end of which there is absolute copying (which we doubt is possible) and on the other, an approximate reconstitution based on scientific concepts and principles of analogy.

From 1983 to 1985 expedition headed by Eric Nylén and destined from Gotland to Istanbul was carried out on board the ship «Krampmacken», 8 meters long which was reconstituted on the basis of a relatively poor source. However the expedition has proved in all ways that a voyage on such vessel is possible not only in a particular but in all cases. There were also found out general conditions required for voyages of such types, and that was not in the least unimportant.

Prof. Nylén, in particular, tried to prove a hypothesis according to which Viking voyages to the east were carried out not on big ships depicted on tombs, but on smaller vessels. We can say that the hypothesis proved itself because despite strong head current on the rivers and long-time manoeuvring on land, the vessel reached its distant place of destination. Besides experiments with «Krampmacken» there followed a very fruitful discussion on types of vessels and conditions for expeditions, as a result of which the author of this article and other scientists promoted other ideas different from those of prof. Nylén.

Another confirmation of how right Prof. Nylén was in his estimations of the main issue came in 1992 when the Norwegian expedition on board the ship «Havern», a two-third size reconstruction of a ship from Gokstad (16 meters long) had to terminate its experimental voyage on the river Daugava (Divan) in Latvia,

ций, в результате которой автор данной статьи и другие археологи выдвигали идеи, отличные от идей Нюлена.

Очередное подтверждение того, насколько прав оказался Нюлен в главном вопросе о кораблях и ладьях, поступило в 1992 г., когда норвежская экспедиция на корабле «Хаверн», являющаяся уменьшенной до двух третей копией корабля из Гокстада (16 м длиной), была вынуждена прервать путешествие на р. Даугава (Двина) в Латвии, возле границ с Россией, и нанять грузовую машину для транспортировки корабля через водораздел до истоков Днепра. Корабль, превосходно передвигавшийся по морю, оказался слишком тяжелым и неповоротливым для плавания по рекам.

Из-за внешнеполитических факторов экспедиция Нюлена была вынуждена тогда совершить путь, не соответствующий историческому, через Восточную Европу до Черного моря. Теперь, после распада Советского Союза, вновь представляется возможным совершить путешествие по старым путям викингов на восток, в том числе по достославному пути «из варяг в греки», как он назывался в русской хронике XII в. (варяги — шведы или в целом скандинавы, греки — население Византийской империи).

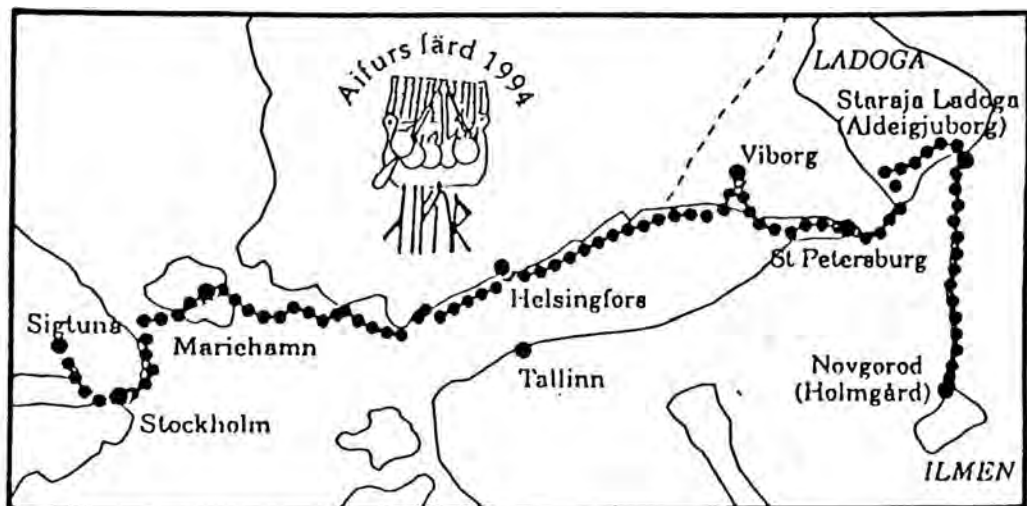
Первыми шведами, отважившимися на подобную попытку, были члены экспедиции «Хольмгард» в 1994 г. на корабле «Айфур» длиной 9 м. Корабль во многом напоминал «Крампмаккен», но выглядел более элегантно, поскольку его создатели были вдохновлены материалами раскопок захоронений в Упсале. Во время путешествия на борту корабля было, как правило, 9 человек, поэтому балласт при плавании под парусом не требовался и возникала необходимость грести в полную силу.

next to the boarder-line with Russia, and hire a track o transport the ship across the watershed to the upper reaches of the Dnieper. The ship which had moved perfectly on the sea, turned out to be too heavy and awkward to sail on the rivers.

Due to certain foreign policy factors the Nylen expedition had to choose the route which did not coincide with the historical one, i.e. via Eastern Europe to the Black Sea. Nowadays, after the dissolution of the former Soviet Union, there seems to be a good chance to go on another voyage along ancient Viking routes to the East, and in particular along the famous route «from the Varangians to the Greeks», as it was called in a 12-th century Russian chronicle (where Swedes and Scandinavians in general were called Varangians, whereas the inhabitants of the Byzantine empire were named Greeks).

The first Swedes to make this courageous attempt were members of the «Kholmgard» expedition in 1994 who went out on a 9 meter vessel called «Aifur». This ship resembled «Krampmacken» a lot, but looked, however, more graceful, because its builders had been inspired by the material obtained from excavation works in Uppsala burial mounds. During the voyage there were usually 9 people on board, and that was why ballast under sail was not needed, and the boat required rowing at full strength.

They set out on a voyage in Sigtun and passed Stockholm, Vaxholm, Arholm, Mariehamn, Kekar, Nete, Porkala, Kotka, Vyborg, Saint-Petersburg, Old Ladoga and stopped in Novgorod. In 41 days the expedition covered 1382 kilometres. The experiments and the inferences made during the voyage were published in another article. We can only state that expedition was particularly lucky with the

Маршрут путешествия корабля «Айфур» в 1994 г.

The «Aifur» route in 1994.

Путешествие началось в Сигтуне и происходило через пункты Стокгольм — Ваксольм — Архольма — Марие-хамн — Кекар — Нете — Поркала — Котка — Выборг — Санкт-Петербург — Старая Ладога — Волхов до Новгорода. Экспедиция прошла 1382 км за 41 сутки. Опыты и заключения, полученные в результате путешествия, были опубликованы в другой статье. Можно только констатировать, что экспедиции исключительно повезло с погодой, поскольку в течение 21 дня на море от Швеции до Петербурга дули западные ветры со скоростью не более 16 м/ч. На вынужденное ожидание попутного ветра было потрачено не более полудня.

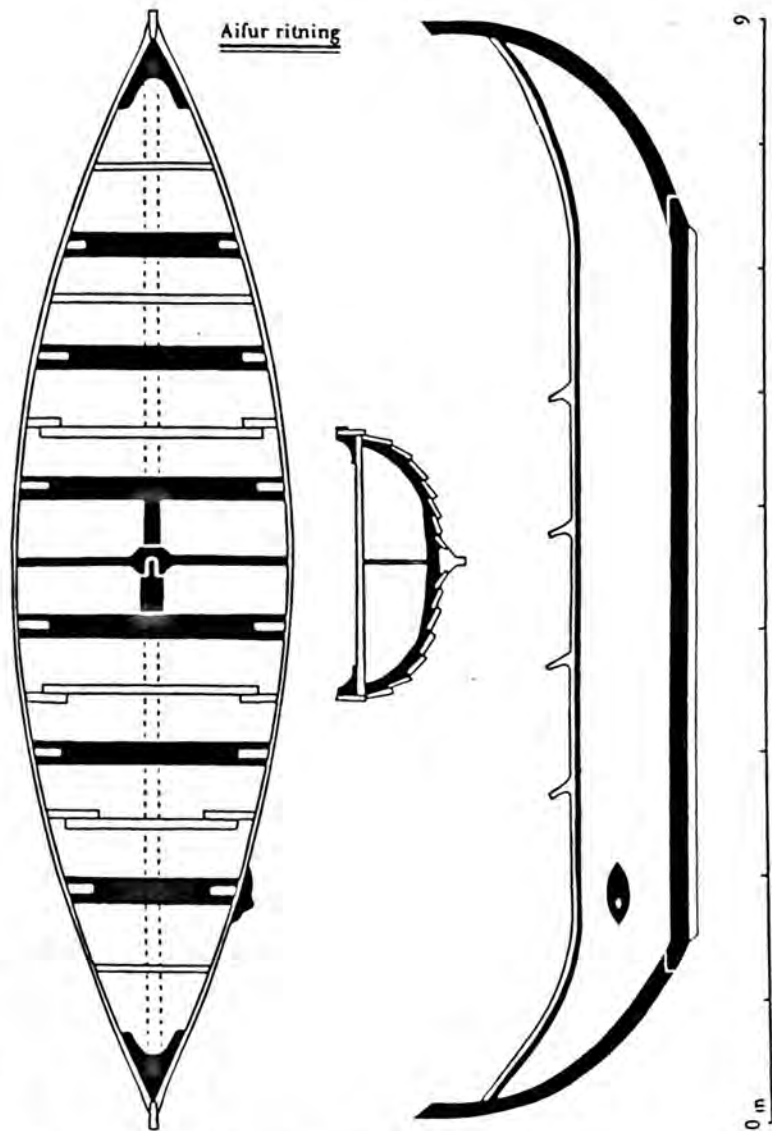
В качестве интересного сравнения можно отметить, что когда «Краммаккен» (корабль, используемый Ньюленом) должен был летом 1995 г. отплыть с восточного побережья Готланд до Эселя, команда в течение 8 дней ждала подходящего ветра. Только тог-

weather because for 21 days west winds were blowing on the sea from Sweden to Saint-Petersburg at a speed no more than 16 meters per hour. The expedition lost no more than half a day waiting for the fair wind.

It might be an interesting comparison if we remember that when «Krammacken» (the vessel used by Prof. Nylén expedition) was to set sail from the eastern coast of Gothland to Esel in summer 1995, the crew was waiting for the fair wind for 8 days, and only after that the sea voyage went well and without risk.

When the hip speed of the voyage from Sigtun to Novgorod was calculated, it was found out that during the real time of movement comprising 300 hours (the expedition stayed on land overnight) only the third of the route was rowed on oars and about two thirds of the route went under sail.

The further inland «Aifur» went on the territory of Russia, the more frequently the crew had to row oars and use tractive

Корабль «Айфур». Схематический чертеж.

The scheme of the «Aifur» ship.

да путешествие по морю прошло быстро и без риска.

Когда была подсчитана скорость путешествия от Сигтуны до Новгорода, выяснилось, что за действительное время передвижения, составляющее около 300 часов (экспедиция ночевала на суше), только около 1/3 приходилось на греблю на веслах и около 2/3 — на плавание под парусом.

Чем дальше в глубь территории России проникал «Айфур», тем чаще приходилось прибегать к гребле на веслах и ручной тяге. Удача с погодой продолжилась на р. Нева, где в определенной степени удалось идти под парусом против течения, но на р. Волхов пришлось грести. Течение было не более 1 мили в час, но при изнуряющей жаре, что стояла тогда, путешествие выдалось нелегким. Когда корабль наконец достиг Новгорода и взором предстала крепостная стена кремля и вознесшийся в воздух, сверкающий золотом купол Софийского собора (освящен в 1042 г.), этот миг показался нам триумфальным. В полном соответствии с планами экспедиция была прервана в Новгороде и корабль был транспортирован обратно в Швецию.

Когда создавалась данная статья, одновременно шли подготовительные работы для продолжения экспедиции «Хольмгард» по полному пути. Летом 1995 г. автор статьи и его коллега, Хокон Альтрок, осмотрели на машине речные пути между Новгородом и Смоленском. Насколько нам известно, ранее эти районы никогда не посещались скандинавскими исследователями с подобной миссией. «Не наткнись на рунические камни», — пошутил Хокон, когда мы ранним росистым утром выпрыгнули из взятой нами напрокат бывшей военной машины возле деревни Пруд неподалеку от истоков р. Ло-

force. Favourable weather lasted till the Neva river where the ship was managed by sail against the current, however on the Volkhov river it was necessary to row. The current was no quicker than one mile per hour, but in the exhausting heat the voyage was not at all tan easy one. When the ship finally reached Novgorod and the crew saw the Kremlin wall and the glistening golden cupola of the Sophia Cathedral (consecrated in 1042), we all felt triumph. In accordance with plan the expedition was terminated in Novgorod and the ship was transported back to Sweden.

When this article was being written preliminary work was carried on for continuation of «Kholmgard» expedition along the full route. In summer 1995 the author of this article and his colleague Hokon Altrol examined from the car the river routes between Novgorod and Smolensk. As far as we know, prior to that those lands had never been visited by Scandinavian scientists with the same mission. «Don't stumble over a run stone, by chance», Hokon joked as we jumped off a hired old military jeep near the village Prud not far from the upper reaches of the Lovat' river. we went there to find a reliable way to tow the vessel from the river to Uzmen' lake.

If we do not consider small rivers near Smolensk that are closed for shipping by the dikes, the rivers and water ways between Il'men' lake and Dnieper have not undergone any drastic changes since Viking times.

After we examined everything on location we came to a conclusion that it was quite possible to row against current on the river Lovat'. and that the span between Novgorod and Smolensk could be covered in 5 to 6 weeks' time. However, no one can guarantee there absolute safety and, what is more, the expedition will have to secure its own provision of food and

вать, чтобы найти подходящий путь волоком от реки до оз. Узмень.

Если не считать небольших речек возле Смоленска, большей частью перекрытых дамбами и закрытых для судоходства, состояние рек и водных бассейнов между оз. Ильмень и Днепром вряд ли изменилось решающим образом с эпохи викингов.

После осмотра мы сошлись на том, что грести против течения на р. Ловать вполне возможно и отрезок Новгород—Смоленск может быть пройден за 5—6 недель. Хотя нельзя поручиться за полную безопасность, и главное, что будет требоваться от экспедиции, — самой снабжать себя питьем и едой. Исходным условием является также тот факт, что все необходимые транспортировки по суше происходят с помощью катков, устанавливаемых под килем. Данная техника требует немалых временных затрат и не лишком проста для того, чтобы с ней можно было легко справиться, в этом убеждают проведенные опыты.

Из Смоленска путь лежит по течению Днепра, и до Киева, по моему суждению, можно добраться за 3 недели. От Киева Днепр застроен плотинами электростанций, поэтому время передвижения предположить крайне трудно. Путь в 900 км от столицы Украины до Черного моря займет, при благоприятных обстоятельствах, как минимум 4—5 недель.

Главным условием проведения экспедиции «Хольмгард» является использование корабля «Айфур», но смысл заключается, несомненно, в самом путешествии. Согласно термину, заимствованному у Карла Улофа Седерлунда, экспедиция и ее научные результаты могут рассматриваться как примеры так называемой коммуникационной археологии, как попытка экспериментальным методом получить опыт, соответствующий геосоциальным условиям путешествий в регионе Балтийского моря в эпоху викингов.

water. The prerequisite will be that the expedition will carry out all the required transportations on land with the help of rollers which are placed under the keel. This technique is rather time-taking and it is not very simple and easy as it may seem at first sight. This has already been proved by the carried out experiments.

From Smolensk the route lies along the Dnieper, and as I estimate it will take about 3 weeks to reach Kiev. From Kiev the Dnieper is all built up with dikes of electric power stations, which makes it difficult to estimate the speed of the voyage. Under favourable circumstances the way from Kiev to the Black Sea of 900 kilometres will take at minimum 4 to 5 weeks.

«Aifur» boat for this expedition will be the main requirement, however its essence will undoubtedly be the voyage itself. According to Karl Olof Sederlund, the expedition and its scientific results can be deemed samples of communicative archaeology and also an attempt to obtain experience through experimental methods of voyages in the region of the Baltic Sea which by their geosocial characteristics are similar to the ones carried out in the Vikings' times.

ЛИТЕРАТУРА

- Edberg R.* Expedition Holmgård. Vikingabåten Aifurs färd från Sigtuna till Novgorod. Ett arkeologiskt äventyr // Sigtuna museers skriftserie 5. Sigtuna, 1994.
- Edberg R.* Låt det gunga om båtarkeologin. Några erfarenheter från Expedition Holmgård // Fornvännen 90. Stockholm, 1995.
- Edberg R.* I Olegs kölvatten. En rekognosering av floderna mellan Novgorod och Smolensk. I Edberg, R. red: Vikingavägar i öster // Meddelanden och Rapporter från Sigtuna Museer, 1. 1996.
- Larsson Mats G.* Rusernas rike. Nordborna och Rysslands födelse. Stockholm, 1993.
- Nylén E.* Vikingaskepp mot Miklagård. Krampmacken i Österled. Borås, 1987.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бильдт Карл — член Шведского парламента с 1979 г., представляющий Консервативную партию, председатель Консервативной партии с 1986 г., премьер-министр Швеции в 1991—1994 гг., в настоящее время High representative (Верховный представитель) в бывшей Югославии по выполнению Дейтонских соглашений по мирному урегулированию в Боснии.

Гринеvский Олег Алексеевич — выпускник МГИМО МИД СССР, в МИД с 1957 г. Был заведующим Ближневосточного департамента МИД. В 1984 г. возглавлял делегацию СССР на Стокгольмской конференции по европейской безопасности. В 1989 г. назначен руководителем делегации СССР на Венских переговорах по сокращению вооружений и мерам доверия в Европе. В 1991—1997 гг. — посол России в Швеции. Журналист, писатель, автор ряда статей и книг: «Прокофий Возницын и мир с турками», «Тайна великого посольства Петра», «Före Poltava», «Töväder och Kalit Krig» (на швед. яз.), «Tau wetter» (на нем. яз.).

Кирпичников Анатолий Николаевич — заведующий отделом славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, профессор, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Автор около 400 печатных работ, посвященных истории, археологии, культуре, архитектуре Древней Руси и сопредельных стран. С 1968 г. ведет археологические раскопки исторических городов северо-западной России, включая Старую Ладугу.

Носов Евгений Николаевич — доктор исторических наук, заместитель директора Института истории материальной культуры РАН, заместитель ответственного редактора ежегодника «Археологические вести», специалист в области изучения археологии и истории Древней Руси, автор 180 опубликованных научных работ, в том числе нескольких книг. С 1974 г. возглавляет археологические отряды и экспедиции, ведущие раскопки на территории Северной Руси, в том числе Рюрикова городища — непосредственного предшественника Новгорода.

ABOUT THE AUTHORS

Bildt Carl — member of Swedish Parliament since 1979 representing the Moderate Party, leader of the Moderate Party since 1986, Swedish Prime Minister 1991—1994, at present — High Representative in former Yugoslavia for the fulfilment of the Dayton agreement and the civil reconstruction of Bosnia.

Grinevsky Oleg Alexeevich — graduate of MGIMO MID USSR. Since 1957 head of Near-Eastern department of MID. In 1984 was at the head of the USSR delegation at the Stockholm conference on European security. In 1989 was appointed the leader of the USSR delegation at the Vienna negotiations on reduction of arms and measures of confidence in Europe. Since 1991 Ambassador of Russia in Sweden. Journalist, writer, author of a number of articles and books: «Prokofy Voznitsyn and Peace with the Turks», «The Mystery of Peter's great Embassy», «Fore Poltava», «Töväder och Kalit Krig» (in Swedish), «Tau wetter» (in German).

Kirpichnikov Anatoly Nikolaevich — Head of department of the Slav and the Finnish archaeology at Institute of history of artefacts of RAN, professor, Doctor of History, author of more than 400 works devoted to history, archaeology, culture, architecture of Ancient Rus' and contiguous states. Since 1968 carries out archaeological excavations of the towns of the North-Western Russia, including Old Ladoga.

Nosov Evgueny Nikolaevich — doctor of history, Deputy Director of Institute of the history of artefacts of RAN, deputy editor of the «Archaeological News» specialist in the sphere of archaeology and history of Ancient Rus' studies, author of 180 works, including several books. Since 1974 he is at the head of archaeological groups and expeditions, carrying out excavations on the territory of Northern Rus', including the Rurikovo gorodische — the immediate predecessor of Novgorod.

Собчак Анатолий Александрович — до 1996 г. мэр и председатель правительства С.-Петербурга, профессор, доктор юридических наук. Преподает в Санкт-петербургских Европейском и Гуманитарном университетах, руководитель фонда «Спасение С.-Петербурга». Почетный доктор университетов Генуэзского, Мадридского, Портлендского, Санкт-Петербургского во Флориде, Таусонского, почетный профессор университета г. Бордо, лауреат ряда международных премий.

Хедман Андерс — получил образование в области экономических, филологических и политических наук. С 1979 по 1991 г. — активист Консервативной партии Швеции. В 1985—1993 гг. учился в Стокгольмском университете и университете г. Саламанка (Испания). В 1993 г. закончил Шведскую школу бизнеса в Хельсинки, в 1993—1995 гг. — руководитель проектов Международного отдела Стокгольмского университета. С 1995 г. — директор Информационного центра Совета министров Северных стран в С.-Петербурге.

Эдберг Руне — журналист, археолог, научный сотрудник музея в г. Сигтуна, ведущий в Стокгольмском университете исследования ранних водных путей в оз. Меларен и стокгольмском архипелаге, научный руководитель проекта «Айфур». Автор около 20 печатных работ, в числе которых «Expedition Holmgård» (Sigtuna, 1994) и «Vikingävar i öster» (Sigtuna, 1996).

Янссон Ингмар — доцент Стокгольмского университета, лектор, автор около 50 печатных работ, посвященных археологии и истории Скандинавии и сопредельных стран в эпоху викингов.

Sobchak Anatoly Alexandrovich — till 1996 Mayor and Chairman of St. Petersburg Government, professor, Doctor of Law. Gives lectures in St. Petersburg, European and Humanities universities, leader of the «Salvation of St. Petersburg» foundation. Honorable doctor of Genoa, Madrid, Portland, St. Petersburg in Florida, Tau son Universities. Honorable professor of the university in Bordo, winner of several international prizes.

Hedman Anders — got education in the sphere of economic, philology and politics. From 1979 to 1991 — active member of the Moderate party of Sweden. In 1985—1993 — a student of Stockholm University in Salamanca (Spain). In 1993 graduated from Swedish school of business in Helsinki, in 1993—1995 Project manager of International department of Stockholm University. Since 1995 — director of Information Centre of the Nordic Council of Ministers in St. Petersburg.

Edberg Rune, journalist, archacologist at Sigtuna Museum, carrying on research at Stockholm University on early water routes in Lake Malaren and the Stockholm archipelago, scientific leader of the Aifur project. Author of 20 printed works, among them: «Expedition Holmgard» (Sigtuna, 1994) and «Vikingävar i öster» (Sigtuna, 1996).

Jansson Ingmar — lecturing professor of Stockholm Unoversity, author of about 50 printed works devoted to archaeology and history of Scandinavia and the contiguous states at the Viking Age.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Хедман.</i> Предисловие	3
<i>О. А. Гринеvский.</i> Россия и Швеция. Без прошлого нет будущего	6
<i>К. Бильдт.</i> Швеция и Россия в веках ис- тории. Конфронтация или культурное взаимобогащение?	10
<i>А. А. Собчак.</i> Русско-шведские связи С.-Петербурга	13
<i>И. Янссон.</i> Русь и варяги	19
<i>А. Н. Кирпичников.</i> Сказание о призва- нии варягов. Легенды и действи- тельность	31
<i>Е. Н. Носов.</i> Первые скандинавы в Се- верной Руси	56
<i>Р. Эдберг.</i> От Сигтуны до Черного мо- ря. Экспериментальное путешествие	83
Сведения об авторах	92

CONTENTS

<i>A. Hedman.</i> Introduction	3
<i>O. A. Grinevsky.</i> Russia and Sweden. There is no future without past	6
<i>C. Bildt.</i> Sweden and Russia in the centuries of history. Confrontation or cultural co-enrichment?	10
<i>A. A. Sobchak.</i> Russian-Swedish links of St. Petersburg	13
<i>I. Jansson.</i> Rus' and the Varangians	19
<i>A. N. Kirpichnikov.</i> The legend on the Varangians' Vocation. Legends and reality	31
<i>E. N. Nosov.</i> The first Scandinavians in Northern Rus'	56
<i>R. Edberg.</i> From Sigtuna to the Black Sea. An experimental voyage	83
About the authors	92

ВИКИНГИ И СЛАВЯНЕ

**Ученые, политики, дипломаты
о русско-скандинавских отношениях**

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректор *С. А. Батюто, Т. В. Буланина*

ЛР № 061824 от 23.11.92 г.
Сдано в набор 11.06.97. Подписано к печати 10.12.97.
Формат 70 × 84¹/₁₆. Бумага офсетная пл. 80 г/м²
Санкт-Петербургской бумажной фабрики Гознак.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Печ. л. 6.
Уч.-изд. л. 5.25. Тираж 1000. Заказ № 476

Издательство «Дмитрий Буланин»

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.